

355B7

к 59

P 180413

Г. КОЗЛОВ

**ГЕРМАНСКИЙ
РАЗБОЙНИЧИЙ
ИМПЕРИАЛИЗМ**

огиз · госполитиздат
1944

Г. КОЗЛОВ

ГЕРМАНСКИЙ
РАЗБОЙНИЧИЙ
ИМПЕРИАЛИЗМ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1944

ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО ХИЩНИКА НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Сейчас, когда по вине гитлеровской Германии пролито море человеческой крови, когда её солдатским сапогом придавлены миллионы людей в оккупированных странах и районах, когда по всему миру разносятся стоны измученных, изуродованных, заживо погребаемых гитлеровскими палачами людей, когда проклятые немецкие поджигатели оставляют после себя лишь дым и пепел пожарищ, — вполне естественно возникает вопрос, почему Германия выступает в роли палача свободолюбивых народов, почему именно там шайка уголовных преступников, называющая себя для отвода глаз национал-социалистами, может творить своё чёрное дело?

Учитель и вождь нашего народа товарищ Сталин разъясняет: *«Партия гитлеровцев есть партия империалистов, при том наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира»*¹. Кто же был заинтересован в том, чтобы привести эту партию к власти, чтобы отдать на её произвол Германию? На этот вопрос отвечает товарищ Сталин в своей книге «О Великой отечественной войне Советского Союза». На основе всего опыта войны он показывает, как немецкие фашисты, захватывая чужие страны, высасывают из них кровь, устанавливают рабско-крепостнические порядки. Это они делают не ради интересов Германии, а для того, чтобы обогатить немецких банкиров и плутократов, немецких баронов.

Фашистская партия очутилась у власти потому, что в этом были заинтересованы германские плутократы и бароны-крепостники. Гитлеровцы являются их цепными псами. Разбойничьи замыслы германских империалистов призвана была

¹ Сталин, О Великой отечественной войне Советского Союза, изд. 3-е,

осуществить гитлеровская партия. В течение всей истории своего развития германские плутократы, германские империалисты вынашивали самые хищнические и разбойничьи замыслы. Не случайно они избрали гитлеровцев орудием своей политики.

Германский фашизм — продукт исторического развития германского империализма. Выяснение его особенностей покажет, что гитлеровцы лишь до предела доводят устремления, которые всегда являлись характерной чертой германского империализма.

Ленин и Сталин не раз указывали на особенности германского империализма. В их трудах мы находим всё необходимое для выяснения тех исторических условий, которые породили кровавый гитлеризм.

К началу XX века, т. е. к моменту, когда капитализм окончательно перешёл в высшую его стадию — империализм, Германия была одной из самых передовых стран по уровню развития производительных сил, по уровню развития экономики. Германия к этому времени опередила ряд старых капиталистических стран в развитии техники и занимала вторые и третьи места в мире по производству ряда важнейших видов промышленной продукции.

В 1900 г. по производству стали Германия занимала второе место в мире и первое место в Европе; по производству чугуна и каменного угля — третье место в мире и второе место в Европе. По своей экономической организации, по созданию гигантских монополий Германия стояла в это время впереди старых капиталистических стран.

Такого уровня развития Германия достигла в короткие сравнительно со старыми капиталистическими странами сроки. Ленин, характеризуя экономическое развитие Германии, писал в своей работе «Империализм, как высшая стадия капитализма»: «Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить её капиталистическую силу с силой тогдашней Англии»¹.

Следовательно, за полвека до первой мировой войны Германия была ещё весьма отсталой страной.

В запоздалом развитии германского капитализма, в экономической отсталости Германии вплоть до последней трети XIX века по сравнению со старыми капиталистическими странами и заключается первая особенность развития германского капитализма.

В работе Маркса и Энгельса «Революция и контрреволю-

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 167—168.

ция в Германии» причины отсталости Германии характеризуются следующим образом:

«Причин этой отсталости германской промышленности было много. Достаточно указать на две из них: невыгодное географическое положение страны, далёкой от Атлантического океана, который стал великим путём мировой торговли, и беспрестанные войны, в которые вовлекалась Германия и которые велись на её территории с XVI века до настоящего времени (1851 г.— Г. К.)»¹.

Германская промышленность не могла конкурировать с передовой промышленностью Англии, базировавшейся на самой передовой для того времени технике (применение паровых двигателей, механизация прядения и ткачества). Под влиянием конкуренции пришла в упадок старинная полотняная промышленность Германии. Возникавшие в разных районах страны новые отрасли промышленности были ещё слабы; промышленных районов было мало. В Германии не было и таких крупных промышленных центров, как Париж и Лион во Франции, Лондон и Манчестер в Англии. К началу XIX века, когда Англия производила уже 10,1 млн. т угля, Германия производила его только 300 тыс. т². Континентальная блокада в период наполеоновских войн дала известный толчок развитию германской промышленности, но не могла компенсировать то, что Германия потеряла в ходе предшествующего развития.

Экономическая отсталость страны обусловила слабость буржуазии как класса. Буржуазия Германии не была так сплочена, не имела той политической силы, какой уже обладала буржуазия Франции и Англии. Господствующим классом в стране было феодальное дворянство-юнкерство, сохранявшее свои привилегии. Политическая отсталость страны выражалась также в том, что Германия не была единым централизованным государством, а представляла собой массу мелких, политически не объединённых государств.

К тому времени, когда Германия пришла к буржуазной революции 1848 г., рабочий класс в других странах уже выступал как большая политическая сила. Англия уже прошла через мощное чартистское движение, во Франции протест рабочего класса (лионские восстания) принимал всё более решительные формы. Германская буржуазия, очутившись в условиях запоздалой революции, напуганная растущим дви-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VI, стр. 18.

² См. «Капиталистические страны». Статистический сборник, т. I, 1937, стр. 64.

жением рабочего класса, предала революцию. Трусость и предательство буржуазии и слабость самого пролетариата в Пруссии и Австрии и были причинами того, что революция оказалась незавершённой.

Незавершённость революции привела к тому, что и после революции 1848 г. в Германии остались весьма значительные феодальные пережитки, капитализм развивался на нерасчищенной от феодализма почве. Это было второй особенностью развития капитализма в Германии.

Феодальные пережитки сыграли большую роль во всей последующей истории Германии.

В чем же выражалась сила феодальных пережитков? Прежде всего в том, что развитие капиталистического хозяйства в деревне пошло по пути, который Ленин называл прусским путём капиталистического развития. Крупные юнкерские поместья сохранялись и постепенно превращались в капиталистические хозяйства. Значительные остатки феодального гнёта в сочетании с капиталистическими методами эксплуатации давили на крестьянина, крестьянин оставался забитым, нищим и невежественным. После революции 1848 г. по закону 1850 г. крестьянство стало освобождаться от феодальных повинностей на основе выкупных операций и перевода этих повинностей в форму денежной ренты. Энгельс писал:

«Мы можем поэтому принять, что сумма, уплаченная крестьянами дворянству и казне за освобождение от противозаконно возложенных на них повинностей, составляет по крайней мере 300 миллионов талеров, может быть, миллиард марок.

Миллиард марок — только для того, чтобы вернуть себе свободной от повинностей лишь очень небольшую часть отнятой четыреста лет тому назад земли. Очень небольшую часть, так как гораздо большую часть дворянство и казна и без того присвоили себе в виде майоратных и других дворянских поместий и государственных доменов»¹.

Следовательно, большая часть крестьянской земли осталась у дворянства. Деревня испытывала огромные страдания от развития капитализма по самому мучительному для народных масс прусскому пути. Нищее крестьянство, закабалённый батрак, получавший ничтожную заработную плату, — всё это тормозило развитие рынка для промышленных товаров. На основе прусского типа эволюции прусский юнкер

¹ Энгельс, К истории прусского крестьянства, Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 249.

сохранял своё полное политическое господство в стране. Политическое господство юнкеров было ярким выражением силы феодальных пережитков, незавершённости революции.

Ленин ещё в 1905 г. писал о различии революции 1789 г. во Франции и 1848 г. в Германии.

«В чём коренная разница между обоими путями? В том, что буржуазно-демократический переворот, осуществлённый Францией в 1789 году, Германией в 1848 году, в первом случае был доведён до конца, а во втором — нет; — в первом случае дошёл до республики и полной свободы, а во втором остановился, не сломив монархии и реакции... во втором случае быстро привёл к «успокоению» страны, т. е. к подавлению революционного народа и к торжеству «урядника и вахмистра»...»¹

Господство прусского урядника и вахмистра означало, что германский государственный строй сохранился как строй реакционный, строй полицейского произвола, насквозь пропитанный духом прусской казармы, прусского милитаризма. Незавершённость революции сказалась и в том, что она не привела к объединению Германии, к уничтожению её политической раздроблённости.

Между тем объединение Германии становилось всё более настоятельной необходимостью.

Несмотря на известные успехи в развитии германской промышленности после революции 1848 г., Германия продолжала оставаться отсталой страной по сравнению со старыми капиталистическими странами.

Такое положение настоятельно диктовало необходимость устранения всех препятствий для её свободного развития и прежде всего необходимость создания единого централизованного государства. Этого требовали и интересы конкуренции на международном рынке, ибо препятствия, создаваемые мелкими государствами для развития промышленности, ставили германскую промышленность в неравное положение с её международными конкурентами². Насколько раздроблённость страны тормозила её развитие, можно себе представить хотя бы по тому, что накануне Франко-прусской войны Германия ещё не имела ни единой денежной, ни единой весовой системы. В Германии к тому времени существовало не менее семи монетных систем, бумажные деньги выпускало 21 государство,

¹ Ленин, Соч., т. VIII, стр. 190.

² См. Энгельс, Роль насилия в истории, Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 496.

а банкноты—31 банк. Состояние денежного обращения было хаотическое. Меры веса в разных частях Германии также были совершенно различны. Полного таможенного единства ещё не было, несмотря на некоторые успехи в этом направлении государств, объединённых в Северогерманский союз. Весь ход экономического развития и прежде всего интересы прусских промышленников и купцов настоятельно требовали объединения Германии. Его жаждали и народные массы:

Вследствие своей отсталости и слабости, вследствие боязни народных масс немецкая буржуазия, в интересах которой прежде всего и необходимо было объединение Германии, оказалась неспособной возглавить его. Прусское юнкерство взяло на себя инициативу объединения Германии. С поражением Франции в Франко-прусской войне были устранены препятствия для присоединения к Северогерманскому союзу Баварии и других государств, лежащих к югу от Майна. Война привела к отторжению в пользу Германии части французской территории, к огромной контрибуции, наложенной на Францию, и к интервенции против Парижской Коммуны. В этих условиях прусское юнкерство объявило о создании Германской империи. Объединённое германское государство родилось, следовательно, не из демократического движения, а из недр прусской реакционной военщины, на костях французского народа. С воссоединением Германии под гегемонией Пруссии в Европе появилась новая держава, где наиболее экономически сильным классом уже была буржуазия, а государственная власть находилась в руках юнкерства. Итти на революционный конфликт с юнкерами и Бисмарком буржуазия не хотела, боясь рабочего класса.

Прусское юнкерство обеспечило себе решающую роль в германском объединённом государстве. Германия обретает своё единство в прусской казарме, писал по поводу объединения Германии Маркс¹. По конституции, созданной Бисмарком, во главе Германии стоял прусский король, один из крупнейших помещиков, Гогенцоллерн. Прусский король являлся германским императором. Общеимперский рейхстаг, избиравшийся на основе всеобщего избирательного права, должен был выполнять роль германского парламента. Однако права его были крайне ограничены. Фактически он не имел законодательной инициативы. Он имел право лишь обсуждать, принимать или склонять вносимые правительством законопроекты и государственный бюджет. Но и здесь его права были весьма урезаны. Все законы должны были утверждаться другим

¹ См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 70.

общеимперским учреждением — союзным советом, который состоял из чиновников, делегированных отдельными германскими государствами. Наибольший удельный вес в союзном совете имели представители Пруссии (17 голосов), а по закону достаточно было протеста 14 голосов, чтобы не прошёл любой законопроект, направленный на изменение основных законов. Председательствовал в союзном совете канцлер.

Канцлер был единственным министром империи, он отвечал только перед императором.

Решающую роль в направлении политики Германской империи играла Пруссия, поскольку её король был германским императором, и в союзном совете она также имела решающее влияние. В самой Пруссии юнкерство занимало господствующее положение благодаря существовавшей там избирательной системе, при которой 4% избирателей, представлявших собой главным образом юнкерскую верхушку, имели тот же удельный вес в прусском представительном учреждении — ландтаге, что и 80% избирателей. Это обстоятельство приводило не только к тому, что сохранились остатки крепостничества в самой Пруссии, но и к тому, что прусские юнкеры направляли по реакционному пути политику всей объединённой Германии.

Политическая власть юнкерства в объединённой Германии вела к укреплению феодальных пережитков и в экономике.

Юнкерство, сохраняя в своих руках государственную власть, консервировало у себя в поместьях полукрепостнические порядки. Вот что писал об этом Энгельс:

«Полицейско-помещичья власть господ юнкеров стала анахронизмом. Номинально, как феодальная привилегия, она была отменена, а по существу снова восстановлена, так как были созданы самостоятельные земские округа, внутри которых помещик или сам выступает в качестве земского начальника с полномочиями сельского общинного старшины, или же назначает такого начальника, и, кроме того, вся полицейская власть и полицейская юрисдикция в пределах административного округа была передана начальнику округа, каковым в деревне почти всегда без исключения был крупный землевладелец; под его опеку попадали таким образом и сельские общины. Феодальные привилегии были отняты у отдельных лиц, но связанная с ними полнота власти была передана всему классу»¹.

Это означало всеислие помещика не только в своём по-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 505.

мѣстье, но и в земельном округе. Это влияние помещика у себя в земельном округе было основой огромной роли прусских помещиков в жизни всей Германии. Воздействие юнкерства на экономику сказывалось и в другом: в том, что оно смогло провести ряд экономических мер, невыгодных для германской буржуазии, тормозивших ход экономического развития. Так, например, протекционизм носил не только промышленный, но и аграрный характер. Энгельс писал: «Все сельскохозяйственные продукты не только обложены высокими ввозными пошлинами, возрастающими из года в год, но некоторые отрасли сельскохозяйственной промышленности, разрабатываемые в крупных поместьях за счет владельцев, по существу субсидируются из общественного кошелька»¹. Энгельс характеризует в связи с этим протекционистскую политику Германии как крайне уродливую, значительно ухудшавшую положение трудящихся масс, тормозившую развитие Германии. Эта уродливая политика была результатом компромисса между плутократами и юнкерами.

Таким образом, пережитки феодализма играли огромную роль во всей жизни Германии. Их сила сказалась в прусском пути капиталистического развития сельского хозяйства, в объединении Германии под руководством прусских юнкеров, в реакционных формах государственного устройства, обеспечивавших власть абсолютизма и прусских юнкеров, в господстве в стране унтер-офицерской сабли. Всё это не могло не оказать огромного воздействия и на всю идеологическую жизнь Германии, на живучесть тенденций к средневековой реакции, живучесть «прусского духа». Такова вторая особенность развития капитализма в Германии.

Третья особенность развития германского капитализма заключалась в том, что с конца XIX века Германия развивалась значительно более быстрыми темпами, чем старые капиталистические страны.

Объединение Германии и ограбление ею Франции создали благоприятные условия для значительного убыстрения развития германской промышленности. Огромные технические сдвиги в последней трети XIX века, позволили Германии в сравнительно короткие сроки нагнать старые капиталистические страны.

Товарищ Сталин в своём докладе «О хозяйственном положении Советского Союза» говорил, что 5 млрд. контрибуции, полученной Германией в результате поражения Франции, ускорили индустриализацию Германии.

¹ *Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 321—322.*

В беседе со слушателями Свердловского университета товарищ Сталин указывал, что путь индустриализации Германии — это путь военного разгрома и контрибуций¹.

Военный разгром Франции имел двойное значение для развития промышленности Германии. Во-первых, 5-миллиардная контрибуция внезапно расширила внутренний рынок. Из полученных 5 млрд. фр. контрибуции Германия часть средств затратила непосредственно на военные нужды, что и вызвало спрос на соответствующие товары. 350 млн. фр. было затрачено на постройку крепостей и казарм. Часть контрибуции была роздана капиталистам. Так, например, судовладельцам, «которые из-за войны потерпели ущерб», было выплачено 17 млн. фр.

Огромный золотой фонд позволил провести денежную реформу (законы периода 1871—1875 гг.), ввести золотую валюту и на основе создания единого централизованного государства установить единообразную денежную систему. Всё это сыграло большую роль в развитии рынка. Миллиарды, выброшенные на германский рынок, привели к оживлению всех отраслей промышленности, к росту прибылей, к ускорению и увеличению накоплений промышленников, банкиров и купцов. Певцы германского империализма так изображают этот период: «Затем *вслед за победоносными войнами наступают годы ликования*; они приносят с собою опьянение грюндерством, как результат огромного притока денежной наличности из Франции — «миллиардного счастья»². Ликующая, опьянённая «миллиардным счастьем» Германия — так выглядели результаты ограбления Франции для прусско-германских разбойников.

Ограбление Франции не свелось, однако, только к контрибуции. Германия захватила Эльзас и Лотарингию, а это значительно увеличило мощь германской промышленности. Достаточно сказать, что захват хлопчатобумажной промышленности Эльзаса увеличил мощь текстильной промышленности Германии на 56% по числу прядильных веретён, на 88% — по числу механических ткацких станков, на 100% — по оборудованию ситценабивных фабрик. Значительное расширение лёгкой промышленности означало рост рынка тяжёлой промышленности. Но самым важным условием для мощного развития тяжёлой промышленности оказалась лотарингская железная руда, ставшая существенным дополнением

¹ См. Сталин, Вопросы и ответы, изд. 1925 г., стр. 57.

² Зомбарт, История экономического развития Германии в XIX веке, изд. Брокгауз-Ефрон, стр. 73.

к рурскому углю. Открытие томасовского способа плавки металла в 1879 г. было равносильно для Германии открытию новой сырьевой металлургической базы, так как оно создало условия для широкого использования лотарингской руды.

Усовершенствование производства стали и массовое её применение, прогресс в электротехнике, в химии, в машиностроении и многих других областях имели огромное значение для ускорения развития германской промышленности, не обременённой старым основным капиталом.

Товарищ Сталин указывал, что колоссальное развитие техники в период империализма облегчает одним империалистическим группам перегонять и опережать в своем развитии другие. Этим и нужно объяснить тот факт, что если раньше Англия могла стоять впереди всех государств в промышленном отношении более чем сотни лет, то в период монополистического капитализма Германии понадобилось каких-нибудь два десятка лет, для того, чтобы начать опережать Англию ¹.

Развитие промышленности Германии пошло ускоренными темпами. Число занятых в промышленности рабочих за период 1882—1907 гг. удвоилось. Соответственно произошли изменения и в составе всего населения.

Процентное отношение ко всему населению трудящихся и их родственников ²

	1882 г.	1895 г.	1907 г.
В сельском хозяйстве	42,0	35,6	28,5
» промышленности	35,1	33,9	42,5
» торговле и транспорте . .	9,9	11,5	13,3

В 1871 г. городское население составляло всего 36% населения, а сельское население — 64%; в 1910 г. городское население составило уже 60%, а сельское — 40%, причём наибольшая часть городского населения жила в крупных городах. В 1885 г. в городах с числом жителей свыше 20 тыс. жило 18,4%, а в 1910 — 34,5% всего населения. Население городов с числом жителей более 100 тыс. составляло уже 21,1% всего населения ³. Германия превратилась в страну с развитой промышленностью.

Следующая таблица характеризует промышленное развитие Германии по сравнению с другими странами:

¹ См. Сталин, О социал-демократическом уклоне в нашей партии, Ленин и Сталин, Сборник произведений к изучению истории ВКП(б), т. III, стр. 114.

² Гельфферих, Развитие народного хозяйства Германии с 1888—1913 гг., 1920, стр. 25.

³ Там же.

Производство угля, чугуна и стали в важнейших западноевропейских странах за период 1870—1913 гг.
(в млн. т)¹

Годы	Уголь			Чугун			Сталь		
	Великобритания	Германия	Франция	Великобритания	Германия	Франция	Великобритания	Германия	Франция
1850	45,3	5,4	4,4	2,2	0,2	0,4	—	—	—
1870	112,1	26,3	13,1	6,0	1,2	1,1	0,2	0,1	0,08
1880	149,0	46,9	19,3	7,8	2,4	1,7	1,3	0,7	0,4
1890	184,5	70,2	26,0	8,0	4,1	1,9	3,6	2,1	0,7
1895	192,6	79,1	28,0	7,8	4,7	2,0	3,3	3,8	0,9
1900	223,7	109,2	33,4	9,1	7,5	2,7	4,9	6,4	1,5
1905	239,9	121,2	35,9	9,7	9,5	3,0	5,9	9,6	2,2
1910	268,6	152,8	38,3	10,1	13,1	4,0	6,4	13,0	3,4
1913	292,0	190,1	40,8	10,4	16,7	5,2	7,7	17,1	4,7

Из таблицы видно, что в 1870 г. Германия всё ещё отстаёт от Великобритании по производству угля, чугуна и стали, перегнав по производству всех этих видов промышленной продукции лишь Францию. В последующие годы темпы развития промышленности Германии нарастают.

В итоге Германия перегоняет и Англию. Уже в 1893 г. Германия производит стали больше, чем Англия (3 028 тыс. т против 2 997 тыс. т). К 1900 г., как видно из таблицы, Германия производит стали уже на 30% больше, чем Англия. Следовательно, Германия по производству стали в конце XIX века заняла первое место в Европе и второе в мире (после США).

К 1913 г. Германия производит стали в 2,2 раза больше Англии, чугуна в 1,6 раза больше. Насколько быстрее шло после 1870 г. развитие Германии по сравнению с Англией, показывает движение индекса промышленной продукции этих стран. Если принять объём промышленной продукции 1913 г. за 100, то он составит ²:

Годы	Англия	Германия
1860	34	13,8
1870	44	17,5
1900	73	64,7

Это значит, что между 1860 и 1870 г. Англия развивалась ещё несколько быстрее Германии, а затем, после 1870 г., темпы развития Германии стали значительно превосходить темпы

¹ Составлено по статистическому сборнику «Капиталистические страны», т. I, 1937.

² Составлено на основе данных из сборника «Мировые экономические кризисы 1848—1935», т. I, Соцэкгиз, 1935.

развития Англии. Так, с 1860 по 1900 г. объём промышленной продукции Германии увеличился почти в 5 раз, в Англии же всего в 2,3 раза, к 1913 г. в Англии — примерно в 3 раза, в Германии—больше чем в 7 раз. По развитию ведущих отраслей промышленности Германия вышла на первое место в Европе, перегнав старейшую капиталистическую страну — Англию. На мировой арене появилась новая индустриально развитая капиталистическая держава.

Ленин писал об истории международных противоречий в последние десятилетия перед первой мировой войной: «Появился новый хищник, создалась в 1871 г. новая капиталистическая держава, развивавшаяся неизмеримо более быстро, чем Англия. Это — основной факт... Это быстрое развитие капитализма Германии было развитием молодого и сильного хищника, который появился в союзе европейских держав...»¹.

Быстрое развитие крупного капиталистического производства, его концентрация привели в последние десятилетия XIX века к возникновению и развитию в Германии капиталистических монополий. Германский капитализм в конце XIX и начале XX века перешёл в стадию империализма.

Вместе с тем германское государство сложилось как империалистическое государство.

Таким образом, историческими особенностями развития германского капитализма являлись: а) запоздалый его характер, б) сохранение значительных феодальных пережитков (отсюда — прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, сохранение у руля государственной власти юнкеров, реакционный путь создания объединённого германского государства), в) более быстрый темп промышленного развития Германии (в конце XIX века) по сравнению со старыми капиталистическими странами.

Эти особенности германского капитализма сказались на его последующем развитии на стадии империализма.

Г Л А В А II

РАЗВИТИЕ ГЕРМАНСКОЙ ПЛУТОКРАТИИ И ЕЁ ГРАБИТЕЛЬСКИХ АППЕТИТОВ

Для того чтобы охарактеризовать особенности германского империализма, рассмотрим, как складывалась империалистическая экономика Германии, как соответственно этому вырастали магнаты финансового капитала—та плутократия, кото-

¹ Ленин, Соч., т. XXX, стр. 337.

рая направляла всю политику Германии в сторону самого беспощадного ограбления народов, в сторону террористического режима внутри страны и открытого международного разбоя.

Шестидесятые-семидесятые годы были в истории хозяйственного развития Германии тем периодом, когда крупное производство одержало верх над ремеслом, когда стали господствовать капиталистические предприятия. Последующий период характеризуется весьма интенсивным ростом крупного капиталистического производства и быстрой его концентрацией. Ленин на основе обработки материалов промышленных переписей Германии даёт следующую характеристику концентрации производства.

	1882 г.	1895 г.	1907 г.
На каждую 1 тыс. заведений было заведений с числом занятых рабочих больше 50	3	6	9
Из каждых 100 занятых рабочих приходилось на долю заведений с числом рабочих 50 и больше	22	30	37

К 1907 г. 0,9% всех промышленных заведений (в широком смысле, включая торговлю, пути сообщения и другие отрасли) имели уже 39,4% всех рабочих, 75,3% паровых л. с. и 77,2% электрической силы. На долю мелких заведений, составляющих 91% всего числа предприятий, приходилось всего 7% паровой и электрической силы! Более того, в заведениях, имеющих тысячу и более рабочих, было в 1907 г. почти 10% всех рабочих и 32% паровой и электрической силы¹. Небольшое число крупных предприятий господствовало в промышленности, торговле, транспорте. Высокая концентрация производства, господство в производстве и на рынке немногих крупнейших предприятий неизбежно привели к появлению монополий, которые особенно быстро стали развиваться в 80-х годах прошлого столетия. По данным Лифмана, в Германии в 1865 г. существовало 4 картеля, в 1875 г.— 8, в 1885 г.— 90, в 1890 г.— 210, в 1896 г.— 250, в 1905 г.— 385, в 1911 г.— 550—600².

¹ См. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 81.

² См. Лифман Картели и тресты, изд. «Экономическая жизнь», 1925, стр. 32; Зомбарт, цит. соч., стр. 292—293.

Приводя данные, относящиеся к 1896 и 1905 гг., Ленин пишет: «Но все признают, что эти цифры преуменьшены»¹. Цифра, относящаяся к 1905 г., берётся по анкете министерства внутренних дел, о которой Лифман говорит: «Эта анкета была однако отнюдь не полной...»².

Картели развивались прежде всего в добывающей и тяжёлой промышленности.

Особенностью Германии является раннее и быстрое сравнительно со старыми капиталистическими странами развитие монополий.

Это объясняется тем своеобразным сочетанием запоздалого развития капитализма и быстрых темпов промышленного развития, о котором было сказано выше.

Германия встала на путь капиталистического развития тогда, когда другие страны уже прочно завоевали для себя внешние рынки. Но Германии удалось использовать расширение мирового рынка на основе свободной торговли. «Таким образом, около 1874 г. торговля Германии на мировом рынке занимала второе место после Великобритании...»³. Но затем положение на мировом рынке обострилось. Перепроизводство в Германии было особенно острым в результате грюндерства, порождённого притоком французских миллиардов. Англия же после кризиса 1866 г. не могла выйти из состояния хронической депрессии, и её товары продавались по исключительно низким ценам.

В условиях обострившейся международной конкуренции германские промышленники переходят к протекционистской политике, с тем чтобы, отгородив свой внутренний рынок от международной конкуренции, иметь возможность выступить на мировом рынке с демпинговыми (бросовыми) ценами, переложив все убытки от демпинга на внутреннего потребителя.

«В результате экспорт германских промышленных товаров производился с этих пор непосредственно за счёт отечественных потребителей. Где только возможно было, образовывались «ринги» или «тресты» для регулирования экспортной торговли и даже самого производства»⁴.

Между тем концентрация производства уже вызывала тенденцию к монополии. Стремясь обеспечить сохранение высоких цен на товары на внутреннем рынке, германские капиталисты стали создавать монополистические объединения.

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 86.

² Лифман, Картели и тресты, стр. 32.

³ Энгельс, Протекционизм и свобода торговли, Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 320.

⁴ Там же, стр. 321.

Немалую роль в ускорении процесса монополизации сыграло германское государство.

Энгельс приводит примеры созданных с этими целями монополий в железодобывающей и угольной промышленности.

Энгельс писал: «Вообще всякий немецкий промышленник вам скажет, что единственная возможность, которую покровительственные пошлины дают ему, это — возместить на внутреннем рынке убытки, получаемые от разорительных цен на внешнем рынке»¹.

Германское правительство пошло охотно навстречу промышленникам в установлении протекционистских тарифов, имея в виду также, что промышленная буржуазия в качестве компенсации поддержит и аграрный протекционизм, которого требовали юнкеры, так как в результате падения хлебных цен на мировом рынке их доходы снижались, цены и ренты падали.

Таможенная политика германского государства, которая с 1879 г. получила протекционистское направление, ускорила процесс создания монополистических объединений. Однако протекционистская политика сама по себе отнюдь не вызвала к жизни картелей. Они явились прямым следствием концентрации производства. «Но это обстоятельство, — говорил Ленин о протекционистской политике, — могло лишь ускорить концентрацию и образование монополистических союзов предпринимателей, картелей, синдикатов и т. п.»². Появление картелей, таким образом, само по себе не было особенностью Германии.

Особенность была лишь в том, что монополии здесь стали образовываться несколько раньше и процесс их образования происходил значительно быстрее, чем в старых промышленных странах. Что же касается самой формы монополий, картелей, то они не препятствовали возникновению и других форм монополистических объединений, например трестов, и сплошь да рядом сами представляли собой объединения трестов, комбинатов и т. п. Германские картели, объединяя тресты и комбинаты, часто являлись более мощными объединениями, чем тресты других стран. Некоторые тресты входили в ряд картелей по отдельным видам продуктов. «Но факты остаются фактами. В Германии нет трестов, а есть «только» картели, но ею *управляют* не более 300 магнатов капитала. И число их неуклонно уменьшается»³. Следовательно, кар-

¹ Энгельс, Протекционизм и свобода торговли, Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 321.

² Ленин, Соч., т. XIX, стр. 83—84.

³ Там же, стр. 98.

тельную форму монополий нельзя отнести к коренным особенностям, придававшим особые черты германскому империализму.

На основе концентрации производства и образования монополистических организаций происходила и концентрация банков и создание крупнейших банковских монополий.

Быстрый рост банковского дела в Германии, как и быстрый рост промышленности, происходит после 1870 г. В это время учреждается Немецкий банк (1870), Дрезденский банк (1872). Несколько раньше, в 1856 г., был создан банк, выросший впоследствии в крупнейшего монополиста—Учётное общество (Дисконто Гезельшафт). К 1912/13 г. 9 берлинских крупных банков концентрировали у себя уже 49% всех вкладов, т. е. почти половина всех вкладов концентрировалась у небольшой горстки банков, тогда как сотни других банков имели вторую половину, причём и здесь львиная доля — 36% — всей суммы вкладов находилась в руках 48 банков. Один только Немецкий банк со всеми подчинёнными ему германскими и иностранными банками (всего 87 банков) распоряжался капиталом в 2—3 млрд. марок. Это был крупнейший «союз горстки монополистов» (Ленин). В свою очередь развитие банков приводило к усилению и ускорению процесса создания монополий в промышленности.

Германские банки рано по сравнению с банками других стран проникают в промышленность. Быстрое развитие германской промышленности требовало огромных капиталов. Между тем сама промышленность необходимых накоплений образовать ещё не успела. Банки начинают широко применять долгосрочное кредитование промышленности, проникают в неё через систему участия, стимулируют, как мы покажем дальше, образование крупнейших монополий в тяжёлой промышленности. Банковский капитал быстро сращивается с промышленным, образуется финансовый капитал. Шесть-восемь крупнейших банков распоряжались миллиардами денежных капиталов.

На быстрое развитие финансового капитала указывает также рост акционерных предприятий. В 1883 г. в Германии было 1 311 акционерных обществ, в 1891—1892 гг.— 2 985, а к 1900 г.— около 5 500 с 9 млрд. марок акционерного капитала¹. Развитие акционерной формы предприятий давало финансовому капиталу необходимые рычаги для подчинения своей власти самых разнообразных отраслей хозяйства.

¹ См. Зомбарт, цит. соч., стр. 173.

Ленин, ссылаясь на известные работы Ейдэльса и Риссера, пишет: «Шесть крупнейших берлинских банков были представлены через своих директоров в 344 промышленных обществах, и через своих членов правления ещё в 407, итого в 751 обществах. В 289 обществах они имели либо по два члена наблюдательных советов либо места их председателей... С другой стороны, в наблюдательных советах тех же шести банков был (в 1910 г.) 51 крупнейший промышленник, в том числе директор фирмы Крупп, гигантского паровозного общества «Нараг» (Hamburg — Amerika) и т. д. и т. п. Каждый из шести банков с 1895 по 1910 год участвовал в выпуске акций и облигаций для многих сотен промышленных обществ, именно: от 281 до 419»¹.

Несмотря на то что Германия была сравнительно молодой капиталистической страной, она быстро догоняет по выпуску ценных бумаг старейшие капиталистические страны. Так, к 1910 г. Германией было выпущено ценных бумаг на сумму 95 млрд. фр., тогда как Франция к этому сроку выпустила ценных бумаг всего на сумму 110 млрд. фр., Англия же — на 142 млрд. фр.² А ведь Франция являлась классической страной капитала, приносящего проценты, а Англия — кредитором всего мира!

Концентрация и централизация капитала и развитие финансового капитала привели к тому, что в Германии экономическая власть сосредоточилась в руках небольшой группки финансовых магнатов, направлявших всю политику Германии. Эта группа накануне первой мировой войны насчитывала не более 300 лиц крупнейших плутократов и банкиров. Посмотрим же, как складывалась эта группка, кто входил в её состав, как она грабила Германию и другие государства, как готовила захват и разорение чужих стран, какие особые черты имела эта финансовая олигархия Германии.

Начнём с характеристики отдельных монополий в отдельных отраслях. В угольной промышленности 70—80-е годы прошлого столетия — это годы роста концентрации и централизации производства и капитала. На этой основе и вырастают отдельные монополистические организации. При активном участии Учётного общества в 1882 г. учреждается Гельзенкирхенское общество рудников (Гельзенкирхенское горное общество), увеличившее за 10 лет почти в 20 раз размеры площади угольных земель, которыми оно владело. В 1888 г.

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 102.

² По данным Неймарка; см. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 119.

к нему присоединяются все угольные шахты, находящиеся под контролем Учётного общества. Гельзенкирхенское горное общество Ленин оценил как «самое крупное предприятие германской горной промышленности»¹.

Это объединение было инициатором и основателем Рейнско-Вестфальского угольного синдиката, который при своём основании в 1893 г. концентрировал 86,7% добычи угля в Рейнской и Вестфальской провинциях, а в 1910 г. уже 95,4%. Синдикат сразу после своего образования повёл грабительскую политику. Цены на уголь были доведены с 5,7 марки в 1882 г. до 12 марок в 1913/14 г.² Уголь дорожал, несмотря на то что его стоимость значительно снижалась, ибо добыча росла и методы производства улучшались. Угольный синдикат по существу облагал данью все отрасли народного хозяйства, всё население страны. Вместе с ростом прибылей синдиката росли противоречия между отдельными его участниками и в частности между владельцами чисто угольных предприятий и угольных предприятий, скомбинированных с металлургией. Эти противоречия чуть не взорвали синдикат. Положение синдиката спасли его руководители, которые во-время сумели вовлечь в синдикат государственную казну. В 1912 г. прусская казна со своими угольными предприятиями становится участником синдиката и таким образом оказывает ему существенную поддержку (вскоре после этого она, сделав своё дело, вышла из синдиката). Германское государство в интересах подготовки хозяйства к войне было заинтересовано в сохранении такой крупной организации, централизующей добычу и сбыт угля.

Противоречия внутри синдиката к 1914 г. обострились снова и вторично чуть не взорвали его. Наступившая война спасла положение. В 1915 г. был издан закон, по существу предписывающий принудительное синдицирование промышленности.

В рурской горной промышленности господствовал Немецкий банк в унии с тремя другими банками, Учётное общество, через которое действовали Стиннес и Кирдорф, Крупп, Тиссен и др. На основании данных статьи Вернера «Концентрация капитала в рурской горной промышленности» Ленин составил две таблицы, из которых мы извлечём некоторые данные³.

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 87.

² Лифман, Картели и тресты, стр. 48.

³ См. Ленин, Тетради по империализму, стр. 6.

	Добыто угля (в млн. т)	Число рабочих (в тыс.)
В 1910 г. всего в <i>районе Рура</i>	89,3	354,2
Из них контролировалось Не- мецким банком	19,3	72,6
Дрезденским банком плюс Шафгаузенский союзный банк	7,2	28,0
Тремя магнатами (в том чис- ле Тиссенем и Круппом) . .	16,9	63,5
Учётным обществом (Кир- дорф, Стянес)	17,6	69,0
Берлинским торговым об- ществом	12,5	44,2

Руководителем Рейнско-Вестфальского угольного синдиката был Эмиль Кирдорф, вдохновитель всей грабительской политики синдиката. Кирдорф был руководителем Гельзенкирхенского горного общества, затем стал руководителем Угольного синдиката, одним из хозяев Учётного общества. Далее он захватил ряд предприятий (см. ниже) и в других отраслях хозяйства. Кирдорф был всегда ярким врагом рабочих организаций, решительно выступал против каких бы то ни было соглашений с профсоюзами, всегда выдвигал лозунг о том, что предприниматель должен быть «хозяином в собственном доме», был горячим сторонником захватнической политики, крайним реакционером и империалистом, фанатиком подводной войны. Впоследствии он вступил в гитлеровскую партию. Таков этот «деятель», выросший на грабительской политике и практике Угольного синдиката.

Ленин считает необходимым подчеркнуть двумя чертами положение Вернера: «В Рурской горной промышленности интересы всего народа приходят в столкновение с интересами совершенно ничтожного числа капиталистов, которых едва ли насчитывается сотня»¹.

Интенсивно развивались крупные монополистические объединения и в металлургической промышленности, тесно связанные с угольной промышленностью и банками. Заводчики, производившие чугун, начали объединяться ещё с 1873 г. Постепенно, на основе борьбы противоречивых интересов внутри этой отрасли, создавались всё более мощные синдикатские объединения. В 1896 г. создаётся крупнейший Чугунный синдикат, распавшийся в 1908 г. и вновь созданный в 1910 г. (Союз по чугуну). Мощные объединения в сталелитейной про-

¹ Ленин, Тетради по империализму, стр. 6.

мышленности начинают возникать лишь в начале XX века (Товарищество по рельсам, Союз по балкам, Союз по полуфабрикатам). В 1904 г. возник Стальной синдикат (Союз германских сталелитейных заводов).

Кто командовал металлургической промышленностью?

Прежде всего укажем на того же Кирдорфа, который возглавлял Угольный синдикат. Гельзенкирхенское горное общество путём соглашений и разных махинаций соединяется с крупнейшими металлургическими союзами (Шальским и Аахенским — Ротэ Эрде). В период 1905—1908 гг. Гельзенкирхенское общество стало крупнейшим смешанным предприятием, а в дальнейшем оно присоединяет к себе большое количество металлургических предприятий, организует химическое производство, присоединяет к себе парходное общество и ряд других. В наблюдательный совет Гельзенкирхенского общества входит Тиссен, владелец Шальского союза заводов и рудников; для того чтобы избрать его туда, банки производят специальную скупку акций. Август Тиссен — крупнейший монополист, один из старейших зубров финансового капитала Германии, владевший огромными угольными богатствами, сталелитейными и железоделательными заводами (горнопромышленное общество «Дейтшер Кайзер», продукция угля в 1913 г. — 4,5 млн. т и кокса — 1,5 млн. т, заводы в Хамборне — 14 доменных печей, Обербилькенский завод — 5 электропечей, крупнейшие машиностроительные заводы и другие предприятия).

Наряду с Тиссеном в металлургии (и в угольной промышленности) выступает Стигнес, владелец Германо-Люксембургского горнозаводского акционерного общества, с акционерным капиталом в 130 млн. марок в 1912 г., владелец общества Рейнско-Вестфальской электростанции, захватившей в свои руки всё снабжение электроэнергией Дюссельдорфской и Кёльнской областей, трамвайное сообщение и подземные пути, газовые и водопроводные установки. Стигнес вместе с Тиссеном в 1910 г. приобрели крупнейшие угольные предприятия — Лотарингское горнозаводское общество. Концерн Стигнеса¹ охватил до первой мировой войны следующие предприятия: каменноугольных копей — 19, железоделательных заводов — 7, массу железных рудников, торговых предприятий (углём) — 6, парходных предприятий в Германии — 12 и за границей — 14. Все эти богатства Стигнесу удалось сосредоточить в своих руках благодаря целому ряду мошеннических биржевых операций и спекуляций. Ещё более увеличилось его могущество,

¹ По данным книги *Гольдшмидта*, О концентрации в германской каменноугольной промышленности (см. *Ленин*, Тетради по империализму, стр. 185).

как увидим далее, во время первой мировой войны и в послевоенный период. Стиннес наряду с Кирддорфом и Тиссенем — один из инициаторов создания крупнейших металлургических монополий. Под жульническим лозунгом «обороны от сильных» Стальной картель вовлекал в свои удушающие объятия средний капитал. В результате крупнейший капитал рос, а средний и мелкий погибал. Число членов Стального картеля уменьшилось с 31 в 1904 г. до 25 в 1914 г., причём доля 7 предприятий (меньше трети) по группе полуфабрикатов составляла 70 5%, а по другим изделиям — 54—57%. Следовательно, малые предприятия поглощались крупнейшими объединениями. Путём банковских и биржевых махинаций непокорных присоединяли к Стальному картелю. «Когда нужно было добиться присоединения фирмы «Феникс» к *Объединению стальных заводов*, то Шафгаузенский союзный банк скупил большинство её акций и провёл решение»¹.

Таким образом, в производстве средств производства решающую роль играли две крупнейшие монополистические организации в угольной и сталелитейной промышленности и их заправилы Кирддорф, Тиссен, Стиннес. Это были крупнейшие финансовые магнаты, их главенство опиралось на банки, которые они использовали как свои важнейшие рычаги.

«Благодаря заключению 1 января 1905 г. соглашения по установлению общности интересов между Гельзенкирхенским горным акционерным обществом, Аахенским горнометаллургическим союзом «Красная земля» и Тиссеневским Шалькеровским союзом рудников и заводов, был сделан шаг, который, с одной стороны, объединил в одном совместном предприятии ряд конкурирующих банков, а именно Учётное общество, Немецкий банк, Дрезденский банк и Шафгаузенский союзный банк, но вместе с тем вновь увеличил власть Гуго Стиннеса и Августа Тиссена, которые вошли в «общий комитет» этого объединения в качестве членов». У Ленина перед этой цитатой из работы Риссера «Немецкие крупные банки и их концентрация» читаем: «2 фамилии: *Август Тиссен и Гуго Стиннес*. Их гигантская роль (в каменноугольной и железной промышленности), рост её»².

Крупнейшим металлургическим и металлообрабатывающим концерном Германии издавна являлась также фирма Круппа. Крупп вырос на военной промышленности, на подготовке разбойничьих завоевательных войн. Крупп впервые вооружил германскую армию в войну 1870—1871 гг. стальными дулами к

¹ *Эйдельс*, Отношение немецких крупных банков к промышленности (цит. по *Ленину*, Тетради по империализму, стр. 125).

² *Ленин*, Тетради по империализму, стр. 294.

орудиям вместо бронзовых. В дальнейшем Крупп и германские вооружения — это почти синонимы. Крупп объединял угольные копи, сталелитейные, машиностроительные заводы, производство паровых машин, дизельмоторов, турбин, рельсов, шпал, колёс, военных и торговых судов, пушек, снарядов и всевозможных военных материалов. Крупп раздувал противоречия между странами, финансировал самую крайнюю шовинистическую агитацию.

Немалую роль во всей империалистической политике играл трубный концерн братьев Маннесман, объединявший сталелитейные заводы, железные рудники и угольные копи. О нём мы ещё в дальнейшем скажем. Огромной экономической силой обладал также концерн Штумма: «Крупп делал самые мощные пушки, Штумм — самую мощную броню...»¹. Штумм владел предприятиями по реке Саар в Лотарингии и Люксембурге, главные его заводы выделывали броню. Штумм — ярый реакционер, империалистский «зубр».

Таковы были фактические хозяева металла в Германии. Крупнейшие объединения господствовали и в электротехнической промышленности. До 1900 г. здесь было 8 или 7 объединений, за каждым из них стояло от 2 до 11 банков. К 1908—1912 гг. все эти объединения слились в одну-две группы. Безраздельное господство в области электрической промышленности делили между собой на основе тесного сотрудничества Всеобщее электрическое общество во главе с Ратенау и общество Сименс-Гальске-Шуккерт. Всеобщее электрическое общество было гигантским концерном, производившим самые разнообразные изделия «от кабелей и изоляторов до автомобилей и летательных аппаратов» (*Ленин*).

Быстрая концентрация производства шла и в химической промышленности, в которой на этой основе создавались мощные объединения. До первой мировой войны в анилиноокрасочной промышленности создались два мощных монополистических союза, основа будущей крупнейшей монополии — И. Г. Фарбениндустри. Особый интерес представляет история Калийного синдиката. Он был организован в 1879 г. Растущая конкуренция и противоречия интересов чуть не привели его к развалу. Прусское правительство в 1910 г. издало закон об организации принудительного картеля в этой области. К числу крупнейших капиталистов, игравших огромную роль во всей империалистической политике Германии, относится также Баллин — владелец пароходных линий, «некоронованный король Гамбурга», друг Вильгельма II, активный деятель

¹ *Пиннер*, Вожди германской промышленности, изд. «Время», 1925, стр. 87.

германской дипломатии, человек, замыслы которого ясно были начертаны на входе в главную контору Гамбургско-Американской линии в Гамбурге: «Поле моей деятельности — весь мир».

* * *

Мощь монополистических организаций в Германии чрезвычайно усиливалась прямой и открытой, всесторонней поддержкой монополий со стороны государства.

Германия по уровню развития техники, по концентрации производства стояла ниже США, но в смысле степени монополизации, того, что Ленин называет организованностью финансового капитализма¹, Германия была выше Америки. Вот что Ленин говорит о Германии по этому поводу:

«Возьмите, например, Германию, образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма, была выше Америки. Она была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении, но в отношении организованности финансового капитализма, в отношении превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. — Германия была выше Америки»².

Следовательно, Ленин указывает, что Германия по степени развития *монополистического* капитализма оказалась выше всех стран, выше даже Америки. Понятно, что Ленин, говоря об организованности финансового капитализма, имеет в виду не «организованный» капитализм, а именно степень монополизации, связь монополий с государством. Эту, как и другие особенности германского империализма, Ленин, как увидим далее, ставит в связь с более разбойничьим характером германского империализма.

Нигде в мире (если иметь в виду период до первой мировой войны включительно) не была в такой мере использована государственная власть для укрепления и развития монополий, как в Германии.

Германские плутократы всесторонне использовали государство в целях создания наиболее благоприятных условий для развития своих монополий, для усиления монополистического грабежа. Германское государство в ряде случаев активно вмешивалось в ход экономического развития и разными мерами усиливало процессы монополизации хозяйства. Поддержка империалистическим государством монополий часто сопровождалась оказанием им значительных финансовых субсидий,

¹ См. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 135.

² Там же.

предоставлением монополиям возможности грабить население и через государственную казну. Ленин приводит оценку связей германского государства и монополий, которую дал берлинский журнал «Банк»:

«Пора бы нашим государственным социалистам, дающим себя ослепить красивым принципом, понять наконец, что в Германии монополии никогда не преследовали такой цели и не вели к такому результату, чтобы приносить выгоды потребителям или хотя бы предоставлять государству часть предпринимательской прибыли, а служили только к тому, чтобы оздоровлять на государственный счёт частную промышленность, дошедшую почти до банкротства»¹.

Яснее не скажешь! Ленин отмечает, что эти ценные признания немецких экономистов показывают, как переплетаются между собой частные и государственные монополии и как те и другие являются лишь стелльными звеньями борьбы за делёж мира. Исследователь германских монополий Леви пишет:

«Во многих случаях с давних времён образование картелей проводилось повидимому при помощи государства. Например в угольной и калийной промышленности государство сделалось пайщиком в частных синдикатах»².

Об Угольном синдикате был издан в 1915 г. специальный правительственный указ о принудительном картелировании. О принудительном синдицировании в калийной промышленности мы говорили уже выше. Несомненно, что и в ряде других случаев государство содействовало монополизации отдельных отраслей хозяйства. В этих принудительных мероприятиях заключена известная особенность развития германского империализма до первой мировой войны. В Англии такие мероприятия в отношении монополий не были возможны. Англия в течение длительного времени занимала монопольное положение в мировой торговле и поэтому стала во второй половине XIX века традиционной страной свободы торговли. Английская буржуазия, выступавшая под знаком фритредерства, ограничивала деятельность государства созданием наиболее благоприятных условий для завоеваний внешних рынков. США были страной быстрого развития трестов и других монополистических объединений. Но широкое развитие в массах антитрестовского движения привело к изданию специального антитрестовского закона, так называемого закона Шермана. Тресты, конечно, продолжали развиваться, но их

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 129.

² Леви, Германские монополии, Соцэкгиз, 1936, стр. 30—31.

поддержка государством в такой прямой, открытой форме, как это имело место в Германии, была невозможна.

Чем же объясняется такое открытое содействие государства монополизации хозяйства в Германии?

Объясняется это тем, что монополистический капитал в Германии полностью использовал в своих интересах средневековые традиции прусского государства. «Старая практика прусского бюрократического государства, которое вмешивалось во все дела своих граждан, была использована монополистическим капиталом в своих интересах»¹.

Вмешательство государства в хозяйственную жизнь прусским юнкерам и их теоретикам казалось продолжением традиций доброго старого средневековья. Эту особенность юнкерских правителей использовал быстро развивавшийся германский капитал, чтобы продвинуться вперед в деле монополистической организации хозяйства, получить известные преимущества по сравнению с конкурентами на арене мировой борьбы и ещё более тесно связать юнкерство с интересами монополий.

С другой стороны, германское государство использовало высокий уровень монополизации промышленности для подготовки к войне. Сравнительная с другими странами быстрота мобилизации хозяйства в Германии в первой мировой войне показывает, что в мобилизационных планах германского государства монополиям была отведена значительная роль. Высокая степень монополизации хозяйства была использована для перенесения всей тяжести войны на трудящихся.

Особенно широко развернулись мероприятия по принудительному синдицированию во время первой мировой войны. Ленин писал:

«Принудительное синдицирование, т. е. принудительное объединение в союзы, напр., промышленников уже применено на практике Германией»². Далее Ленин указывал, что принудительное синдицирование есть своего рода подталкивание государством капиталистического развития.

В этих формах «подталкивания» и заключался один из существеннейших моментов той более высокой организованности германского капитализма, о которой говорил Ленин.

Если романтически настроенные теоретики в развитии государственно-монополистического капитализма видели возврат к их идеалу—средневековому регламентированию промышлен-

¹ Е. Варга, Исторические корни особенностей германского империализма, «Большевик» № 11—12, 1943, стр. 45.

² Ленин, Соч., т. XXI, стр. 174.

ности, то на деле оно означало совершенно иное. Развитие государственного монополистического капитализма увеличивало мощь монополистической верхушки, приводило к ещё большему сращиванию юнкерской власти с монополистическим капиталом; для народа оно означало всенную каторгу, а для империалистов — более широкую экономическую основу для осуществления их хищнических замыслов.

Степень и формы монополизации отдельных отраслей в Германии оказались выше, чем в других странах. Создание монополий, охватывавших почти целые отрасли, не встречало в Германии никаких правовых (даже чисто формального порядка) препятствий. С другой стороны, интересы международной конкуренции, стремление вытеснить старые капиталистические страны, владевшие внешними рынками, толкали к наибольшей централизации капитала. Прямая же поддержка германского государства здесь была обеспечена. Например, Союз германских сталелитейных заводов (Стальной картель), созданный в 1904 г., после 1907 г. держал под своим контролем всё внутреннее производство страны (понятно, это не исключало борьбу внутри союза) и широко развернул свою торговую агентуру в Швейцарии, Дании, Швеции, Норвегии, Бельгии, Голландии и даже в Англии. «Таким образом, Германский сталелитейный союз вырос в мощную организацию германского хозяйства, которая, подобно пауку, распространила свои связи по всему земному шару»¹. Договор между членами Сталелитейного союза истек в 1917 г. По рекомендации германского правительства он был продлён до 1919 г., а затем, по прямому административному предписанию правительства, он возобновлялся ещё четыре раза, вплоть до середины 1920 г.

Понятно, что высокая степень монополизации отнюдь не означает «планово организованного» капитализма, «государственного социализма» и т. п. Ленин прекрасно разъясняет, что одним из наиболее распространённых ошибочных утверждений реформизма является изображение государственно-монополистического капитализма как государственного социализма².

Более высокая степень монополизации отнюдь не означала устранения анархии производства, устранения конкуренции, рыночной борьбы. Наоборот, она усиливала все противоречия. В то же время открытая связь монополий и германского государства укрепляла монополии, она содействовала подъёму

¹ Уферман, Германский стальной трест, изд. «Московский рабочий», 1928, стр. 41.

² См. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 416.

германских монополий на более высокую ступень, поощряла, усиливала грабительскую, авантюристическую политику германской плутократии и банкиров.

* * *

За счёт ограбления германского народа и народов других стран (полученная с Франции контрибуция) германским плутократам и банкирам в сравнительно короткие сроки удалось не только создать крупную промышленность, но и получить ещё «излишки» капитала, не находящего прибыльного применения внутри страны и стремившегося за границу. Немецкие капиталы, помещённые за границей, достигли к 1914 г. 44 млрд. фр., в то время как вывоз капитала такой старейшей промышленной страны, как Англия, равнялся 75—100 млрд., а Франции — 60 млрд. Между тем Германия приступила к вывозу капитала значительно позднее Англии и Франции. Следовательно, темпы вывоза капитала из Германии были уже в начале XX века значительно более быстрыми, чем в других странах. И это несмотря на то, что Германия в сравнительно более короткий срок, чем такая старая капиталистическая страна, как Англия, построила свою промышленность. Ряд исчислений показывает, что реальная заработная плата рабочего в Германии была почти вдвое меньше, чем в США. Здесь прежде всего сказались неблагоприятные исторические условия формирования промышленного пролетариата, когда деревня, развивавшаяся по мучительному прусскому пути, выбрасывала огромную массу нищих на рынок труда, в результате чего создавался пониженный уровень заработной платы. С другой стороны, здесь сказывалась дороговизна жизни, создаваемая германской плутократией за счёт демпинга и установления монопольных цен на товары внутри страны.

Низкая реальная заработная плата означала высокий уровень накоплений крупновладельцев, кирдорфов, стиннесов и прочих магнатов капитала. Германские плутократы и банкиры, получая огромные накопления, стремились поместить их наиболее выгодным образом за границей. Они при этом исходили из задачи получения максимальной прибыли, захвата новых сфер приложения капитала, захвата источников сырья, а также рынков сбыта. Конечно, экспорт капитала не является особенностью Германии, но известно, что наиболее высокие монопольные прибыли обеспечены тогда, когда данная страна или группа монополистов безраздельно владеет источниками сырья. Для германских монополистов этот вопрос о захвате источников сырья стоял очень остро в связи с тем, что колонии Германии были сравнительно невелики (как результат запоздалого развития

капитализма). Германские монополисты старались путём усиленного экспорта капитала в какой-то мере компенсировать для себя отсутствие больших и богатых колоний и, таким образом, проложить дорогу к превращению ряда отсталых стран в свои колонии. Германские монополисты пытались в эту экспансию втянуть народные массы. Окровавленные социал-империалисты вроде Кальвера¹ ещё перед первой мировой войной говорили, что невозможно поднять заработную плату германских рабочих без колоний, без новых рынков. Они скрывали от народа то, что огромные накопления вывозятся за границу в империалистических целях. Понятно, что известная узость внутреннего рынка как результат сравнительно низкой заработной платы и низкого покупательного спроса нищающей от юнкерской эксплуатации деревни ещё более стимулировала вывоз капитала за границу.

Германия стремилась проникнуть в самостоятельные страны Европы, в полукolonии, в чужие колонии в отличие от Англии, для которой на первом месте в отношении вывоза капитала стояли её огромные колониальные владения. Около половины вывезенного Германией капитала было помещено в Европе, вторая половина — в остальных частях света, причём около трети — в Америке. В то время как Франция вывозила капитал преимущественно в форме ссудного капитала, вывоз капитала из Германии в Европу носил главным образом промышленный характер. Германская плутократия захватывала источники сырья, промышленные предприятия, банки.

Немецкие капиталы упорно пробивали себе дорогу к нефтяным источникам Румынии, к богатствам Турции, Ирака, Ирана, Индии.

Так, в румынской нефтяной промышленности преобладающее место по удельному весу среди множества различных иностранных капиталов занимал германский капитал (74 млн. фр. из 185 млн. всех иностранных вложений).

Германский капитал усиленно проникал в Турцию. Немецкий банк, воспользовавшись финансовыми затруднениями турецкого правительства и оказав ему в 1899 г. финансовую помощь, добился концессии на постройку железнодорожной линии, которая должна была в конечном итоге связать Константинополь с Персидским заливом через Малую Азию и Месопотамию. Эта концессия, вызвавшая большое обострение отношений между Англией и Германией, обеспечила огромные заказы германской металлургии и сотни миллионов прибылей германским банкам.

¹ См. Ленин, Тетрадь по империализму, стр. 601.

Несомненно, что попытка Германии проложить для себя сухопутный путь к местам, близким к Индии, была одной из причин первой мировой войны. Инициатором постройки Багдадской железной дороги был директор Немецкого банка Георг фон Сименс. Бюлов пишет в «Воспоминаниях», что он хорошо помнит поездку в одно «чудесное октябрьское утро», когда Сименс ему развил свой проект проведения Багдадской дороги, который Германия настойчиво добивалась осуществить впоследствии в течение десятилетий¹. Только главные магистрали дороги должны были составить свыше 4 тыс. км. Можно себе представить, как это интересовало германскую металлургию! Но дело не только в этом. Немецкие газеты открыто говорили, что Багдадская дорога — орудие превращения Турции в колонию Германии.

Германские банки широко проникают в Турцию (Немецкий Палестинский банк, Немецкий Восточный банк с рядом отделений в Германии, Турции, Египте). В 1908 г. в Константинополе открылось отделение Немецкого банка.

Германские монополии интенсивно проникали и в европейские страны.

Так, известно, что владельцы германских металлургических заводов вели борьбу за овладение французскими железорудными богатствами (так же как владельцы французских металлургических заводов — за германский уголь). Немецкие плутократы захватывают железные рудники в восточных районах Франции (концессии в бассейне Брией, в департаментах Мерт и Мозель). Гельзенкирхенское горное общество во главе с Кирдорфом приобрело до 2 тыс. га рудных земель в ряде департаментов и имело большинство акций в Сен-Жерменском обществе, председателем которого оказался Кирдорф.

Тиссен завладел рядом предприятий в Нормандии, где у него были концессии в размере 2 574 га. В Нормандии Тиссен создал крупнейшее акционерное общество под видом французской фирмы с капиталом в 30 млн. марок. Источники железной руды во Франции захватывались и рядом других крупнейших германских монополистов.

Германские капиталы проникали и в Австро-Венгрию и в царскую Россию, пытаясь захватить здесь банки, электротехническую промышленность, горное дело и металлургию.

Особым вниманием германских империалистов пользовались источники сырьевых ресурсов в Африке, наличные и возмож-

¹ См. Бюлов, Воспоминания, Соцэкгиз, 1935, стр. 131.

ные. Наряду с вложениями капиталов в собственные колонии в Африке Германия проникала на африканский континент самыми разнообразными методами. Особенно энергичную борьбу развернул германский империализм за захват железорудных богатств Марокко. Германский капитал захватывал горное дело, строительство портов, банки, оказывал влияние на финансы Марокко. Большую роль в захвате богатств Марокко играл известный трубный концерн Маннесманов. Маннесманы захватывали руду, создавали торговые предприятия, заводили фермы. Вот как германские империалисты в сладеньких тонах описывают экспансию Маннесманов. «Братья Маннесман не хотели превратить туземцев в рабов... Они просто гениально сумели приспособиться к потребностям и воззрениям, ко всему складу мысли и характеру марокканцев. Они счаровывали их своим блестящим талантом рассказчиков и ораторов, импонировали им безумной смелостью в верховой езде и стрельбе...»¹. В результате этого «очаровательного поведения» Маннесманов у них оказались 2 тыс. горных концессий, 90 тыс. га пахотной земли, 14 факторий и множество других предприятий!

Германское правительство готово было вступить в войну, если бы германским империалистам помешали расширять экспансию в Марокко. Такой острый момент создался в 1905 г. Вильгельм II специально выехал в Танжер, где объявил себя сторонником «независимости» Марокко, т. е. сторонником свободного «мирного проникновения» германских капиталов в Марокко.

Германские капиталы интенсивно проникали и в Южную Америку. Только в Южной Америке Германия имела 40 отделений своих банков. Особенное неистовство в захвате и создании заграничных предприятий проявляли в погоне за наживой немецкие банки. Как указывает исследователь германских банков Ейдэльс («Отношение немецких крупных банков к промышленности»), немецкие банки за границей строили железные дороги, создавали собственные предприятия или участвовали в существующих (например, участие в южноафриканских горнозаводских обществах), создавали целые отрасли промышленности, например керосиновую промышленность.

Экспорт капитала чрезвычайно содействовал и развитию внешней торговли Германии, проникновению германских товаров в чужие колонии. В то время как Германия (в 1911 г.) имела торговый оборот со своими колониями в 73 млн. марок,

¹ Пиннер, Вожди германской промышленности, стр. 53.

с колониями Англии её торговый оборот составлял 1 246 млн. марок¹.

Стремясь экономически завоевать мир, германский капитал шёл на самые авантюристические дела. Этот особо авантюристический характер германского капитала был отмечен Гобсоном ещё в отношении XIX века: «Германский капиталист был более склонен пойти на риск ради хорошей прибыли и вкладывал свои деньги охотнее, чем французский рантье, в менее надёжные облигации иностранных правительств»².

Экспорт капитала свойственен всем странам, находящимся на стадии монополистического капитализма. Однако в Германии экспорт капитала характеризовался рядом особенностей: во-первых, в связи с отсутствием у Германии значительных колоний капитал направлялся в чужие колонии и самостоятельные страны, во-вторых, капитал экспортировался преимущественно в форме промышленного капитала, в-третьих, темпы развития экспорта капитала были высокими.

Германия добилась известных успехов в экономическом разделе мира и в прямом смысле.

Выросшие в крупную экономическую силу, германские монополии путём соглашений в ряде случаев добивались обширных рынков сбыта для своих товаров. Так, например, Германия овладела четвертью всего международного рельсового рынка, добилась того, что на рынке стальных брусьев ей было предоставлено 73,4% всего сбыта. В электроиндустрии германские концерны путём международных соглашений добились полного господства и устранения конкурентов на рынках всей Европы (кроме Англии и Турции).

Однако рост прибылей немецких плутократов и банкиров лишь вызывал жажду ещё больших накоплений. Германские магнаты исходили из того, что мирное проникновение в другие страны и мирный раздел рынков дают меньше, чем завоевание и полное политическое подчинение стран и народов.

Финансовая олигархия Германии жаждала огромной наживы. Но Германия несколько запоздала с развитием капитализма. Старые капиталистические страны экономически владели рынками, источниками сырья, сферами приложения капитала и уже почти поделили весь мир в отношении политического господства.

Именно это и вызывало остервенелую борьбу вновь народившейся плутократии за то, чтобы оттолкнуть других и занять

¹ См. *Фёдоров*, Экономические интересы, замешанные в большой европейской войне, Спб. 1913, стр. 48.

² *Гобсон*, Экспорт капитала, изд. «Комакадемия», 1928, стр. 137.

«место под солнцем». Как известно, под лозунгом занять «место под солнцем» германские империалисты открыли свою борьбу за ограбление других стран. Началась ожесточённая борьба германских плутократов за монопольное обладание сферами приложения капиталов, за захват в монопольное обладание источников сырья, за экономический раздел мира, за передел уже поделённого между державами мира. Это запоздалое, но быстрое развитие германской финансовой плутократии с её безмерными аппетитами и было прежде всего причиной особо хищнических и особо разбойничьих устремлений германского империализма.

Ленин так об этом и говорил, когда указывал, что против группы старых капиталистических стран «...выдвинулась другая группа капиталистов, ещё более хищническая, ещё более разбойничья — группа пришедших к столу капиталистических яств, когда места были заняты...»¹

Об этом же говорит товарищ Сталин, указывая, что империализм — это бешеная борьба за монопольное обладание источниками сырья, борьба за передел уже поделённого мира, «*борьба, ведомая с особенным остервенением* (подчёркнуто нами.— Г. К.) со стороны новых финансовых групп и держав, ищущих «места под солнцем...»²

То обстоятельство, что германская плутократия, как мы видели выше, оказалась более организованной (в смысле монополистического капитализма), — это ещё более усиливало её хищнические и разбойничьи устремления, ещё более разжигало её аппетиты, ещё более склоняло её ко всякого рода авантюрам.

Ленин в работе «Война и революция», говоря о германских империалистах, как о наиболее разбойничьей, наиболее хищнической группе империалистов, пришедшей к столу капиталистических яств, когда там места были уже заняты, указывает, имея в виду условия первой мировой войны: «Группа эта внесла начала огосударствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма»³.

Следовательно, анализируя развитие монополистического капитализма в Германии, мы уже выяснили две его особенности: а) развитие германских монополий в условиях, когда мир

¹ Ленин, Соч., т. XXX, стр. 336.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 3.

³ Ленин, Соч., т. XXX, стр. 337.

уже был почти поделён между другими державами; б) более высокую степень развития монополий, большее развитие элементов государственно-монополистического капитализма, чем в других странах.

ГЛАВА III

ГЕРМАНСКИЙ ЮНКЕРСКО-БУРЖУАЗНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ЕГО СТРЕМЛЕНИЕ К ГОСПОДСТВУ НАД МИРОМ

При выяснении особенностей развития германского империализма и причин, вызвавших его наиболее хищнический и разбойничий характер, следует более подробно рассмотреть те его черты, которые дали возможность Ленину назвать его юнкерско-буржуазным империализмом.

Дело в том, что в политической жизни Германии юнкерство и в период империализма продолжало играть очень важную роль; конечно, здесь имело место существенное различие в отношениях классов по сравнению с 70—80-ми годами. Уже в начале 90-х годов немецкая буржуазия выросла в столь мощную экономическую силу, что смогла направлять государственный аппарат, находившийся в руках юнкеров. Германская буржуазия правила через посредство юнкерства. Само германское юнкерство всё более срасталось с капиталистическим хозяйством. Помещичье хозяйство всё более превращалось в крупное капиталистическое хозяйство, но с большими остатками кабально-крепостнических пережитков.

Насколько в период империализма тесно срастались интересы юнкеров и плутократии, показывает история отдельных крупных концернов. В 1905 г. принц Фридрих-Карл Гогенлоэ-Эринген, князь Макс-Эгон Фюрстенберг, князь Христиан-Крафт Гогенлоэ-Эринген, принц Франц фон Ратибор учредили акционерное общество «Мадейра» с основным капиталом в 800 тыс. марок. Общество постепенно увеличивалось и в 1908 г. было переименовано в акционерное о-во «Торговое объединение» с капиталом до 15 млн. марок. В 1908 г. тесные финансовые интересы связали с обществом Немецкий банк. «Торговое объединение» занималось строительством больших домов, скупкой участков, вложило большие средства в цинковые рудники и угольные копи («Гогенлоэ-Верке»), участвовало в калийной промышленности и в судоходстве¹. Это был один из первых концернов в Германии, включавший большое число разнообразных предприятий.

¹ См. Лифман, Фондовый капитализм, Гиз, 1930, стр. 145.

Срастался с монополиями и юнкерский государственный аппарат. Тиссен, Стиннес, Крупп прекрасно уживались с такого рода крупнейшими помещиками — прусскими юнкерами, как семья Гогенцоллернов, стоявшая во главе Германской империи, или такими, как граф Арним, или герцог Саксен-Кобург-Готский, или Папен, — владевшими многими тысячами гектаров земли. Чиновники из прусского государственного аппарата мечтали о тёплых местечках в правлениях крупнейших монополий и часто получали их.

Несмотря на то что решающую роль в период империализма в экономической и политической жизни Германии играли финансовые магнаты — крупные промышленники и банкиры, — государственный аппарат всё же находился в руках юнкерства. Первенствующую роль в политической жизни Пруссии и тем самым в значительной мере и в Германии играли прусские помещики. Ленин писал: «...Достаточно указать на пример Пруссии, где до сих пор, несмотря на гораздо более высокую ступень развития капитализма вообще и перерождения старопомещичьего хозяйства в буржуазное в частности, Ольденбурги и Гейдебранды остаются всеильными, держат в руках государственную власть — наполняют своим, так сказать, социальным содержанием всю прусскую монархию, всю прусскую бюрократию! В Пруссии до сих пор, 63 года спустя после 1848 года, несмотря на беспримерно быстрое развитие капитализма, избирательное право в ландтаг остаётся таким, что обеспечивается всеилие прусских Пуришкевичей»¹.

Германская конституция и в эпоху империализма вплоть до революции 1918 г. сохранила буржуазно-феодальный характер. Ленин не раз говорил о германском строе, как об юнкерско-буржуазном: «...Германия окончательно сложилась, как юнкерски-буржуазная страна...»²

Едиственное учреждение, которое, казалось бы, могло противостоять влиянию прусских юнкеров, — рейхстаг, избиравшийся на основе всеобщего избирательного права, — по существу находилось в руках консервативных партий. Ленин приводит данные о выборах в рейхстаг в 1912 г. и показывает, что наибольшее число голосов в рейхстаг получили консервативные партии — 38,3%, причём главным образом за счёт крестьянских голосов. В деревне почти три пятых голосов было подано за консервативные партии.

Германская буржуазия почти полностью отдала деревню в

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 274.

² Ленин, Соч., т. XI, стр. 497.

руки помещиков. В этих условиях рейхстаг, конечно, был только прикрытием для самодержавия кайзера. Ленин указывал, что «в Англии и во Франции буржуазия господствует полновластно и почти (за малыми исключениями) непосредственно, тогда как в Пруссии первенство за феодалами, за юнкерами, за монархическим милитаризмом»¹. Экономически полновластная германская буржуазия допускала власть юнкерства, проводя через него свою собственную политику. Понятно, что юнкерство не могло не использовать свою роль в государственном аппарате, для того чтобы пограбить государство и народ (по линии цен, пошлин, субсидий и т. д.).

Ещё Энгельс указывал, что старое юнкерство может существовать, сохраниться лишь благодаря государственной помощи. Юнкерско-буржуазный характер германского империализма является одной из тех его особенностей, которые объясняют его крайнюю агрессивность.

Германские плутократы и банкиры понимали, что, для того чтобы выкорчевать юнкеров из германской почвы, нужно развернуть широкое демократическое движение. Но идя по пути реакции, подготавливая империалистические войны, германские плутократы и банкиры боялись, как огня, развёртывания демократического движения. Наоборот, они были заинтересованы во всевозможном его подавлении. С другой стороны, юнкерство, имевшее огромное влияние в армии, занимавшее там наибольшую часть офицерских постов, было просто необходимо германским империалистам, чтобы обеспечить подготовку завоеваний и проведение завоевательной политики.

Юнкерство же стремилось к соглашению с германскими плутократами и банкирами, держащими в своих руках основные богатства страны. Юнкерство было заинтересовано в том, чтобы сохранились полукрепостнические отношения, чтобы оказывалась постоянная государственная помощь его поместьям. Оно было заинтересовано в сохранении своего влияния в государственном аппарате, в проведении империалистической политики. В завоевательной политике юнкерство видело, во-первых, возможность получения новых земельных пространств,— захват земель всегда был характерным для феодалов стремлением; во-вторых, возможность отвлечь внимание разорённого крестьянства от огромных латифундий германских помещиков («вам не хватает земли—идите, завоёвывайте её»); в-третьих, в империалистической политике оно видело возможность увеличения армии, рост влияния военщины, а сле-

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 194.

довательно, усиление своего класса, занимавшего командные должности в армии.

Проведение германским государством империалистической политики открывало перед юнкерами перспективу пограбить, поразбойничать на чужих землях, как это всегда делала прусская военщина.

Поэтому хотя между юнкерством и буржуазией и были известные противоречия и велась борьба, но на основе проведения империалистической политики создался союз юнкерства и германской плутократии. Юнкерство сохраняло у себя в поместьях полукрепостнические порядки, имело первенство в государственном аппарате, большое влияние в политике, в идеологии, но полностью поддерживало плутократию в её борьбе против демократического движения внутри страны и в её исключительно агрессивной политике вовне. Империалистические устремления монополистической буржуазии помножались на милитаризм прусских юнкеров.

Юнкерство играло огромную роль в развитии, как мы увидим дальше, всей милитаристической идеологии Германии, идеологии казарменного воспитания. Говоря о Германии, Ленин специально подчёркивает юнкерско-буржуазный характер германского империализма. Так, в работе «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» Ленин писал: «...Германия. Здесь мы имеем «последнее слово» современной крупно-капиталистической техники и планомерной организации, *подчинённой юнкерски-буржуазному империализму*»¹.

В другой статье — «Поворот в мировой политике», говоря о системе военного регулирования хозяйства в Германии, Ленин указывает, что это делается там «...под руководством кучки юнкеров-дворянчиков в интересах горсточки финансовых тузов...»²

Юнкерски-буржуазный империализм означал соединение реакционных устремлений финансового капитала с реакционными устремлениями пруссачества, соединение и направление их в сторону средневековой реакции и оголтелого империализма.

* * *

Особенности государственного устройства не могут не сказаться весьма существенно на всей общественной жизни. «Внеэкономическая надстройка, вырастающая на основе финансового капитала, его политика, его идеология усиливают

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 516.

² Ленин, Соч., т. XIX, стр. 385.

стремление к колониальным завоеваниям»¹. Полувоенно-деспотический характер германского государства как продукт союза юнкерства и плутократии ещё более усиливал разбойничье-хищнические черты германского империализма.

Несмотря на наличие конституции, на существование количественно большой социал-демократической партии, имевшей немало мест в рейхстаге, вильгельмовская Германия была страной военной муштровки, воспитания казарменной дисциплины. Кайзеровская власть стремилась к ещё большему удушению всех свобод и готовила при первой возможности кровавую расправу над народом. Когда в Эльзасе германские офицеры расстреливали на улицах людей, кронпринц послал поздравительную телеграмму, требуя от офицерства продолжать действовать напролом. Ленин писал про этот случай, происшедший в Цаберне: «Случай в Цаберне показал, что прав был Маркс, который без малого 40 лет тому назад немецкий государственный порядок назвал «военным деспотизмом, общим парламентскими формами»...

Не «анархия» «высочила» в Цаберне, а обострился и вышел наружу *истинный* порядок Германии, господство сабли прусского полуфеодалного землевладельца»². Вильгельм не раз писал Бюлову о необходимости перестрелять, обезглавить, обезвредить социалистов. Даже прогнившая оппортунистическая немецкая социал-демократия не была приемлема для вильгельмовской власти. «Нам нужен закон,— говорил Вильгельм II,— по которому можно было бы каждого социал-демократа сослать на Каролинские острова».

Полицейское государство германских юнкеров и плутократов создавало благоприятные условия для сохранения и развития самых отвратительных черт пруссачества.

Идеология пруссачества наложила глубокий отпечаток на всю политическую и общественную жизнь Германии. Характерным для пруссачества было его постоянное стремление к идеализации и восстановлению средневековых порядков. Вся идеологическая жизнь находилась под значительным влиянием прусского юнкерства.

Наука и право находились под большим влиянием средневековых тенденций. Например, в экономической науке вмешательство государства в экономическую жизнь рассматривалось как выражение старого доброго средневекового порядка. Так оценивал эти явления, например, немецкий экономист-историк Шмаленбах.

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 139.

² Ленин, Соч., т. XVII, стр. 100.

В науке права ряд явлений также рассматривался юристами под углом зрения средневековья. Эту особенность отметил ещё Энгельс. Он говорил, что немецкие юристы не имеют никаких традиций, кроме средневековых. Английские юристы пытались опираться на римское право, французские юристы пытались опираться на традиции буржуазной революции, а немецким юристам оставалось опираться исключительно на средневековые традиции. Эта характеристика Энгельса полностью относится к современной Германии. Гитлеровские разбойники воспроизводят самые мрачные и ужасные черты средневекового суда. Юнкерство, занимавшее командные высоты в государственном аппарате, не могло не вносить элементы средневековой реакции во всю общественно-политическую жизнь империалистической Германии. Конечно, элементы средневековой реакции в Германии начала XX века бледнеют по сравнению с тем поворотом к средневековью, который имеет место при господстве фашизма.

Характерным для идеологии пруссачества было подавление масс, неприкрытая власть господ над народом. Именно прусские юнкеры развивали идею, что господином можно стать только от рождения. Чтобы обеспечить власть господ, пруссаки всегда возвышали бюрократическое государство и его чиновников. Ещё Маркс в своей речи на первом процессе «Новой Рейнской газеты» говорил о том, что прусский деспотизм «...делает из чиновников какое-то высшее, священное существо... Прусский чиновник всегда является для прусского мирянина, т. е. не чиновника, священнослужителем»¹. Наверху — чиновники и ничем не ограниченные господа, внизу — масса покорных слуг, — таков старый идеал пруссачества.

Нигде в мире не существовало такой степени фетишизации государственных порядков, как в кайзеровской Германии. Империалисты широко использовали это обстоятельство для укрепления деспотизма и для подготовки к войне.

Для идеологии пруссаков характерен милитаризм, вероломство и насилие: «Открытое насилие выше всякого права», — постоянно пропагандировали прусские юнкеры.

Милитаризм пруссаков связан с давними историческими традициями Пруссии как военной колонии Тевтонского ордена, который насильем и вероломством расширил свою политическую власть.

Эти традиции пруссачества были использованы империалистами в целях подготовки войны. Весь полицейский и «воспи-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VII, стр. 232.

тательный» аппарат был направлен на военную муштровку населения, на воспитание милитаристической и шовинистической идеологии, на рабское подчинение народа порядкам германской плутократии.

Ещё Фридрих II говорил, что «солдат должен бояться своего офицера больше, чем врага».

Энгельс указывает, что Фридрих положил основание педантизму и муштре, которыми с этих пор отличались пруссаки¹. Эта муштра распространилась на всё население Германии в Германской империи. Вот как списывает значение германской милитаристической системы для муштровки масс один из видных представителей германского империализма:

«Германскому учителю приписывали выдающуюся роль в наших военных успехах прошлого столетия. Германский учитель помогал и будет помогать выигрывать и экономические сражения. Но и здесь помогает не только учитель, но и унтер-офицер. Дело не только в одном обучении, ибо всякая крупная организация нуждается в такой же степени и в дисциплине. И в этом отношении Германия выгодно выделяется среди других стран. Кто имел возможность наблюдать хозяйственный труд различных народов, тот не может не понять, какое влияние имеет военная служба, которую проходит громадное большинство германского народа, занятого физическим и умственным трудом, с её привычкой к порядку, точности и дисциплине, на совместную работу в крупных хозяйственных объединениях»².

Эта дисциплина муштры, механического послушания, в которой воспитывалось гражданское население, развязывала руки германскому империализму для самой разбойничьей и хищнической империалистической политики вовне, для подавления демократического движения внутри, связывая в то же время по рукам и ногам массы.

* * *

Исключительная агрессивность германской плутократии, полувоенно-деспотический характер германского государства, традиции пруссачества были той почвой, на которой выросла в высшей степени агрессивная и разбойничья идеология мирового господства, ограбления всего мира в пользу Германии. Понятно, что эта идеология оказывала в свою очередь

¹ См. *Маркс и Энгельс*, Соч., т. XI, ч. II, стр. 486.

² *Гельфферих*, Развитие народного хозяйства Германии с 1888—1913 г., 1920, стр. 37.

значительное влияние на всю разбойничью практику германских империалистов, развизая её до крайних пределов.

Уже в последней четверти XIX века создаётся целый ряд организаций, выступающих за активную колониальную политику Германии: Центральный союз для изучения торговой географии и поддержания немецких интересов в чужих краях, Западнонемецкий союз для колонизации и экспорта, Немецкий колониальный союз (1882) и затем Немецкое колониальное общество. Жажда приобретения чужих земель объединяет как германских плутократов, так и юнкерство — крепостников-баронов. Под воззваниями Немецкого колониального союза подписываются как аристократы — герцог фон Ратибор, князь Гогенлоэ-Лангенбург (впоследствии сами ставшие крупнейшими капиталистами), — так и крупные фабриканты — Брюннинг, Зигле, Штумм.

Колонии на ранних ступенях зарождения монополистического капитализма рассматриваются как рынок сбыта товаров и место для эмиграции безработных. Но чем дальше, тем больше с развитием промышленности и монополий ставится вопрос уже не только о внешних рынках сбыта товаров. Германские плутократы ставят себе новую, первоочередную задачу — обеспечить для себя дешёвое сырьё и сферы приложения капиталов, причём приложение капиталов открыто рассматривается как способ взимания дани с других народов в пользу Германии. В упомянутой прежде работе Зомбарта читаем: «Эта последняя (страна ввоза — Германия. — Г. К.) нуждается в подвозе благ; поэтому она должна думать о том, как бы ей достать эти блага. Самая удобная форма их доставки — это сбор дани: одна страна облагается доставлением такого-то количества шерсти, другая — доставлением такого-то и такого-то количества дерева и так далее. Но, как известно, такой незамаскированный сбор дани в настоящее время уже более не в ходу, даже у народов, которые имеют колонии»¹. Как известно, так обстояло дело лишь до появления гитлеровцев у власти, — они-то предпочли «самую удобную форму» доставки сырья! Немецкие экономисты рассматривали вывоз капитала всегда как средство взимания дани. Но этого мало, «...германской же нации (оказывается! — Г. К.) уже самой стало мало места у себя, и она принуждена (! — Г. К.) всё более и более захватывать чужеземную почву»².

Эта идеология необходимости захватов, якобы потому, что

¹ Зомбарт, цит. соч., вып. II, стр. 355.

² Там же, стр. 351.

«германской нации мало места у себя», развивается в идеологию необходимости мирового господства Германии.

В 1891 г. возникает Всеобщий германский союз. Его руководителем становится Петерс, прославившийся впоследствии совершенно исключительными зверствами в германских колониях в Африке. В 1893 г. Всеобщий германский союз переименовывается в Пангерманский союз. Вокруг этого союза группируются самые крайние агрессивные шовинистические и нацистические элементы. Пангерманское общество финансировалось такими магнатами, как Кирдорф, Стишнес, фирма Круппа и др. В Пангерманском обществе имелись как сторонники захвата заморских владений чужих стран, так и сторонники захвата «восточных пространств» («движение на восток») — Балкан, Турции, России и т. д. Наряду с пангерманцами, добивавшимися господствующей роли Германии во всём мире, имелись и другие организации того же типа — Военно-морское общество, Колониальный союз и др.

Различные германские «учёные» и писатели ревностно служили интересам всей этой крайней империалистической пропаганды. Эту пропаганду вели как открытые националисты, так и националисты, маскирующиеся социал-демократизмом. Так, например, социал-демократ Пауль Ленч писал в брошюре «Немецкая социал-демократия и всемирная война»:

«Для Германии, под которой мы понимаем Германскую империю и Австро-Венгрию, вопрос о капиталистической экспансии превратился в вопрос национального существования»¹. Ленин охарактеризовал эту брошюру Ленча как «образец хулуйско-шозинистской бляги».

Немецкие империалисты с удовлетворением отмечали, что «...и в социал-демократическом лагере раздавались голоса в пользу колоний...»²

Шульце-Геверниц, известный идеолог германского империализма, выдвигал идею мирового господства Германии. В своей книге «Британский империализм» (вышедшей в 1906 г.) он подчёркивал, что для осуществления «идеалистической социальной политики» требуется «широкая экономическая база» и «новый экономический порядок». Нация, которая всё это осуществит, «станет — на благо человечества и по воле божьей — во главе человечества». Ленин в своих подготовительных работах по империализму отчеркнул приведённые

¹ Ленч, Немецкая социал-демократия и всемирная война (цит. по Ленину, Тетради по империализму, стр. 276).

² Ден, О германской колониальной и мировой политике (цит. по Ленину, Тетради по империализму, стр. 601).

здесь мысли из книги Шульце-Геверница и пометил: «Германия во главе мира»¹.

В ленинских выписках из книги «Основы социальной экономики» читаем, что одной из задач немецких банков является,— при помощи железных дорог, рудников, плантаций, каналов, оросительных сооружений и т. д. придать облику мира черты немецкого духа².

В книге Бернгарди «Германия и ближайшая война», написанной в 1911 г., выставляется лозунг: «Мировая держава или гибель». Можно привести ещё десятки положений из различных произведений германских империалистов — и всюду одна и та же постановка вопроса: Германия — господин средней Европы. Германия должна объединить все земли, где имеется немецкое население, Германия должна быть во главе мира, Германия должна придать немецкий облик миру, Германия либо будет господствовать над миром, либо погибнет. Таковы были устремления германских империалистов ещё до первой мировой войны. Эта пропаганда имела своим назначением шовинистическое воспитание масс, их идеологическую обработку, подготовку масс к тому, что они должны проливать кровь за такое якобы идеальное устройство мира, в котором Германия будет полным господином. Мы видим, что Гитлер в своих требованиях мирового господства Германии не оригинален, он пытается практически осуществить старую бредовую идею германского империализма о том, что Германия в состоянии победить весь мир.

В своём стремлении захвата восточных просторов («Дрангах Остен»), в особенности России, гитлеризм пытается осуществить старые тенденции империалистов. Захват восточных пространств намечался германскими империалистами ещё до первой мировой войны. Социал-империалист Гильдебрандт, например, говорил, что существующее распределение земли несправедливо, что Германия обижена, что, мол, Россия и Франция злоупотребляют своей силой на суше, а Англия — на море, что немцы обязаны обеспечить своё колониальное будущее.

Можно взять другого автора, Рюдорфера, который говорит, что решение судеб немецкой мировой политики произойдёт на континенте Европы. Это же повторяет Бернгарди в уже упомянутой его книге. А что такое континент Европы? Кого здесь имеют в виду? Конечно, Россию и Францию.

Следовательно, германский империализм начала XX века

¹ Ленин, Тетради по империализму, стр. 403.

² См. Ленин, Тетради по империализму, стр. 35.

также мечтал о захвате восточных пространств. Что же его останавливало? Ответ на этот вопрос даёт Бюлов. В книжке «Державная Германия» он говорит: «Если бы мы выступили против России, мы очутились бы в совершенно другом положении. Война против Германии была бы популярной в России, и русские вели бы её с тем национальным энтузиазмом, который так характерен для них, когда они защищают свою родную землю»¹. Вот что их останавливало! Бюлов здесь высказывает затаённое опасение германского империализма, что русский народ не захочет подчиниться германскому империализму.

Более умные, чем Гитлер, политики всегда боялись столкновения с Россией. Достаточно только в этой связи вспомнить Бисмарка.

Однако германские империалисты ждали только удобного случая, чтобы поживиться и за счёт России. Это совершенно ясно выявилось в ходе первой мировой войны и во всей политике германского империализма в 1917—1918 гг. (захват Прибалтики, Белоруссии, Украины, Закавказья).

* * *

Всё сказанное выше о развитии монополистического капитализма в Германии, о характере германского государства и господствовавшей в Германии идеологии — в период до первой мировой войны — показывает, что особенности германского империализма сводятся к следующему:

1. Германский империализм вырос из капитализма запоздавшего, но весьма быстро развивавшегося с конца XIX столетия; в результате германские плутократы с их безмерной жадностью наживы вышли на мировую арену в условиях, когда почти весь мир был уже поделён.

2. Весьма высокая степень монополизации германского хозяйства, раннее развитие элементов государственного монополистического капитализма.

3. Юнкерски-буржуазный характер германского империализма: сохранение и в условиях империалистической экономики пережитков крепостничества, огромное политическое влияние юнкерства, соединение империалистических устремлений финансового капитала с прусско-феодальным милитаризмом.

4. Полувоенно-деспотический, полицейский характер юнкерско-буржуазного германского государства, широко используемый финансовым капиталом в интересах проведения

¹ Бюлов, Державная Германия, изд. «Освобождение», 1915, стр. 24.

империалистической политики; наконец, развитие поощряемой государством идеологии необходимости завоевания Германией мирового господства.

В этих исторических особенностях развития германского империализма и лежит ключ к пониманию причин его наиболее разбойничьего, наиболее хищнического, агрессивного характера.

Г Л А В А IV

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ КАК НАИБОЛЕЕ РАЗБОЙНИЧИЙ И ХИЩНИЧЕСКИЙ

Специфические черты империализма в Германии, о которых говорилось в предыдущих главах, объясняются в конечном счёте законом неравномерности экономического и политического развития в период империализма. Действительно, германский капитализм запоздал в своём развитии, но в силу быстрого скачкообразного развития Германия догнала и перегнала старые капиталистические страны по размерам своей промышленной продукции. Но к этому времени мир уже был поделён, преимущественно между старыми капиталистическими странами.

Отсюда особенно ожесточённый характер борьбы германской плутократии за отвоевание себе «места под солнцем», борьбы за передел уже поделённого мира. Следовательно, неравномерность экономического развития вызвала быстрое развитие запоздалого германского капитализма в условиях, когда мир уже был территориально поделён.

Неравномерность политического развития привела к тому, что Германия при быстром экономическом развитии политически отстала по сравнению с другими развитыми капиталистическими странами, оставаясь полувоенно-деспотическим государством с первенствующей ролью в нём прусского юнкерства. Но именно эта её политическая отсталость в условиях её быстрого экономического развития ещё более усиливала хищнический и разбойничий характер германского империализма, развязывала руки империалистам для осуществления самых разбойничьих замыслов.

Империалистическая борьба германской плутократии за передел мира помножалась на милитаризм прусского юнкерства с его традициями разбойничьих набегов на чужие земли.

Отсюда ясно — интересам каких классов соответствовала империалистская политика Германии.

Империалистская политика проводилась германским госу-

дарством в интересах магнатов финансового капитала и баронов-крепостников.

Тиссены и кирдорфы, крупны и стиннесы, сименсы, штуммы и папены и десятки других некоронованных финансовых королей и помещиков Германии направляли политику германского государства на путь разбойничьих захватов и грабежей. Наиболее хищнический и разбойничий характер империализма соответствовал интересам как плутократов, так и юнкеров.

Несомненно также, что империалистские устремления в некоторой мере удовлетворяли и экономические интересы известных кругов мелкой буржуазии. Гёнигер в работе «Хозяйственное значение германского военного дела» приводит следующий факт:

«...Депутат *Эрцбергер* сказал в рейхстаге (24 апреля 1912 г.):

«Если бы господин военный министр хотел удовлетворить все просьбы о гарнизонах, с которыми обращаются к военному ведомству, то ему пришлось бы испрашивать в шесть раз больше военных кредитов».

Ленин, приводя эту цитату, делает следующее замечание: «Мелкая буржуазия всячески выигрывает от гарнизонов. Одна из причин популярности милитаризма!»¹

Немецкие империалисты пытались доказать немецкому народу, что немцы выигрывают от захватов, от превращения Германии в государство, имеющее колоннальных рабов.

Германский историк Эгельгаф сообщает, что в октябре 1906 г. 591 человек из немецкой колониальной армии решили не возвращаться в Германию, а остаться в качестве «крестьян и скотоводов». Ленин в «Тетрадах», выписав эти факты, делает на полях пометку: «Грабитель земли и превращаться в помещиков!»²

Следовательно, наряду с империалистической пропагандой германские империалисты стремились системой подкупа втянуть массы в свою грабительскую политику, чтобы осуществить свои самые крайние разбойничьи цели.

Заинтересованность известных средних слоёв в милитаризме, подкуп некоторых слоёв населения за счёт расходов на армию, раздача завоёванной земли, образование на завоёванных землях нового слоя помещиков-колонистов, шовинистическое воспитание народа, система прусской казарменной муштры, постоянная крикливая пропаганда о превосходстве германской нации, оппортунизм и предательство германской

¹ Ленин, Тетради по империализму, стр. 164.

² Там же, стр. 617.

социал-демократии создали известную массовую базу для империализма.

Наиболее хищнический и разбойничий характер германской разновидности империализма прежде всего выражался в особо остервенелой борьбе за мировое господство как экономическое, так и политическое. Он выражался, далее, в проведении самой бандитской, грабительской политики и практики в отношении захваченных немцами территорий.

* * *

Первый случай официального содействия колонизаторству имел место в отношении Германского торгового и плантационного общества Южных морей в 1880 г. Уже с 1883—1884 гг. Германия начинает осуществлять захватническую политику в различных частях света. С 1884 по 1890 г. она захватывает огромные территории в Африке, превышающие по своим размерам территорию самой Германии. В Африке она столкнулась с английскими интересами. Немецкие империалисты кричали на весь мир, что они призваны нести «благо всему человечеству». Захват той или иной территории они прикрывали словесными заявлениями об отсутствии у них каких бы то ни было агрессивных замыслов.

Германские колониальные захваты в Африке и начались с заявления, сделанного в Англии по поручению рейхсканцлера Бисмарка об отказе от вмешательства в британские интересы. Вскоре Англия почувствовала на деле, что означает этот словесный отказ от вмешательства в британские интересы. Германские империалисты захватили остров Самоа, Маршалские и Каролинские острова, пытались захватить Филиппины, сталкиваясь при этом повсюду с интересами США. В 1898 г. немцы захватили Кяо-Чао в Китае. В течение 15 лет Германия захватила территорию в 1 млн. кв. км, с населением в 16 млн. человек, стремясь в то же время подчинить себе полукolonии. Проникая всё больше в Турцию, немецкий капитал вытеснял английский и французский капиталы. Вильгельм II предпринял специальное путешествие в Турцию, где объявил себя покровителем всех мусульман. В 1899 г. канцлер Бюлов заявил: «Мы не потерпим, чтобы какой-нибудь чужеземный Юпитер сказал нам: «Что делать, мир уже поделён»».

Германия готовилась к решительной схватке за передел мира и за утверждение своего мирового господства. Она быстро увеличила свою армию, её военные расходы за период 1900—1913 гг. почти удвоились. Германия создаёт мощный военный флот — второй в мире по боевой силе.

Создание такого флота при отсутствии значительных заморских владений и при относительно небольшой морской границе выражало стремление Германии к мировому господству. В ходе первой мировой войны германские империалисты развёртывают открытую программу захвата и грабежа других стран. Известно, что на ряде совещаний германских плутократов и помещиков, во всех меморандумах во время войны выдвигалась всё с большей силой программа захвата наряду с Бельгией и частью Франции (например, меморандум ряда буржуазно-помещичьих организаций от 20 мая 1915 г.) захват восточных районов Польши, Прибалтики. В апреле 1917 г. на совещании в Крёйцнах выдвигался вопрос о захвате Курляндии и Литвы, в августе 1917 г. — о захвате Украины, Польши, Белоруссии. Германские империалисты выступили застрельщиками интервенции против советских республик в 1918 г., захватили Украину, Закавказье, откуда они были выброшены Красной Армией.

* * *

Безудержное стремление германских плутократов к наживе, полувоенно-деспотическое государство юнкеров и плутократов, крайняя империалистическая идеология — всё это не могло не вести к самой разбойничьей практике германских захватчиков на территориях, где получала господство их армия.

Особо разбойничий характер германского империализма сказался в исключительных его зверствах на захваченных территориях. Империалистический хищник, изголодавшийся по колониям, дорвавшись до захвата какой-либо территории, зверствовал здесь неимоверно. Германские империалисты полагали, что именно таким путём им удастся утвердить своё господство. Армия, воспитанная в прусских традициях, являлась удобным и надёжным орудием для проведения самой разбойничьей политики.

Ещё Энгельс отмечал «...специфически-прусский характер войны...»¹, заключающийся в огромных контрибуциях, беспощадных реквизициях, грабежах, насилиях, поджогах, причём всё это делалось «планомерно», по приказу. Оценивая поведение прусских войск в ходе войны с Францией, Энгельс писал: «Нет никакого беспорядка, никаких грабежей, ни насилий над женщинами, никаких нарушений приказов. Ничего подобного. Всё делается систематически и по приказу...»²

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 486.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 2, стр. 173—174.

Маркс отмечал, что всеобщее негодование вызвала система реквизиций, сжигание деревень, расстрел партизан, взятие заложников. Но понятно, что перед зверствами гитлеровских молодчиков, перед их злодеяниями бледнеют все подвиги прусской военщины. Куда бы ни шёл германский завоеватель, всюду он себя «прославлял» неслыханными жестокостями. Вильгельм II, направляя экспедицию на подавление боксёрского восстания в Китае, в своей напутственной речи требовал: «Пощады не давать, пленных не брать! Подобно тому как тысячу лет назад при короле Этцеле (Аттиле — Г. К.) гунны оставили по себе память о своей мощи, до сих пор сохранившуюся в преданиях и сказках, точно так же благодаря вашим деяниям имя немцев в Китае должно запомниться на тысячу лет, так, чтобы никогда китайцы не посмели даже косо взглянуть на немца»¹.

Зверства немцев в Африке нашли широкое освещение в мировой литературе. Убийства женщин и детей, пытки, мучительства, грабёж, террор были повседневными явлениями. Обнажённых негров привязывали к столбам, и они умирали от палящего солнца. Стрельба по безоружным неграм рассматривалась как спортивное упражнение. Насилия над женщинами и детьми, убийства их были общим явлением. Восставшее против немецких мучителей племя гереро было почти целиком уничтожено. Вот как один немец в своём дневнике описывает колонизаторскую практику в германских владениях в Африке:

«13 марта... Ассессор Велан, начальник экспедиции, приказал не только сжечь все жилища туземцев, но и отрубить головы старухам...

31 марта... у наших доблестных немецких солдат... и особенно у одного из них прекрасный способ сдирания шкуры с неприятеля: делается разрез ножом на нижней челюсти, потом надкус зубами — и кожа легко сходит с лица...».

Отличительной особенностью германской политики было не только проведение в практике различных зверств, но прямое оправдание их, объявление зверства одним из официальных методов распространения германской культуры.

Известны зверства немцев и во время первой мировой войны.

Так, в газете «Петроградский листок» от 17 мая 1915 г. описан один из многочисленных фактов гнусного надругательства немцев над русскими людьми. Попавшая в плен к немцам 17-летняя сестра милосердия подверглась истязаниям

¹ Бюлов, Воспоминания, стр. 164.

немецких разбойников. Немцы «не отправили её в тыл, а держали около двух недель в окопах. На ночь раздевали донага и привязывали за ноги к колу. Насиловал, кю хотел, в общем свыше ста человек. Когда несчастная изнемогла и впала в беспамятство, её отвязали и оставили на произвол судьбы.

Спасли ей жизнь местные крестьяне, спрятали в халупе от освирепевших мерзавцев и привезли в Радзивилишки.

Теперь эта новая жертва немецкой гнусности лежит в 28 запасном госпитале. У неё воспаление брюшины.

Крайне высокая температура, явные признаки острого помешательства, и в довершение всего её заразили подлой венерической болезнью»¹.

Варварское умерщвление пленных было обычным делом для немецкой военщины. Так, в 1915 г. на фронте Сохачёв — Боржимов в окопах, дважды переходивших из рук в руки, были найдены трупы солдат с разбитыми черепами, с распоротыми животами и многочисленными ранами. Среди изуродованных трупов были обнаружены «трупы солдат, которым в разные части тела и, между прочим, в глаза были вбиты русские патроны, труп солдата с обнажёнными ягодицами и с воткнутым в задний проход штыком, 20 трупов с распоротыми животами, труп с отрезанной головой и труп офицера (капитана Горленко), у которого с левой руки была содрана кожа, в виде ремня, шириной 2 сантиметра и длиной 15 сантиметров...»²

Известны также многочисленные факты надругательств немцев над мирным населением в захваченных районах страны.

«...германские разбойники,— писал Ленин,— побили рекорд по зверству своих военных расправ...»³

Германский империализм, стремясь осуществить свои замыслы «стать во главе мира», не считался ни с чем, применял самую варварскую, самую разбойничью практику в отношении народов, которые оказывались во власти его военщины. Но всё это, конечно, бледнеет по сравнению с тем, что творят гитлеровские молодчики в современной войне.

Африканскую практику немцев, практику истребления несчастных негритянских племён гитлеровские варвары решили в расширенном масштабе применить к народам СССР, ко всем свободолюбивым народам!

¹ Документы о немецких зверствах в 1914—1918 гг., Госполитиздат, 1942, стр. 52.

² Там же, стр. 23.

³ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 180.

ПОЧЕМУ ГЕРМАНСКИЕ ПЛУТОКРАТЫ И ЮНКЕРЫ ПРИВЕЛИ К ВЛАСТИ ГИТЛЕРОВСКИХ ЛЮДОЕДОВ

В период первой мировой войны сила и мощь финансовых магнатов Германии — её плутократии — ещё более возросли. Значительно развились элементы государственного монополистического капитализма, который был полностью поставлен на службу интересам германской плутократии и юнкерства. С целью регулирования потребления сырья в интересах войны был создан ряд военно-акционерных сырьевых обществ. Для этого были использованы уже имевшиеся монополистические объединения. В тех отраслях, где их не было, германское государство применило принудительное синдицирование. Были объединены расплывённые до того времени, слабо монополизированные отрасли (текстильная, табачная, обувная и ряд других). Военно-акционерные общества были подчинены военно-сырьевому отделу военного министерства, а впоследствии особому «военному управлению». Эти учреждения наряду с военным комитетом германской промышленности полностью были подчинены интересам наиболее крупных финансовых магнатов, поскольку именно эти учреждения распределяли сырьё, рабочую силу и т. д. Для рабочих был установлен такой режим принудительного труда, что даже германские социал-демократы, стоявшие за поддержку империалистической войны, вынуждены были говорить об установлении крепостной зависимости. Ленин прямо определял весь этот порядок военно-хозяйственного регулирования как военную каторгу для рабочих.

Сотни миллионов марок наживали на крупнейших военных поставках германские плутократы. Дивиденды акционерных обществ выросли с 8% в 1914 г. до 13,4% в 1917 г. Но это «официальные» данные. На деле прибыли были значительно больше. Прибыль Круппа выросла с 75 млн. марок в 1913—1914 гг. до 175 млн. марок в 1916—1917 гг. В ряде случаев официально объявленные прибыли (Бохумский союз) увеличились в 3,5 раза. На военной конъюнктуре поднялись до того времени «неизвестные» люди, о которых биографы германских плутократов говорят, что «они были охвачены духом времени», «бросились в котёл превращений». Разбогател Флик, впоследствии ставший одним из владельцев Стального треста и одним из хозяев нацистской Германии. Расширил сферу своего контроля Клекнер, ещё до войны купивший рудники и металлургические заводы в Лотарингии и угольные копи в Вестфалии. Во время войны его богатство возросло, и в 1917 г. он образовал крупнейшее акционерное обще-

ство — Лотарингский горный и металлургический союз с акционерным капиталом в 125 млн. марок. Это общество было тесно связано с рядом крупных металлообрабатывающих предприятий. Клекнер впоследствии также стал одним из хозяев гитлеровской Германии.

Ясно, что германская плутократия, обрстая всё большим жирком во время войны, отнюдь не помышляла в чём-либо изменить свои военные планы. Её аппетиты росли с развитием войны, и германские империалисты разрабатывали проекты присоединения к Германии ряда новых областей.

Именно во время войны империалистическими кругами Германии была выдвинута программа «Срединной Европы», которая должна была экономически господствовать от Гамбурга до Багдада. В мае 1915 г. организации германских промышленников, средней буржуазии, Крестьянский союз и др. выдвинули целую аннексионистскую программу, зафиксированную в специальном меморандуме. Этот меморандум требовал захвата Бельгии, железорудных районов Франции — Лонгви и Брие, захвата морского побережья Франции до Соммы и ряда других французских районов. На востоке меморандум требовал захвата Прибалтики, Литвы, Польши. Некоторые руководящие лица из правительства предлагали «ограничиться» захватом части России.

Таким образом аннексионистские аппетиты германских империалистов росли во время войны, и только безвыходность положения Германии, достаточно ясно проявившаяся летом 1917 г., заставила рейхстаг принять резолюцию о том, что Германия не желает аннексий в этой войне. Лживость этой резолюции вскоре обнаружилась. Германские империалисты первыми выступили с интервенцией против советских республик. Насколько лживыми были их утверждения об отсутствии аннексионистских стремлений, показывает Брестский мир, который Германия заставила заключить молодую, неокрепшую Советскую республику. Немцы думали, что, опираясь на грабёж богатств Украины, Закавказья, Белоруссии, они смогут успешно вести войну против Англии, Франции и Америки. Но и здесь они просчитались. Грабёж советских областей лишь мобилизовал широкие массы на решительный отпор немецким оккупантам. Товарищ Сталин ещё в марте 1918 г. предсказывал, что неумолимая логика событий ведёт к тому, что обожравшийся империалистический зверь сломит себе шею на Советской Украине¹. Германский

¹ См. Сталин, Украинский узел. Сборник «Статьи и речи об Украине», 1936, стр. 41.

империализм был разгромлен войсками Англии, Франции и США, с одной стороны, и Красной Армией и пар.из.нами, с другой стороны.

Германский империализм потерпел крупное поражение в 1918 г., но он не был уничтожен. В результате Версальского мира помимо различного имущества на многие миллиарды марок Германия потеряла районы, где до войны добывалось три четверти железной руды, четверть всего количества угля, около 70% цинковых руд и т. д. Крупнейшие монополии потеряли ряд своих предприятий, находившихся в отошедших к Франции областях. Тем не менее германская plutократия на этом деле пострадала мало. Французские промышленники и германское государство компенсировали немцам их потери. Так, за 18 предприятий, находившихся в Эльзас-Лотарингии, немецкие владельцы получили 720 млн. марок золотом. Эти предприятия по довоенной оценке стоили 1 250 млн. золотых марок. Потеря как будто полмиллиарда. На деле, получив в период всеобщего валютного хаоса 720 млн. золотом, немецкие plutократы создали себе базу для колоссальной наживы, скупая за бесценок внутри Германии предприятия, товары, всё, что могло дать наживу. Так, Тиссен получил 100 млн. марок золотом, не считая компенсации, уже полученной им ранее от германского государства за «утраченную собственность». Клекнер получил 103 млн. фр. золотом, и, кроме того, значительную сумму он получил от германского правительства, в результате чего к 1920 г. он смог уже создать концерн, по своей мощи превосходящий его довоенный концерн.

В особенности нажились крупные спекулянты на хозяйственной разрухе и инфляции в послевоенный период. Инфляция вызвала значительное снижение заработной платы, зато резко возросли прибыли финансовых магнатов Германии. Инфляция создала возможность широкого демпинга, она давала возможность капиталистам получать колоссальные премии при экспорте и в то же время тяжёлым бременем ложилась на плечи трудящихся. В связи с этим один из немецких экономистов, Шульце, должен был признать невероятное обнищание населения. Инфляция — «премия для эмиграции на тот свет», — заметил он, говоря о влиянии инфляции на широкие слои трудящихся. Действительно, германская марка обесценилась в миллиард раз. В этих условиях, какого бы увеличения своего заработка рабочий ни добился, он уже в промежуток времени между начислением и выплатой зарплаты терял большую часть своего реального заработка, ибо марка обесценивалась по нескольку раз в день.

А финансовые магнаты Германии за горы бумажных марок приобретали реальные ценности и увеличивали свои богатства.

Так колоссально нажился и раздулся грабительский концерн Стиинеса. Он разросся до размеров, которые не достигались никакими концернами Германии до первой мировой войны. Концерн Стиинеса охватывал свыше 1 500 предприятий. Имущество концерна оценивалось в миллиарды золотых марок. Стиинеса называли королём Рура. Но этот концерн, как и другие концерны того периода, выросшие на дрожжах инфляции, оказался недостаточно жизненным. Концерн Стиинеса развалился, но на его развалинах создан целый ряд крупнейших монополий, сыгравших большую экономическую и политическую роль в Германии.

На основе выполнения обязательств по поставкам натурой (по Версальскому договору) в пользу победителей и при значительном финансировании со стороны государства германская промышленность быстро оправилась от последствий войны и Версальского мира и стала развиваться на новой базе. Потеряв часть предприятий и важнейших источников сырья в отошедших к Франции областях, германские монополии перестроились. Если некоторые монополии потеряли свою угольную базу (Германо-Люксембургское общество), то зато другие сохранили свою угольную базу, потеряв железные рудники и доменные печи (Тиссен, Клекнер). На основе этого создались новые комбинации предприятий, ещё больше выросла концентрация производства (в особенности в металлургии), создалась новая металлургическая база в Вестфалии.

Насколько выросла концентрация производства показывают следующие данные: число предприятий, имеющих свыше тысячи рабочих, с 1907 по 1925 г. удвоилось; эти предприятия составляли 0,03% всех предприятий и концентрировали у себя 41,2% всей мощности двигателей. За 1925—1933 гг. произошла дальнейшая концентрация производства. Количество предприятий в германской промышленности сократилось почти на 60 тыс. В 1929 г. из 28 заводов по выплавке чугуна 6 заводов давали 84% всей продукции. Из 49 сталелитейных заводов 7 заводов давали 80,5% всей продукции. Так же высока была концентрация и рабочей силы: в 1930 г. в горной промышленности 233 предприятия составили 8,1% всего числа предприятий этой отрасли, а концентрировали они 72% рабочей силы; в металлургической промышленности 106 предприятий, составлявшие 3,5% предприятий, концентрировали 54% рабочей силы; в электротехнической промышленности

74 предприятия — 0,16% всех предприятий отрасли — концентрировали 39% рабочей силы; в машиностроении 76 предприятий — 0,18% всех предприятий — сосредоточили у себя 33% рабочей силы. Все эти данные свидетельствуют об исключительно высоком уровне концентрации производства в послевоенной германской промышленности.

На основе такого роста концентрации промышленности усиливались процессы монополизации. Если до первой мировой войны число картелей определялось в 500—600 (это число, вероятно, преуменьшено против действительного), то в 1930—1932 гг. картелей было уже около 2 500. В ряде отраслей государство провело обязательное (принудительное) картелирование. Это касалось угольной промышленности, объединяемой Угольным союзом, получавшим директивы из Государственного угольного совета. Принудительное картелирование также касалось калийной, сахарной и спирто-водочной отраслей. Понятно, что все органы, возглавляющие эти принудительные синдикаты, а равно и государственные регулирующие организации находились в руках крупнейших плутократов. Все отрасли хозяйства, всё население платило им дань.

Так, например, удобриельные материалы были самой высокой статьёй затрат в германском сельском хозяйстве в связи с тем, что здесь существовал синдикат, принудительно созданный германским государством. Для роста монополий в послевоенной Германии характерно образование гигантских трестов, концернов, охватывающих разнообразные виды производства и являющихся крупнейшими в Европе. Таков, например, Стальной трест, образованный в 1926 г. Он представлял собой монополистическое объединение в таких масштабах, каких металлургия Германии прежде не знала. Стальной трест, например, включил в свой состав Гельзенкирхенское горное общество, о котором Ленин писал как о самом крупном предприятии германской горной промышленности. Стальной трест имел в первые годы своей деятельности основной капитал в размере 800 млн. марок. Учредителями Стального треста были Гельзенкирхенское общество, Германо-Люксембургское общество, Бохумский союз, группа Тиссена, группа Феникса Ван-дер-Ципена, группа Рейншталь. Группа Тиссена участвовала в основном капитале в размере 208 млн. марок. В том же размере участвовала группа Феникса, которая объединяла предприятия крупнейших капиталистов — Ван-дер-Ципена, Отто Вольфа, Пензгена.

В 1928 г. Стальной трест объединял 3 946 горных предприятий, 155 металлургических заводов с 474 агрегатами

(в том числе 62 домны, 131 мартен и 228 прокатных станков). Стальной трест производил в 1928/29 г. 37 млн. т угля, 11 млн. т кокса, 10,2 млн. т стали и 10,8 млн. т чугуна. Наибольшим влиянием в тресте вначале пользовалась группа финансовых магнатов, владевшая Гельзенкирхенским обществом, Германо-Люксембургским обществом и Бохумским союзом. Эти три монополии ещё до образования Стального треста слились в одно крупное объединение Рейн — Эльба — Унион. Доля группы Рейн — Эльба — Унион в акционерном капитале Стального треста составляла около 40%. Эта группа вначале была самой влиятельной. Соответственно этому председателем правления Стального треста стал Феглер, бывший директор Германо-Люксембургского общества. Крупнейший финансовый магнат, всегда демонстрировавший свои антидемократические взгляды, Феглер побывал в разных партиях (в германской народной, в национально-либеральном объединении), но всегда оставался неизменным покровителем Гитлера. Второе место занимала группа Ван-дер-Ципена, объединявшая Феникса, Вольфа, Пензгена. Её доля в капитале треста составляла 26%. Первым заместителем председателя Стального треста являлся Пензген, директор Феникса, типичнейший представитель самой реакционной германской империалистской плутократии. Пензген стал впоследствии председателем правления треста. Фриц Тиссен, сын крупнейшего капиталиста Августа Тиссена, о котором мы упоминали раньше, также играл в тресте большую роль. Его доля в капитале Стального треста составляла 26%. Фриц Тиссен был председателем наблюдательного совета Стального треста и постепенно всё более увеличивал своё богатство и влияние в тресте.

Стальной трест был тесно связан с концерном Сименса. Сименс входил в наблюдательный совет Стального треста, а Феглер — в наблюдательный совет акционерного общества Сименс и Гальске.

Крепкие связи Стальной трест имел также с Круппом и концерном Клекне́ра.

Тиссен приобрёл крупный пакет акций акционерного общества Маннесмана, следовательно Стальной трест был тесно связан и с Маннесманами.

В Стальном тресте большую роль играл также Отто Вольф, о котором мы уже упоминали. Вольф — один из организаторов Стального треста.

К Стальному тресту вскоре после его организации примкнул Флик, господствовавший в Среднегерманском обществе сталелитейных заводов и в группе Верхнесилезских заводов.

Через Флика Стальной трест захватил «мирным» путём множество предприятий за границей.

Войдя в Стальной трест, Флик вскоре стал одним из самых влиятельных людей в нём. Он овладел 40% акций Гельзенкирхенского общества, а затем по договорённости с Тиссенем они путём различных махинаций приобрели крупный пакет акций у группы «Феникса» (Вольфа). После этого Тиссен и Флик оказались хозяевами треста. В 1932 г. Флик при участии Феглера продал контрольный пакет акций треста государству по цене в 4 раза выше рыночной. Государство стало владельцем треста, но лишь для того, чтобы после прихода к власти фашистов бесплатно передать акции Тиссену. И Флик и Тиссен колоссально нажились на этой комбинации. Таково лицо этой монополии и её хозяев, сыгравших огромную роль в выращивании гитлеровской партии. С первого дня появления гитлеровской партии хозяева Стального треста всячески поддерживали и финансировали её.

В качестве иллюстрации развития крупнейших монополий приведём и другой мощный концерн, германский химический трест, известный под названием И. Г. Фарбениндустри. Его основы были заложены ещё во время первой мировой войны, в 1916 г., но окончательно он сложился в своём современном виде в 1926 г. И. Г. Фарбениндустри сконцентрировал у себя производство 80% синтетического азота, около 100% синтетического бензина и красителей, значительную часть производства искусственного шёлка, свыше 90% производства металлического магния.

Контролируемый И. Г. Фарбениндустри капитал составлял к началу мирового экономического кризиса примерно 4—5 млрд. марок, или четверть всех капиталов германской промышленности. Основной капитал И. Г. Фарбениндустри составлял в 1932 г. 900 млн. марок и был первым по величине среди капиталов других германских акционерных обществ. И. Г. Фарбениндустри тесно связан с другими концернами Германии. Так, например, со Стальным трестом И. Г. Фарбениндустри объединяет совместное их участие в Рейнштале. И. Г. Фарбениндустри имеет 38% акций Рейншталя, входящего в группу Стального треста. Как мы покажем дальше, этот концерн имел широкие международные связи, в частности в США. Главные руководители И. Г. Фарбениндустри—Дюисберг, Бош, Вармбольд, крупнейшие акционеры, имеющие по 20 млн. марок акций каждый; основатель концерна фон Вайберг, который имел на 50 млн. марок акций.

Развитие монополий и власти германской плутократии характеризуется также тем, что в послевоенный период ряд

отраслей промышленности оказался картелированным на 95—100%. Таково, например, производство чугуна и стали, добыча угля, производство жести, сахара, стекла, синтетического азота и т. д.

Процесс монополизации захватил также ряд отраслей, в которых раньше не было монополистических объединений (мельничное дело, фотопромышленность, кирпичное производство).

Одновременно развивалась концентрация и монополизация банковского дела. Если в 1912/13 г. берлинские крупные банки концентрировали у себя 49% всех вкладов, то в 1929—1932 гг. этот процент уже равнялся 67,5—67,6. В то же время количество крупных берлинских банков сократилось с 9 в 1912—1913 гг. до 4 банков в 1931 г. Банки широко были представлены в наблюдательных советах акционерных обществ. Так, в 1932 г. три крупнейших берлинских банка были представлены в 1712 наблюдательных советах промышленных обществ.

Быстро росло также количество акционерных обществ и увеличивался капитал у наиболее крупных из них. Так, число акционерных обществ выросло с 5 139 в 1913 г. до 10 970 в 1930 г.— больше чем вдвое. При этом акционерные предприятия с капиталом свыше 100 млн. марок за период 1926—1929 гг. увеличили свои капиталы на 15,6%. Акционерные общества с капиталом выше 50 млн. марок составляли во всём акционерном капитале в каменноугольной промышленности 74%, в комбинатах угольно-металлургических — 90,9, в химической промышленности — 63%. Необходимо учесть, что фактически роль крупных компаний (через систему участия и банковское влияние) была ещё больше. Широкую поддержку оказывало монополиям германское государство, финансируя их в форме своего участия в акционерном капитале. Государство участвовало в 583 акционерных обществах из 10 400 (на 1 января 1932 г.). Государством было вложено в акционерные общества почти 3 млрд. марок. Во время кризиса, в 1931 г., государство вложило в Стальной трест 110 млн. марок, купив его акции по цене в 4 раза выше биржевой. Одни банки получили от государства не менее 1,5 млрд. марок различных подачек и субсидий.

Таким образом, сила германских монополий после первой мировой войны возросла, вместе с тем ещё более возросло стремление германских империалистов к расширению сфер своего влияния, к переделу мира, к борьбе за господство Германии над миром.

Германские плутократы через систему «участия» и путём

различного рода сделок захватывали самые разнообразные предприятия в других странах. Стиннес, например, захватил предприятия в Австрии, Венгрии, Чехословакии, на Балканах, рудники в Испании, Швеции и Марокко, хлопковые плантации в Аргентине, нефтяные предприятия в Бразилии. Крупн овладел паровозо-вагоно-моторостроительным заводом в Югославии, рядом испанских компаний по производству паровозов, судов, горными предприятиями, проник в военный концерн Швеции Бофорс. К Стальному тресту перешли австрийские предприятия Стиннеса («Альпине») и ряд других, где хозяйничал Феглер. Через крупнейшего участника Стального треста Флика трест овладел рядом горнозаводских и металлургических предприятий в Польше (в том числе таким крупным, как Каттовицкое горнопромышленное акционерное общество). Стальной трест завладел рядом предприятий в Швейцарии и Чехословакии (угольные копи), сталелитейными заводами в Голландии, железными рудниками и рудными участками в Швеции, Испании и Бразилии. И. Г. Фарбениндустри приобрёл влияние в швейцарской химической промышленности, в Норвегии, во Франции и в других странах, создал свои дочерние компании даже в Америке, борясь с химической промышленностью США. И. Г. Фарбениндустри захватывает также рынки красок в Индии и Китае, ведёт борьбу за мировую гегемонию на азотном рынке.

Германские монополии завоевали решающие позиции в ряде международных монополий, например в международном объединении по производству взрывчатых веществ, включавшем американский химический трест Дюпона, английскую группу Нобеля и германские объединения, входящие в состав И. Г. Фарбениндустри. Как сейчас стало ясно из опубликованных в печати результатов расследования американской прокуратуры, Германия использовала экономические соглашения с трестами других стран для подрыва обороноспособности этих стран. Соглашения предусматривали возможность использования Германией секретных изобретений американской промышленности и создавали препятствия для предоставления их в распоряжение правительства США. Кроме того, германские тресты добились ограничения производства ряда важных для обороны США изделий. Представитель министерства юстиции США, выступая в сенатской комиссии по расследованию положения с патентами в американской промышленности, рассказывал, что «Дженерал электрик» в 1928 г. заключила соглашение с компанией Круппа, по которому германская компания сохранила за собой право «налагать вето на решения о том, какие американские компании могут в дальнейшем за-

ниматься производством и продажей вольфрамового карбида в Соединённых Штатах»¹. Соглашение компании Ремингтон, входящей в концерн Дюпона с дочерней компанией И. Г. Фарбениндустри, позволяло гитлеровцам получать важную военную информацию.

Таким образом, германские монополии и в рамках Версальского договора нашли для себя весьма благоприятную почву для развития и консолидации.

Германская плутократия, оправившись от поражения и перестроившись, смогла добиться хозяйственного подъёма за счёт наступления на жизненный уровень широких народных масс. Несмотря на утрату ряда промышленных районов, Германия в 1927 г. добилась почти довоенных размеров производства стали (17,1 млн. т в 1913 г. и 16,1 млн. т в 1927 г.), причём производство стали в пределах новых границ с 1913 г. выросло в 1,5 раза. В то же время массы нищали. В 1929 г. количество безработных, по официальным данным, было около 2 млн.

Укрепление и развитие монополистических организаций, хозяйственный подъём создали условия для возрождения и дальнейшего развития империалистической агрессии Германии. Хотя Германия стала республикой, но её хозяевами оставалась та же группа крупнейших плутократов, несколько подновлённая выросшими за время войны и послевоенной разрухи финансовыми магнатами. Если до первой мировой войны насчитывалось 300 финансовых магнатов, господствовавших в Германии, то после войны и последовавшей за ней разрухи вся экономическая и политическая власть в стране фактически оказалась в руках 100—140 человек. Главными хозяевами Германии были те же хищники: Крупп фон Болен унд Гальбах, Кирдорф, Фриц Тиссен, Феглер, Флик, Вольф, Пензген, Клекнер, Бош, Вармбольд, Сименс и др. Отсюда понятно широкое распространение реваншистских настроений, в поддержке и раздувании которых были особенно заинтересованы магнаты германской металлургии, стремившиеся вернуть принадлежавшие им прежде предприятия в Лотарингии и вновь захватить сырьевые районы Франции. С другой стороны, чем больше развивались германские монополистические организации, тем острее они ставили вопрос о колониальных владениях—о возврате старых колоний и о новых колониальных приобретениях.

Реакционная немецкая буржуазия не могла примириться с утратой колониальных владений. Она хотела неограниченной власти не только над германским народом. Она стремилась развязать войну за новый передел мира, хотела полу-

¹ См. телеграмму ТАСС из Вашингтона, «Правда» от 20 апреля 1942 г.

чить возможность грабить народы всего мира. Верным союзником буржуазии в осуществлении её агрессивных намерений были аграрии, юнкерство. Хотя непосредственное участие юнкерства в государственном аппарате после буржуазной революции 1918 г. несколько ослабло, но влияние его оставалось ещё сильным. Достаточно вспомнить, какое влияние на политику имел рейхсвер в Германии. В рейхсвере сосредоточились наиболее крайние элементы вильгельмовского офицерства, вышедшего преимущественно из юнкерской среды. О влиянии юнкерства говорит также и президентство Гинденбурга, опиравшегося прежде всего на германскую военщину. Понятно, что юнкерство и тесно связанная с ним военщина были заинтересованы как в реванше, так и в завоевательной политике вообще. Они стремились к восстановлению сильной армии, к милитаризации страны, в этом они видели основу для роста своего могущества.

Таким образом и после поражения Германии в 1914—1918 гг. сохранились и в известной мере укрепились все устои германского империализма — финансовая олигархия, прусские юнкеры, вильгельмовские генералитет и офицерство — все те силы, в интересах которых было проведение самой хищнической и разбойничьей политики.

Германские империалисты не оставляли своей мечты захвата чужих земель и порабощения других народов.

Разнузданная империалистическая пропаганда должна была подготовить широкие массы населения Германии к новой захватнической войне, к новому ограблению народов германским империализмом.

Империалистическая пропаганда велась под флагом ликвидации унизительного положения Германии, созданного Версальским миром, и эта игра на национальных чувствах находила широкий отклик в массе шовинистически настроенной мелкой буржуазии. Германская социал-демократия, открыто перешедшая ещё во время первой мировой войны на сторону германского империализма, поддерживала всякого рода империалистические тенденции.

Пропаганда захватнической политики и превосходства немецкой расы велась широко во всей германской буржуазной прессе, в том числе и в социал-демократической. Носке, известный под кличкой «кровавая собака», писал: «Я надеюсь, недалёк уже тот день, когда наш народ наравне с другими нациями будет применять свои знания и умение в колониальных странах». Во время колониальных дебатов в 1925/26 г. в «рабочем» органе «Геверкшафтсархив» можно было прочесть следующие строки: «Не следует скрывать от него (от

немецкого эмигранта.— Г. К.), что мы, белые, являемся господствующей расой, и что вся наша культура основана на этом господствующем положении в мире, и что необходимо приобретать всё больше почвы для будущего расселения нашей расы». Вполне понятно, что автор этой статьи Мюллер заботился здесь не о землях для белой расы вообще,— здесь под белой расой имелись в виду именно немцы...

Идею мирового господства германские империалисты пытались скрыть под лозунгом борьбы против СССР. СССР был единственным государством, возражавшим против империалистического порабощения Германии. В дни своего политического и национального унижения Германия искала соглашения с СССР. Но, по мере того как возрастала сила и мощь германских монополий, по мере того как возрождались и росли их агрессивные тенденции, германские империалисты развернули бешеную антисоветскую кампанию. Германские империалисты пытались скрыть, что агрессия против СССР — это только первый этап в осуществлении завоевательных планов Германии. Под предлогом борьбы с СССР германские плутократы хотели вооружиться и осуществить в конечном итоге своё господство над миром.

Германские плутократы и их слуги всё чаще и настойчивее начинают поговаривать об особой «европейской миссии» германского рейхсвера, имея в виду выступление против СССР.

К захватам именно в Европе Германию толкало и то соображение, что её флот был разгромлен ещё в первую мировую войну. Германские империалисты полагали, что им удастся разбить СССР и затем отчасти путём захвата, отчасти путём строительства создать большой флот, необходимый для дальнейших завоеваний. Германские империалисты устремились к захватам на востоке также и потому, что были убеждены в слабости СССР в экономическом и военном отношении, в непрочности советского строя. За счёт СССР они хотели создать базу для борьбы за господство в мире. Они были уверены, что покорение СССР будет трамплином к победе над Англией и США.

Германская плутократия всячески хитрила, прятала свои коварные замыслы и готовила необходимую для осуществления своих бандитских целей политическую организацию.

Германским империалистам было ясно, что для завоевания мирового господства надо привлечь на свою сторону широкие массы, пойти на обман, одурачить их лживыми лозунгами. Но для выполнения своих крайне агрессивных намерений буржуазия должна была уничтожить всякую критику импе-

риализма, уничтожить демократию и демократические свободы, которые существовали ещё в рамках Веймарской республики. Реакционная террористическая диктатура была нужна плутократии и потому, что такая власть могла гораздо полнее поставить на службу несправедливой, захватнической войны все ресурсы страны. Для осуществления этих коварных замыслов германской плутократии нужна была политическая организация, которая была бы способна на всякие мерзости, была бы способна поставить непосредственной задачей всей политики самые крайние империалистические цели.

Такую организацию германские плутократы и помещики находят в лице так называемой национал-социалистической партии, представлявшей собой небольшую группу авантюристов и уголовных преступников, во главе которой становится полицейский шпик Гитлер. Именно эту группку избрали германские плутократы для осуществления своих целей и оказывали ей всяческую поддержку, финансировали и развивали её деятельность. Кирдорф ещё с 1923 г. поддерживал Гитлера, а в 1927 г. вступил в его партию. Тиссен ещё в 1923 г. дал Гитлеру 100 тыс. марок золотом, а затем вложил миллионы в организацию гитлеровской партии. Группку авантюристов германские империалисты стали пестовать как свою партию. При помощи германских финансовых магнатов и юнкеров эта шайка проходимцев приобретает влияние в политической жизни. Германские империалисты не случайно избрали гитлеровскую банду проводником своей политики. Подонки германского общества, сформировавшиеся как национал-социалистическая партия, оказались самой шовинистической политической группировкой, прокламировавшей самые крайние захватнические планы, сумевшей замаскировать стремления германских плутократов к мировому господству лозунгами борьбы с большевизмом, готовой на самый наглый, беззастенчивый обман масс. Эта банда, называя себя социалистической партией, стремилась связать немецкий народ по рукам и ногам. Расовая идеология нацистов была для них удобной ширмой, скрывающей истинные цели империалистической, захватнической политики.

Партия гитлеровцев заявляла, что она за ликвидацию господства финансовой плутократии, и одновременно «разъясняла», что стоит за полную неприкосновенность Круппа, Маннесмана, Борзига и других финансовых магнатов. Программа этой партии, её лозунги были насквозь лживы и демагогичны. Но именно такая партия и нужна была германским банкирам и плутократам.

Антикапиталистические, демагогические лозунги были нуж-

ны гитлеровской партии, чтобы овладеть массами, выполнить социальный заказ своих хозяев. Словами «справедливость», «социализм», «революционность» они хотели воздействовать на лучшие чувства масс, обмануть массы, ограбить и закабалить их в интересах своих хозяев. Такого рода обманом и была экономическая программа гитлеровской партии. В этой программе фашисты для видимости выдвигали целый ряд радикальных требований.

В программе фашистской партии выдвигалось требование уничтожения нетрудового дохода и процентной кабалы, полной конфискации всех военных прибылей, огосударствления трестов. В программе стоял также пункт о создании здорового среднего сословия и его сохранения, немедленной ликвидации крупных универсальных магазинов и передаче их в аренду по дешёвым ценам мелким торговцам, строжайшем внимании ко всем мелким предприятиям, о предоставлении им государственных и коммунальных поставок. Наконец, один из пунктов программы требовал проведения земельной реформы, издания закона о безвозмездном отчуждении земли для общепользовательных целей, отмены ипотечного процента.

Вся программа была исключительно лживой. Чтобы в какой-то мере оправдать термин «социализм» в названии партии, фашисты жульнически выдвигали в программе требование уничтожения нетрудового дохода и процентной кабалы. Это было рассчитано на наивного мелкого буржуа и отсталого рабочего, которые не могли разобраться в том, что в условиях господства плутократии этот лозунг неосуществим.

Фашисты для вида требовали огосударствления трестов. Этот лозунг был выдвинут также для обмана народных масс. Само по себе огосударствление ещё не создаёт социалистических отношений, ибо весь вопрос в том, какой характер носит государство. Выдвинутый фашистской программой лозунг уничтожения крупных магазинов представляет собой просто мошенническое и неосуществимое требование. Глухие замечания о какой-то земельной реформе оставляли в неведении, какими же путями, за счёт кого будет проведена реформа и в чём, собственно говоря, будет содержание этой реформы.

Вся эта программа, по циничному признанию Геббельса, была приманкой с целью «заманить птичку в клетку». Она была рассчитана на то, чтобы обмануть массы и привлечь на сторону фашистской партии рабочих, невероятно страдавших от кризиса, ремесленников и крестьян, связанных по рукам и ногам долговыми обязательствами, мелких торговцев, разо-

ряемых крупным капиталом, массы крестьян, лишённых или почти лишённых земли. Ни одно из требований своей программы фашисты и не собирались выполнять. Больше того, выступая на словах против иностранного капитала, фашисты в то же время утверждали, что немецкие плутократы—Крупп, Феглер, Тиссен, Борзиг и др.—представляют собой «высшую расу», что они достигли своего положения в результате «расового отбора», а потому они вообще неприкосновенны, что вся их деятельность, направленная на получение максимальной прибыли,— это результат «призыва чистой арийской крови».

Несмотря на исключительную демагогию, немецкие фашисты до кризиса 1929 г. не имели большого влияния на народные массы. Кризис особенно сильно отразился на положении народных масс Германии. Здесь сказались и результаты истощения страны в первую мировую войну и глубина затянувшегося кризиса. Число безработных достигало 5 млн. и больше. Заработная плата резко пала. Трудовой доход рабочих и служащих упал с 44,4 млрд. марок в 1929 г. до 25,6 млрд. марок в 1932 г. Ёмкость рынка уменьшалась, и промышленность всё более свёртывалась. Между тем жажда высоких прибылей и стремление побить конкурентов на внешних рынках вызывали у плутократов тенденцию к дальнейшему снижению заработной платы. Рабочий класс всё больше выражал недовольство, усиливались революционные настроения. Боясь, что рабочие используют буржуазно-демократические свободы для развёртывания революционной борьбы, германская плутократия и юнкерство всё более приближают к себе фашистов и их главарей, видя в них силу, способную подавить рабочее движение, провести решительную империалистическую политику и мобилизовать все силы на подготовку войны. Изменился и состав фашистской партии. К ней всё более открыто стали примыкать махровые представители юнкерства и плутократии. В нацистскую партию в 1930 г. вошёл и сын Вильгельма II принц Август, причём его участие в ней было одобрено самим Вильгельмом¹.

Бывший президент Рейхсбанка Шахт, не входя официально в члены нацистской партии, становится ближайшим экономическим советником Гитлера.

Развивающийся кризис создал почву для успеха пропаганды националистических лозунгов фашистов среди разоряющейся мелкой буржуазии.

Уже на выборах в 1930 г. фашисты получают 107 депутатских мест в рейхстаге.

¹ См. *Гейден*, История германского фашизма, Соцэкгиз, 1935, стр. 238.

Германская плутократия, чувствуя непрочность своего положения в условиях демократических свобод, предоставляет гитлеровцам всё большее влияние в политике и, наконец, решает в 1933 г. передать им государственную власть. Вопрос о передаче власти Гитлеру был решён в январе 1933 г. на совещании в доме банкира Шредера, в котором участвовали Тиссен, представлявший магнатов тяжёлой промышленности, фон Паппен — крупнейший помещик, представлявший ингересы юнкерства, и Гугенберг — лидер немецко-национальной партии, объединявшей крупнейших плутократов и крупнейших помещиков.

Гитлеровскую банду выдвинули к власти самые крайние реакционные круги Германии. Те же господа, хозяева банков, промышленности и крупнейших поместий — круппы, боши, кирдорфы, тиссены, феглеры, паппены и др., — которые сами или их отцы направляли политику вильгельмовской Германии, призвали к власти фашистов для осуществления своих империалистических целей. Дорога для прихода фашистов к власти была подготовлена предательской политической социал-демократии, отвлекавшей рабочий класс от борьбы с фашизмом. Гитлеровцам удалось захватить власть благодаря гнусному обману масс, разоблачить который мешали прежде всего немецкие социал-демократы.

Приход фашистов к власти означал не только слабость германской плутократии внутри страны в условиях демократического режима, но и её слабость на международной арене.

Не оправдались надежды германской плутократии на получение компенсаций (возврат колоний и др.) от западных государств за антисоветскую политику. Между тем кризис крайне обострил во всём мире торговую и валютную войну, повсюду ликвидировались последние остатки свободной торговли. Завистливая и непомерно жадная германская плутократия, убедившись, что мирными средствами удовлетворить грабительские аппетиты ей не удаётся, встала на путь захватов, на путь открытых грабежей. Гитлеровская банда была подходящим орудием для осуществления империалистических целей.

Германские плутократы и помещики правильно оценили гитлеровскую партию как наиболее реваншистскую партию, как партию, которая сможет обмануть широкие массы националистически настроенной мелкой буржуазии и привлечь их к осуществлению политики захватов и грабежей.

Таким образом, гитлеровская партия, наиболее хищническая и разбойничья империалистическая партия во всём мире, была порождена германским, наиболее хищническим и раз-

бойничьим империализмом. Её подлинными хозяевами являлись и являются крупнейшие магнаты финансового капитала и помещики-крепостники. Именно они и привели эту партию к власти. Оказавшись у власти, гитлеровская партия ещё более усилила разбойничьи империалистические устремления Германии. Крайняя шовинистическая и расистская идеология этой партии, беспринципность и интересы личной наживы характерные для её главарей, исключительный авантюризм — всё это в свою очередь усиливало империалистические стремления Германии. Всё это делало похожим её политику на карточную игру, в которой шулер и авантюрист ставят на карту всё состояние и жизнь обманутых ими миллионов людей. Воспользовавшись политической властью, гитлеровцы развили до крайности, до предела все наиболее отвратительные черты германского империализма. Гитлеровцы создали террористическое государство, бандитскую армию, непревзойдённую по своей кровожадности и звериным нравам. При помощи этого государства и армии они установили грабительский рабовладельческий «новый порядок» в значительной части Европы. Гитлеровская армия и гитлеровское государство — это орудия самого зверского германского империализма.

Г Л А В А VI

ГИТЛЕРОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО И УСТАНОВЛЕННЫЕ ИМ РАБСКО-КРЕПОСТНИЧЕСКИЕ ПОРЯДКИ

Захватив власть, гитлеровская партия установила в стране террористический режим. Была отменена Веймарская конституция. Были отменены все демократические свободы — свобода слова, печати, собраний, союзов. Фашисты разгромили профессиональные и другие организации рабочих (потребительские общества, больничные кассы). Чтобы получить повод для преследования и ликвидации демократических организаций и уничтожения их лидеров, фашисты организовали целый ряд провокаций (поджог рейхстага). В гитлеровском государстве организованы специальные концентрационные лагеря, где заключены тысячи и тысячи передовых людей Германии. Фашисты учредили так называемые «народные» суды, которые приговаривают к смерти всякого подозреваемого в протесте или сопротивлении, направленном против фашистских властей. Они восстановили средневековые методы казни. Отряды штурмовиков и эсэсовцев стали основой всего этого порядка. Германское государство преврати-

лось в террористическую машину, направленную против всяких демократических свобод, в царство фашистского произвола.

Фашисты восстановили самые худшие средневековые формы закрепощения масс. После захвата власти фашисты заявили, что «революция закончена», что никакие «сомнительные эксперименты» (читай: какое бы то ни было ущемление плутократии) не будут допущены. Отвратительный мастер лжи Геббельс на одном из собраний заявил, что тот, кто придёт с фашистской программой и будет требовать её выполнения, будет считаться коммунистическим агентом.

«Дер Дейче Фольксвирт» писал в июле 1933 г., ссылаясь на выступление Гитлера на съезде имперских наместников, что выполнение стоящих перед Германией задач не будет тормозиться какими-либо «сомнительными экспериментами» и попытками вмешательства в хозяйственную жизнь. «Таким образом,—захлёбывалась от восторга газета,—будут созданы покой, ясность и свобода предпринимательской инициативы». Следовательно, фашистский «социализм» на деле означал всю полноту власти для германской плутократии, а для рабочих — отсутствие каких бы то ни было демократических свобод. С первых дней прихода к власти фашистов вся сила фашистского государственного аппарата была направлена на утверждение всевластия так называемых «естественных руководителей» хозяйства — империалистической плутократии и крепостников-помещиков.

О своём социальном «идеале» Гитлер говорил Раушнингу: «Как будет выглядеть будущий социальный строй, я вам скажу: в нём будет класс господ, состоящий из различных элементов, которые будут рекрутироваться в бою и таким образом исторически оправдывать своё назначение. В нём будет масса различных членов партии, расположенных по иерархическому принципу. Эти люди войдут в средние классы. Далее, в нём будет огромная масса анонимов, совокупность вечных слуг... Ещё ниже мы будем иметь класс побеждённых чужестранцев, тех, кого мы хладнокровно называем современными рабами. А над всем этим будет находиться новая высшая аристократия, составленная из руководящих лиц, наиболее заслуженных, которые несут наибольшую ответственность».

Следовательно, вверху — класс господ из крупнейших плутократов, банкиров, баронов-помещиков и фашистских заправил, посредине — фашистская бюрократия — молодцы с крепкими кулаками, внизу — трудящиеся, рабочие и крестьяне и ещё ниже — побеждённые иностранцы-рабы.

Все классы (за исключением, понятно, рабов) организируются по средневековому сословному признаку, причём сословия должны стереть внешние признаки классового деления общества и таким образом обеспечить безраздельное господство «аристократов крови» — финансовых магнатов и помещиков. Чтобы вызвать в немецком народе поддержку такого порядка, немцам предоставляется возможность стать мелкими рабовладельцами в отношении чужеземцев из завоеванных областей или хотя бы надсмотрщиками над рабами. Роль крупных рабовладельцев оставялась за теми, кто «исторически оправдывает своё назначение», т. е. за фашистскими авантюристами.

В интересах укрепления власти предпринимателей гитлеровское государство отдало рабочего на полный произвол предпринимателя.

Идя к власти, фашисты обещали рабочим уничтожить всевластие плутократов, но Гитлер разъяснил, что круппы, тисены, феглеры, борзиги — это люди, представляющие «высшую расу», что только «расовый отбор» сделал их могущественными людьми и отсюда, мол, им по природе, на основе естественных законов, принадлежит вся полнота власти и ответственности.

Куцые фабзавкомы, существовавшие кое-где на предприятиях, и профсоюзы стесняли «господина в его доме». Фашистский специалист по разгрому профсоюзов Лей прямо заявлял, что пора укрепить власть предпринимателя. «Сословное государство в первую очередь вернёт всю полноту руководства естественному руководителю предприятия, т. е. предпринимателю», — говорил Лей.

По закону об организации национального труда (январь 1934 г.) перестали существовать названия рабочий и работодатель. Предприниматель объявлялся «вождём» предприятия, а служащие и рабочие — его руководимыми («свитой»). По всем вопросам предприятия решение могло выноситься только «вождём». Рабочие выборные организации — профсоюзы, больничные кассы, потребительские общества — были распущены. На предприятиях создавались советы доверенных, состоящих из лиц, назначаемых фашистами. Главная цель советов доверенных заключалась в том, чтобы «углублять взаимное доверие» предпринимателя и рабочих на предприятии. По существу эти доверенные были прямой агентурой гестапо. Рабочие и служащие обязаны входить в «Трудовой фронт» — принудительную организацию, включающую как трудящихся, так и предпринимателей. Цель этой организации — «воспитывать единство национального духа»,

т. е. воспрепятствовать проявлению какого-либо недовольства гитлеровским режимом. Никакими правами рабочие в этой организации не пользуются. Все её руководители назначаются фашистскими главарями.

Гитлеровское государство закабалило народные массы и готовило вместе с тем свою экономику к войне.

Важнейшим условием подготовки к войне является обеспечение рабочей силой решающих отраслей хозяйства, вовлечение в производство новых кадров. Уничтожив все свободы, гитлеровцы ввели принудительный труд. Бóльшая часть безработных была направлена на принудительные работы — на постройку дорог и различных стратегических объектов. Для этого были созданы специальные трудовые лагеря, где установлены полутюремные порядки. Специальные лагеря трудовой повинности были организованы для молодёжи. Здесь молодёжь должна бесплатно работать, проходить обязательное военное обучение, подвергаться худшим видам казарменной муштровки. Специальным законом в мае 1934 г. (о «распределении рабочей силы»), — следовательно, ещё задолго до войны, — рабочие были лишены возможности свободно распоряжаться своей рабочей силой. Они лишались права уходить от предпринимателя по своему желанию, работавшие несколько лет в деревне не могли переходить на работу в город. В отдельных местах было запрещено селиться лицам, ищущих работы.

В дальнейшем была проведена обязательная регистрация рабочих в местных бюро труда. С 1935 по 1937 г. было выдано 22 млн. рабочих книжек. На основании декрета об обеспечении потребности хозяйства в рабочей силе для выполнения особых заданий государственно-политического значения (июнь 1938 г.) каждый германский подданный мог быть направлен на любую работу. Государство могло заставить его переменить профессию и переквалифицироваться. В 1938 г. около 1 млн. рабочих было переброшено на стратегическое строительство. В октябре 1938 г. особым законом местным органам власти было дано право привлекать на определённый срок для выполнения принудительных работ любого германского подданного.

Была введена трудовая повинность для граждан мужчин с 18 до 21 года. С января 1939 г. эта трудовая повинность была распространена и на женскую молодёжь. Ни одна женщина не могла поступить на работу, не отработав бесплатно 1—2 года в порядке трудовой повинности. В феврале 1939 г. законом об обеспечении потребности в рабочей силе особых строек, предприятий государственной важности разре-

шалось посылать граждан на работу на неограниченный срок. Таким образом, рабочий лишился той юридической свободы, которую он обычно имеет в условиях капитализма. Происходило возвращение к средневековым формам закрепощения труда на основе определённых правовых норм. Введение принудительного труда в Германии не было вызвано никакими чрезвычайными обстоятельствами: войны не было, в стране была масса безработных. Всё дело было лишь в том, что гитлеровцам в целях подготовки к войне необходимо было создать в стране военно-каторжный режим, принудить рабочих работать на любых условиях, перераспределить рабочую силу в интересах подготовки войны и снабдить дешёвой рабочей силой предприятия, принадлежащие крупной плутократии.

Мероприятия о принудительном труде были распространены и на мелких ремесленников. Лишив ремесленные предприятия сырья, рабочих, посылая ремесленников на принудительные работы, обвязав их сдавать специальные «экзамены» для «проверки квалификации» и, наконец, проведя чистку так называемых «неполноценных хозяйственных элементов», фашисты закрыли огромную часть ремесленных предприятий — по существу экспроприровали их. В результате всех этих мероприятий число ремесленных предприятий уже в 1936—1938 гг. сократилось не менее чем на 150 тыс.

В 1939 г. было намечено закрыть ещё 30—40% столярных мастерских, 25 тыс. сапожных предприятий. Причём эти меры государством официально мотивировались как устранение «недобросовестных и неспособных» сапожников. В итоге количество пролетаризированных таким образом ремесленников, направленных на фабрики и заводы ещё до войны, достигло 2 млн. Во время войны этот процесс усилился. Экспроприация ремесленников достигла наибольших размеров в 1943 г. Под флагом «тотальной мобилизации» подавляющая часть оставшихся ремесленников была экспроприрована и превращена в рабочих.

Подготовка к большой войне за господство над миром требовала значительных средств для финансирования военной промышленности и армии. В связи с этим гитлеровцы усилили нажим на трудящихся. Был выдвинут лозунг «Пушки вместо масла».

Наряду с увеличением рабочего дня был принят ряд мер по интенсификации труда и сокращению зарплаты. Была отменена существовавшая ранее сверхурочная оплата. Фашистский «уполномоченный по труду» получил право не только устанавливать предельные ставки зарплаты, но и

снижать заработную плату во всех тех случаях, когда она превышала эти пределы. Уже через год после захвата фашистами власти на основе обследования, проведённого самими же фашистскими организациями (результаты обследования были опубликованы в журнале «Виртшафт унд Статистик»), было установлено, что у 26% строительных рабочих, 27% горнорабочих, 32% лесопромышленных рабочих, 19% металлистов, свыше 50% текстильщиков и у 91% рабочих табачных фабрик ставки заработной платы не достигают уровня пособий по безработице до прихода Гитлера к власти.

Номинальная зарплата снижалась различными открытыми и скрытыми методами: прямым снижением зарплаты, разбивкой рабочих на новые категории и уменьшением надбавок, удлинением рабочего дня и официальным разрешением снижать тарифы при «тяжёлом экономическом положении» предприятия. Понятно, что состояние «экономического положения» предприятия устанавливалось фашистами в интересах предпринимателей. Значительно увеличилось количество рабочих, получающих низкую оплату.

Фашисты, идя к власти, заявляли, что создадут «государство без налогов». Но никогда налоговый гнёт в Германии не был так силен, как в условиях фашизма. Налоги и сборы за период 1932—1939 гг. увеличились почти в 3 раза.

Ещё быстрее, чем номинальная, снижалась реальная заработная плата. Это являлось как прямым следствием снижения номинальной заработной платы, так и результатом значительного роста цен, увеличения массы вычетов и ухудшения общих условий жизни рабочих. Ещё задолго до войны цены на различные продукты выросли от 25 до 77%. Вследствие роста военной промышленности сильно сократилось производство предметов потребления, выросло производство различных суррогатов. В результате приспособления всего хозяйства к военным нуждам резко пало потребление продуктов на душу населения. Выборочное обследование 2 тыс. рабочих в 1927 и 1937 гг. показало, что высокооплачиваемая прослойка рабочих потребляет в 1937 г. меньше, чем потребляли наиболее низкооплачиваемые рабочие в 1927 г.

В результате удлинения рабочего дня, значительного снижения зарплаты, общего ухудшения положения рабочих выросло количество несчастных случаев на предприятиях: за 1 тыс. застрахованных приходилось несчастных случаев в 1932 г. 33,9%, в 1934 г.— 44,1, в 1935 г.— 47,2, в 1936 г.— 50,5, в 1937 г.— 56,5%. Это же подтверждают и другие данные. Прирост количества занятых рабочих в 1936 г. по сравнению с 1932 г. составлял 38%, число же несчастных

случаев увеличилось на 85%; число только заявленных несчастных случаев возросло с 820 тыс. в 1933 г. до 1,8 млн. в 1937 г. На металлургических предприятиях Кёльнского округа число занятых рабочих увеличилось с 1934 по 1936 г. на 36%, число же несчастных случаев — на 128%. По данным фабричной инспекции, в Пруссии за этот же период количество несчастных случаев увеличилось на 49,5%, со смертельным исходом — на 30,4%, при росте числа рабочих на 19,2%.

В результате общего ухудшения условий жизни значительно выросла и заболеваемость рабочих. Количество нервных и психических заболеваний за 5 лет увеличилось в 2 раза. Ухудшение физического состояния рабочих сказалось и в том, что из общего числа призванных на военную службу в 1935—1936 гг. годных оказалось 75%, при призыве же в 1938 г. годными было признано всего лишь 55%. Понятно, что впоследствии в германскую армию призывали и годных и негодных.

Резко выросла смертность среди рабочих: по данным, охватывающим членов больничных касс в количестве 21 млн. рабочих и служащих, в 1935 г. по сравнению с 1932 г. смертность выросла почти на 32%. Так, за счёт нажима на рабочий класс, за счёт недоедания рабочих и их семей гитлеровское государство лихорадочно готовилось к войне, строило танки, самолёты, в колоссальных размерах увеличивало производство артиллерии и другого вооружения.

Гитлеровцам удалось одурачить рабочих, втянуть их в свою разбойничью политику, и в ходе войны германский рабочий сам стал орудием порабощения и угнетения иностранных рабочих.

Для сегодняшней Германии наиболее характерным является применение в огромных масштабах труда иностранных рабочих. Установление рабовладельческого порядка, широкое использование иностранцев в качестве рабов, несомненно, является целью гитлеровской политики. Проведение же её форсированными темпами вызывается огромными потерями немцев на Восточном фронте, необходимостью изымать для пополнения армии все сколько-нибудь годные людские ресурсы, оголяя при этом важнейшие предприятия. В результате в Германии не только второстепенные отрасли хозяйства, но и важнейшие военные предприятия во всё возрастающей мере должны базироваться на иностранной рабочей силе. «Франкфуртер Цейтунг» 6 февраля 1942 г. писала: «Ныне мы встречаем иностранцев повсюду: на постройках, на железных дорогах, в качестве вожатых трамваев, в ка-

честве официантов, в парикмахерских и в булочных, на крестьянских дворах и в домашнем хозяйстве. Конечно, больше всего иностранцев направляют на промышленные предприятия, важные в военном отношении...» Газета считала, что в Германии процент иностранных рабочих к общему числу работающих составляет 12. Но уже 15 сентября 1942 г. та же газета писала иное: «Недалёк уже тот момент, когда каждый четвёртый человек, занятый на той или иной работе в Германии, будет иностранцем; в сельском хозяйстве процент иностранных рабочих будет даже ещё больше...» Это было до поражения немцев зимой 1942/43 г. и до «тотальной мобилизации», когда они подчистую стали подбирать все людские резервы. Осенью 1942 г. германская печать распространяла сведения, что в Германии, считая военнопленных, занято около 6 млн. иностранных рабочих. Ряд жестоких мер по угону людей в немецко-фашистское рабство, принятых в 1942 и 1943 гг., несомненно, резко повысил число иностранных рабочих в Германии.

Число иностранцев, насильно угнанных в Германию, составляло в 1943 г. (по сообщению германского радио от 1 июля 1943 г.) уже около 12 млн.

Возможно, что эти данные несколько преувеличены. Но ясно, что процент иностранцев в отношении к германским рабочим очень велик. Уже сейчас есть в Германии военные заводы, насчитывающие среди рабочих 80% иностранцев.

Германское государство превратилось, таким образом, в подлинном смысле в рабовладельческое государство, а немецкий рабочий — в надсмотрщика над иностранцами-рабами. Это последнее обстоятельство является своеобразным средством подкупа фашистской кликой рабочих масс, оправданием в глазах масс всей системы кровавого разбоя, осуществляемого гитлеровцами в оккупированных странах.

Если тяготы войны со всей силой давят на немецких рабочих, то можно себе представить, в каких нечеловеческих условиях существования оказываются пригнанные в Германию иностранные рабочие (о их положении см. главу Гитлеровский «новый порядок»).

* * *

Средневековые формы отношений введены гитлеровцами и в деревне.

До прихода к власти фашисты вели демагогическую кампанию за ликвидацию крупного землевладения, за аннулирование всех крестьянских долгов, а после взятия власти заявили, что они не тронут ни одного крупного поместья.

Дарре, когда он ещё выполнял свои функции «крестьянского фюрера», заявил: «Я не трону ни одного поместья, каким бы крупным оно ни было, если оно в хозяйственном отношении здорово и может самостоятельно существовать. Я знаю, что это я говорю в полном согласии с рейхсканцлером. Я также не буду трогать ни одного обременённого задолженностью крупного хозяйства». Этим самым объявлялось, что огромная масса малоземельного крестьянства не может рассчитывать в какой бы то ни было мере на получение земли за счёт крупных помещиков. Земельная реформа, которую обещали фашисты, оказалась блёфом. Все мероприятия фашистского правительства в отношении крестьянства были направлены к его закрепощению, к полному подчинению его германской плутократии и помещикам. В сентябре 1933 г. был издан имперский закон о наследственных дворах. По этому закону крестьянский двор с участком земли, достаточным для пропитания семьи (впоследствии было разъяснено, что такой участок представляет собой не меньше 7,5 га и не более 125 га), является «наследственным двором», если он принадлежит лицу, которое имеет право считаться крестьянином.

Всё сельское население было разделено на две категории: на крестьян и на сельских хозяев. Крестьянином назывался лишь собственник наследственного двора, все остальные назывались сельскими хозяевами. Всякого рода иные обозначения для владельцев земельной собственности не допускались. Таким простым способом помещик «преобразовывался» в крестьянина.

По закону наследственный двор освобождался от принудительных взысканий и долгов, не мог дробиться, наследником его могло быть только одно лицо, в принципе он был неотчуждаем. Крестьянское звание имели право получать лишь лица германского или, как было указано в законе, равноценного происхождения. Лицами германского или равноценного происхождения считались те, которые не имели в числе своих предков евреев или лиц цветной расы. При этом наличие указанных признаков должно быть установлено вплоть до 1 января 1800 г. От крестьянина требовалась «добропорядочность». Официальная мотивировка закона исходила из «здорового распределения сельскохозяйственной собственности» и необходимости более равномерного распределения по всей стране большего числа жизнеспособных мелких и средних крестьянских хозяйств, что должно явиться «лучшей гарантией сохранения здоровой национальности и государственности».

Закон этот был невероятно разрекламирован фашистами

как закон, который якобы освобождает крестьян от «оков капитализма», земля, мол, «перестаёт быть товаром», объёктом спекуляции и т. д.

Что представляет собой этот закон на деле? Его действительный смысл заключался в том, чтобы всеми мерами обеспечить создание крупной кулацкой верхушки в деревне. В лучшем случае этот закон касался наиболее зажиточной части крестьянства и помещиков, ибо по закону в порядке исключения допускалось возникновение наследственного двора посредством раздела крупной земельной собственности на большей площади. Следовательно, любой помещик мог разделить свое поместье на несколько наследственных дворов. В особых случаях наследственный двор допускался размером и более 125 га, причём не найдётся ни одного крупного поместья, которое фашисты не смогли бы не «подвести» под «особый случай». Таким образом, по существу закон разрешал отнести все помещичьи хозяйства под категорию наследственных дворов и всех помещиков к категории крестьян. Оказалось, что немецкие бароны-крепостники превратились в «крестьян», ибо они, по официальному объяснению Дарре, «обрабатывают свой надел и рассматривают свою деятельность как выполнение определённой обязанности по отношению к своему народу ради народа».

Сельскими же хозяевами являлась основная масса крестьянства, нищенствующая на своих мелких наделах. «Сельские хозяева,— по разъяснению Дарре,— видят в земледельческом труде только способ денежного заработка». Таким образом, оказывается, что беднота в земле видит только денежный интерес, а крепостники-бароны — «службу народу».

Смысл этого закона заключался также и в том, чтобы высвободить значительное количество рабочей силы из крестьянских хозяйств. По закону наследовать двор мог только один человек, все же остальные сыновья или дочери крестьянина должны были искать себе заработка в качестве рабочих. Этим создавался постоянный приток из деревни в город свободных рабочих рук. Младшим сыновьям предоставлялась возможность получить землю на завоеванных чужих землях. Следовательно и у этого слоя населения гитлеровцы создавали материальную заинтересованность в войне. Следует отметить, что закон о наследственных дворах ни в коей мере не создавал каких-либо гарантий самостоятельности для крестьян, отнесённых к категории владельцев наследственных дворов.

Защита наследственного двора от продажи с самого на-

чала носила чисто фиктивный характер. Уже в самом законе указывалось, что суд может разрешить отчуждение двора.

Орудия производства, доходы, наличные деньги, домашняя обстановка, вклады в сберкассы — всё это было отчуждаемо. «Принцип неотчуждаемости» разрешал, следовательно, за долги отчуждать имущество. Можно себе представить, к чему сводится хозяйство двора, если у него отчуждено всё имущество. Понятно, что крестьянин без орудий и средств производства не может удержать землю. То, что закон прокламировал как «принцип неотчуждаемости» крестьянского двора, на деле оказалось мифом. И это тем более, что фашистской администрации предоставлено право утвердить или не утвердить крестьянина в его звании и во владении наследственным двором. Государственные органы могут лишить крестьянина права пользоваться его участком, т. е. просто его экспроприировать. Фашисты систематически устраивают чистку наследственных дворов. Они это называют «выкорчёвыванием» или «искоренением» неполноценных дворов. Закон о наследственных дворах по существу усилил власть фашистской бюрократии над землёй и крестьянином.

Всё крестьянство было закабалено законом об организации имперского сельскохозяйственного сословия. Имперское сельскохозяйственное сословие охватывает решительно всё население, связанное с сельскохозяйственным производством, деревенской торговлей и промышленностью, производящей продукты сельского хозяйства. В имперское сельскохозяйственное сословие входят и рабочие, и трудящиеся крестьяне, и кулаки, и помещики, и торговцы, и промышленники, производящие сельскохозяйственную продукцию. Во главе всего сословия стоит министр продовольствия, он же «вождь крестьянства».

Крестьянское население включается в имперское сословие совершенно автоматически. Различные крестьянские организации распускаются. Снизу доверху проводится принцип фюрерства. Трудящийся крестьянин должен работать под наблюдением главного имперского и местных фюреров. Оперативное руководство всей организацией осуществляют штаб, бюро и имперский крестьянский совет, в котором представлены высшие чиновники сельскохозяйственного сословия.

Имперское сельскохозяйственное сословие имеет целый ряд органов по регулированию рынка: бюро, которое имеет право распоряжаться всей производящейся сельскохозяйственной продукцией; главные объединения по различным отраслям сельского хозяйства, по зерновым хлебам, сахару, картофелю, молоку и т. д.; затем следуют хозяйственные объединения

отраслей промышленности, перерабатывающей продукты сельского хозяйства. Крестьянин обязан все производимые продукты сдавать по требованию государства. На каждое крестьянское хозяйство заведена подворная карточка, в которой точно отмечается всё, что производит и сдаёт крестьянин. Все ведущие сельское хозяйство под страхом конфискации имущества должны принудительно обрабатывать свою землю, им запрещено покидать свой двор.

Как отмечают сами фашистские газеты, вся продукция растениеводства считается полностью реквизируемой уже на корню. Изымается и вся животноводческая продукция. Продукты, производимые в крестьянском хозяйстве, должны сдаваться объединениям, находящимся в руках крупнейших плутократов. Эти объединения занимают центральное место во всём имперском сословии. Именно эти объединения превращены в органы, регулирующие производство и рынок сельскохозяйственных товаров. Они устанавливают твёрдые цены, по которым крестьяне сдают товары, устанавливают контингент и сдачу государству крестьянской продукции. Крестьяне находятся от них в полной зависимости. Если крестьянин не выполняет требований соответствующего объединения, то у него могут отобрать землю, наложить штраф, посадить в тюрьму. По существу учреждение имперского сельскохозяйственного сословия имело прямой целью ограбление крестьянства в пользу плутократов и помещиков и регулирование сельскохозяйственного рынка для обеспечения военных нужд.

Фашистское законодательство провело целый ряд мер, прямо направленных на экспроприацию мелких крестьянских хозяйств. Закон от 23 марта 1937 г. об обеспечении нормального ведения сельского хозяйства предусматривал принудительную опеку или продажу всех тех хозяйств, которые недостаточно точно выполняют указания имперского штаба питания. Рядом специальных инструкций и законов была предусмотрена чистка крестьянских хозяйств от так называемых недостаточно хозяйственно ценных элементов. Иначе говоря, создавалась законная форма для произвола, для проведения на основании закона массовой экспроприации мелких хозяйств. Ведь понятно, что любое мелкое хозяйство, нуждавшееся и обнищавшее, могло считаться нежизнеспособным. В начале 1941 г. местным крестьянским фюрерам было поручено обследование и пересмотр кандидатов на утверждение в качестве хозяев наследственных дворов, причём обязательным условием утверждения кандидата должно было быть надёжное имущественное положение двора.

Безусловным требованием была политическая благонадёжность кандидата в крестьяне.

Следовательно, вся крестьянская политика фашистской власти свелась к закреплению крестьянского хозяйства, к ограблению крестьянства в пользу плутократов и помещиков, к проведению экспроприации крестьянского хозяйства на основе закона. Развёртывание войны потребовало ещё большего нажима на крестьянское хозяйство, ещё большего снижения его жизненного уровня. В связи с этим непокорные объявляются «неспособными», «неблагонадёжными» и ссылаются или же сдаются в солдаты. Чем больше затягивается война, тем больше нажим на крестьянское хозяйство. «Мы должны сдать 600 килограммов пшеницы, — пишет один крестьянин в письме на фронт 13 января 1943 г., — а мы и всего-то не собрали больше. Но местный крестьянский фюрер говорит: кто не выполнит поставки, тот будет призван в первую очередь».

Судьбу крестьян решают 60 тыс. местных крестьянских фюреров. Если крестьянин не в состоянии выполнить требования, его хозяйство «передается в опеку». Это деликатное выражение для экспроприации.

В феврале 1943 г. был издан специальный закон о том, что при «бесхозяйственном ведении предприятий» крестьянские хозяйства передаются в опеку, сдаются в аренду или продаются с торгов. Экспроприруются и хозяйства убитых и призванных, если они были призваны в армию по «неспособности вести хозяйство наследственного двора».

Данные сельскохозяйственной переписи, проведённой в 1939 г., свидетельствуют о массовой экспроприации мелкого крестьянского хозяйства.

Фактическими хозяевами земли являются крупнейшие землевладельцы, у которых занято не менее 3 млн. сельскохозяйственных рабочих. Свыше половины крестьянских хозяйств вынуждено арендовать землю. В Германии 34 тыс. помещиков имеют более 15 млн. га земли, т. е. в 4 раза больше, чем 1 700 тыс. крестьянских хозяйств, владеющих всего 3,5 млн. га земли. Один процент хозяйств в Германии имеет 40% всей земли. Такие крупнейшие помещики, как Геринг, имеют 20 тыс. га, герцог Кобург-Готта — 10 тыс., граф Арним-Мускау — 26 770 га. Полукрепостное состояние немецкого крестьянина не исключает того, что он широко пользуется добром, награбленным родственниками-солдатами в оккупированных странах. Военнопленные и мирные люди, захваченные фашистами в оккупированных странах, продаются немецким крестьянам, различным хозяйчикам и служащим. Со-

ветскими людьми, угнанными в Германию, торгуют на невольничьих рынках. Унгер-офицеру Иосифу Веккерту его жена пишет: «Я тебе ещё не сообщала о получении посланных тобой 100 марок. Я тут же отдала их твоей матери, чтобы она могла купить пленных. Теперь это не так дорого».

В ноте т. Молотова перечислены те нечеловеческие мучения, которые испытывают советские люди у немецких хозяйчиков. Вот письмо, адресованное обер-ефрейтору Ламмермайеру: «Вчера днём к нам прибежала Анна Лиза Ростерт. Она была сильно озлоблена. У них в свинарнике повесилась русская девка. Наши работницы польки говорили, что фрау Ростерт всё била, ругала русскую. Она прибыла сюда в апреле и всё время ходила в слезах. Покончила с собой, вероятно, в минуту отчаяния. Мы успокаивали фрау Ростерт, можно ведь за недорогую цену приобрести новую русскую работницу»¹.

Обманом и ложью, террором и игрой на самых низменных инстинктах фашисты втянули немцев в свою гнусную бандитскую политику. Продажей русских людей немецким хозяйчикам гитлеровцы хотят добиться того, чтобы сами немцы, закрепощённые фашистским режимом, почувствовали себя «помещиками», имеющими возможность издеваться над одной или несколькими проданными им в рабство русскими женщинами.

Немецкий крестьянин, сам зависимый от крупных помещиков и торговцев, выступает в роли рабовладельца, издевающегося и угнетающего иностранцев, насильно угнанных в Германию советских людей, а немецкий рабочий, лишённый демократических прав, стал надсмотрщиком над иностранными рабами. Одураченные таким образом немецкие рабочие и крестьяне чувствуют себя связанными одними интересами с Гитлером. Только военный разгром фашистской армии, её полное поражение отрезвит этих людей.

* * *

Все мероприятия, проводимые фашистским государством: возрождение худших пережитков средневековья — введение принудительного труда, восстановление сословий, наслед-

¹ «О немецко-фашистских злодеяниях и зверствах». Ноты народного комиссара иностранных дел Союза ССР тов. В. М. Молотова, Госполитиздат, 1943, стр. 94.

ственных дворов — имеют целью скрыть и укрепить власть монополистического капитала.

Фашисты широко использовали государственную власть, для того чтобы в прямом законодательном порядке расширить и укрепить экономическую власть финансовых магнатов и помещиков.

В июле 1933 г. был издан закон об учреждении принудительных картелей, а в начале 1934 г. — закон о подготовке «органического построения германского хозяйства». Этими законами имперскому министру народного хозяйства было предоставлено право запрещать и не допускать открытия новых предприятий, расширять или суживать деятельность существующих. Имперский министр народного хозяйства мог объединять предприятия в синдикаты, картели, конвенции, расширять старые и создавать новые монополистические объединения, насильственно включать в них отдельные предприятия.

На основе этих законов всё хозяйство, за исключением сельского хозяйства, было разбито на группы и подгруппы. Во главе этих групп были поставлены крупнейшие магнаты финансового капитала. На местах были созданы должности «хозяйственных вождей», которые замещались магнатами финансового капитала.

Во главе имперской группы промышленности был поставлен Цанген, председатель наблюдательного совета концерна Маннесмана и член наблюдательных советов Немецкого банка, Рейнско-Вестфальского угольного синдиката и многих других крупных компаний. Во главе группы железодобывающей промышленности стоял вначале Пензген, о котором мы уже упоминали, как о председателе Стального треста, а затем Рехлинг — крупнейший финансовый магнат. То же было и в других отраслях. На «хозяйственные группы» промышленников возлагается ряд важных государственных функций, им часто придаются права «имперских управлений».

Наконец, различные предпринимательские организации были по ряду областей объединены в имперские «объединения», обладающие всей полнотой экономической и государственной власти в деле регулирования производства, распределения сырья и рабочей силы, установления цен, закрытия и открытия предприятий и т. д. Во главе объединения «Железо» был поставлен Рехлинг, его заместителями были назначены Крупп и Роланд (представитель Стального треста).

В результате всего этого картели и другие монополистические объединения из частных организаций превращались в государственные, но не в том смысле, что их собственность

становилась государственной, а в том, что они могли в силу закона навязать свою волю целой отрасли промышленности, распространять свою и экономическую и непосредственно политическую власть на целую отрасль хозяйства.

Устав картеля или другого объединения становился «законом, обязательным и для предпринимателей, не желающих входить в картели. Всевластие крупнейших плутократов узаконивалось, и они получили в свои руки орудие государственной власти для борьбы с конкурентами. В результате всей этой «реорганизации» «рожди хозяйства» получили непосредственную политическую власть для подчинения аутсайдеров, для подавления среднего капитала, для борьбы с конкурентами. Впрочем, это не устраняло конкуренции (да и сами фашисты не ставили себе этой задачи).

Основной целью создания принудительной организации картелей было предоставление безграничной власти плутократам. По существу же конкуренция ещё больше обостряется, поскольку в качестве орудия конкурентной борьбы выступает государственная власть. Всё дело заключается в том, кто окажется ближе к власти, кто раньше её использует для подавления противника. Так, уже в первые дни захвата гитлеровцами власти Тиссен разделался со своими конкурентами внутри Стального треста (Отто Вольфом и др.). Вольф оказался на скамье подсудимых, другие связанные с ним лица были просто устранены. Впоследствии, рассорившись с Гитлером и Герингом, Тиссен вынужден был бежать из Германии, а его предприятия захватил Геринг. Используя государственную власть для взаимной борьбы и захвата финансового могущества, главарь фашистской партии, как увидим далее, сами стали фабрикантами, банкирами, помещиками. Новые формы конкуренции, свойственные империализму, — финансовое мошенничество, прислужничество, использование государственной власти — со всей силой развились в Германии.

Фашисты произвели реформу и акционерных обществ. Внутри акционерных обществ в законодательном порядке власть закреплена за наиболее крупным капиталом. По закону, изданному в 1937 г., вся власть внутри акционерного общества принадлежит правлению и его председателю. У общего собрания акционеров были отняты все наиболее важные права. Понятно, что на общих собраниях акционеров всегда господствовали крупнейшие держатели акций (даже не имеющие большинства акций), но сейчас и формальная процедура «решения» важнейших вопросов общим собранием была отменена. Не только экономически, но и формально держатели акций были лишены права контролировать финансовые махи-

нации правления. Правление получило право без общего собрания утверждать годовой баланс, а также размеры и распределение прибыли. Общее собрание могло лишь решать вопросы изменения устава или структуры капитала общества.

Значительные затруднения были созданы для возбуждения судебных процессов со стороны акционеров против правления. Мелкие акционеры становились и по закону совершенно бесправными. Для того чтобы усилить централизацию капитала, минимум акционерного капитала для новых акционерных обществ повышался с 50 тыс. до 500 тыс. марок. Общества с акционерным капиталом от 50 тыс. до 100 тыс. марок должны были быть распущены. Таким образом, акционерные общества укрупнялись, во главе их становилось правление с всевластным председателем. Что касается самого правления, то оно назначалось наблюдательным советом, в котором сидели крупнейшие плутократы, отныне на основе закона безотчётно хозяйничавшие в акционерном обществе. Они-то и назначали и смещали состав правлений.

Закон всячески поощрял возможность слияния акционерных обществ одного с другим и с обществами, не имеющими акционерной формы. Закон облегчал всякого рода мошенничества с реорганизацией акционерных компаний. Это обстоятельство было широко использовано, тем более что компании, не действующие на основе устава акционерных обществ, не должны были в обязательном порядке публиковать свой баланс, т. е. были освобождены от забот о фальсификации балансов, обычно производимой акционерными обществами при публикации их.

В результате всех этих мероприятий и вытеснения в ходе конкурентной борьбы крупнейшими акционерными обществами мелких число акционерных обществ уменьшилось с 9 100 в 1933 г. до 5 400 в 1940 г., причём размеры общей суммы акционерного капитала, несмотря на уменьшение почти вдвое числа акционерных обществ, выросли с 20,6 млн. до 21,5 млн. марок. При общем уменьшении акционерных обществ увеличилось число наиболее крупных акционерных обществ, а капитал вырос только у акционерных обществ, обладавших капиталом свыше 5 млн. марок. Так капитал всё более концентрировался в руках наиболее крупной плутократии.

Гитлеровское правительство в ходе войны продолжало проводить мероприятия по дальнейшей концентрации экономической власти в руках небольшой кучки лиц.

В 1942 г. был создан комитет по вооружению — руководящий комитет германской военной промышленности — при министре вооружения и боеприпасов. Непосредственным по-

водом для этого была необходимость концентрации производства, закрытия ряда предприятий в связи с нехваткой сырья и рабочей силы. Комитет призван регулировать военное производство. Во главе комитета встали самые крупные плутократы Германии. В комитет вошли Цанген (председатель совета концерна Маннесмана), Пензген (Стальной трест), Феглер (председатель наблюдательного совета Стального треста), Бюхер (председатель наблюдательного совета АЭГ и ряда обществ, связанных с Круппом), Рехлинг (владелец концерна в Сааре), Ренерт (один из руководителей концерна Геринга) и др.

Это те самые люди, которые загибают огромные прибыли на поставках боеприпасов и вооружений гитлеровской армии, фактические хозяева гитлеровской Германии.

Гитлеровское государство принимало все меры к тому, чтобы огромные суммы денег перепали руководящей верхушке фашистской партии, чтобы главари этой партии оказались хозяевами огромнейших концернов, бесчисленного количества предприятий.

Так было, например, со Стальным трестом, большинство акций которого накануне прихода к власти фашистов было перепродано по спекулятивной цене государству. Государство оказалось владельцем треста. Но немедленно же после прихода к власти Гитлера был проведён целый ряд мероприятий, в результате которых Стальной трест оказался собственностью Тиссена, а затем после бегства Тиссена его пакет акций был захвачен фашистскими заправилками — Герингом и компанией.

Совершенно понятно, что все демагогические лозунги фашистов против крупного капитала были лживыми. Лживыми и демагогическими были лозунги, выдвинутые фашистами и против универсальных магазинов. Фашисты говорили, что универсальные магазины — это еврейская выдумка, их надо закрыть, чтобы дать свободу мелким торговцам. Придя к власти и разрешив толпе выбить стёкла в нескольких универсальных магазинах, фашисты вскоре запретили всякое вмешательство в дела универсальных магазинов, а последние получили поддержку из государственной казны. Универсальные магазины, таким образом, совершенно не пострадали, между тем как мелкая торговля по закону об охране розничной торговли, изданному в 1933 г., была подчинена строгим постановлениям против «ростовщичества», «недобросовестной конкуренции» и т. д. Сюда относились все так называемые преступления торговцев против бесчисленных правил регулирования рынка или других законов, изданных в пользу

крупного капитала. Запрещение открытия новых торговых предприятий не распространялось на крупные предприятия, универсальные магазины и их филиалы.

Такой же демагогический характер носил лозунг «Долой процентное рабство», направленный якобы против ростовщического капитала. Смысл этого лозунга заключался в том, чтобы пообещать что-либо крестьянам, ремесленникам и мелким торговцам, имевшим огромную задолженность.

После же захвата власти фашистами представитель фашистского банка говорил: «Ссудный капитал несобходим, и оплата процентов необходима». Вместо лозунга «Долой процентное рабство» фашистские газеты запестрели лозунгом: «Если не хотите платить процентов, не одалживайте денег».

Что касается кампании, которая велась против еврейского капитала, то смысл её вообще был вполне раскрыт. Антисемитизм дал фашистским главарям около 10 млрд. марок. Наряду с торговыми предприятиями, принадлежавшими еврейскому капиталу, были захвачены крупнейшие промышленные предприятия, например, Зульский оружейный завод и др. С 1933 до конца 1937 г. были ликвидированы банки, принадлежавшие евреям, причём ликвидацию этих банков проводил лично банкир Гитлера Финк («истинно арийская фирма»).

Фашисты отвлекали внимание немецкого рабочего антисемитскими лозунгами, громили еврейскую бедноту и под видом «борьбы с еврейской плутократией» присваивали для своей банды огромные капиталы.

Мероприятия, направленные на укрепление всевластия плутократии, значительное усиление эксплуатации рабочего класса и крестьянства сказались в огромном росте прибылей крупнейших монополистических объединений.

В мае 1934 г. в демагогических целях был издан закон против взвинчивания цен. Но в нём не было прямого запрета увеличения цен. Увеличение цен ставилось лишь под контроль государства, но и этот закон не выполнялся. В результате всевластия картелей цены на целый ряд продуктов в промышленности стали быстро повышаться. Так, при цене за 100 л искусственного бензина в Америке, Англии и Франции от 3,5 до 4,5 марки цены в Германии были установлены в размере 26,8 марки.

Повышение цен не могло не давать огромнейших сверхприбылей соответствующим монополистическим организациям. Эти сверхприбыли увеличивались беспрестанно за счёт роста вооружений, за счёт ограбления масс, за счёт грабежа оккупированных стран.

Германские органы печати не раз отмечали этот рост при-

были. Так, в 1935 г. Ф. Вольфом была опубликована статья, в которой указывалось, что прибыль 12 крупнейших предприятий с общей суммой акционерного капитала около 200 млн. марок, составлявшая в 1932/33 г. 2,8 млн. марок, в 1933/34 г. уже составила 13,8 млн. марок.

Следует отметить, что крупнейшие предприятия скрывают свои действительные прибыли, заведомо показывая меньший их рост. Так, по официальным данным, по группе предприятий, в которых прибыль составляла в 1932—1933 гг. 2,7%, в 1937—1938 гг. она составила уже 5,9%, причём полностью были ликвидированы убытки за период 1929—1933 гг. и средний дивиденд вырос с 2,8 до 5,6%. По более крупным акционерным обществам средний дивиденд в декабре 1932 г. равнялся 2,8%, а в декабре 1940 г. — 6,6%.

В марте 1941 г. из 456 акций, которые котировались на Берлинской бирже, дивиденды выше 6% выплачивались по 213 акциям, по 96 акциям выплачивался дивиденд свыше 6%, по 29 акциям — 10, по 16 — 12, по 11 — свыше 12%.

В 1934 г. был издан закон, по которому дивиденды, превышавшие 6% (и в некоторых случаях 8%), должны были не выплачиваться акционерам, а вкладываться в госзаймы, причём ограничение касалось не прибылей вообще, а лишь той суммы, которая выплачивалась акционерам наличными. Этот закон в 1937 г. был продлён ещё на три года, а затем, в конце 1940 г., срок его действия истёк, и он не был возобновлён. Само собой разумеется, что и этот закон относится к разряду тех демагогических законов, которые в жизнь не проводились, а существовали лишь для обмана масс. Наличие такого закона привело к тому, что резко усилилось и ранее имевшее место сокрытие крупнейшими предприятиями огромных прибылей.

Даже немецкая пресса вынуждена была признать, что сокрытие прибылей в резервных фондах стало всеобщим явлением. Так, например, по официальным данным, чистая прибыль германского Стального треста выросла с 8,6 млн. марок в 1933 г. до 27,6 млн. в 1940 г. В то же время было списано за счёт прибылей в различные фонды вместо 46 млн. марок в 1933 г. 161 млн. в 1940 г.

Крупн имел в 1934 г. по балансу чистую прибыль 6,7 млн. марок, в 1939 г. — 22,7 млн., но его списания со счёта прибылей в фонды возросли с 20,5 млн. марок в 1933 г. до 69 млн. в 1940 г.

Трубный концерн Маннесмана увеличил свою чистую прибыль с 2,1 млн. марок в 1933 г. до 10,7 млн. в 1940 г., при росте списаний с 8,1 млн. марок до 24,2.

Дрезденский банк, отчислив огромные суммы в резервные капиталы, показал свою чистую прибыль в 1940 г. в 9 млн. марок против 1,6 млн. марок в 1934 г. Фарбениндустри показывает чистую прибыль в 1939 г. в 56,1 млн. марок против 47 млн. марок 1932 г. В то же время списания у этой фирмы со счёта прибылей в специальные фонды выросли с 56 млн. марок до 173 млн. марок.

Вся эта история с сокрытием прибылей посредством списаний в различные фонды была настолько прозрачна, что фашистская газета «Франкфуртер Цейтунг» прямо высказала опасение, «не перегнули ли палку предприятия в накоплении резервов», т. е. в сокрытии прибылей.

Итак, лозунг «конфискация военных прибылей», фигурировавший в фашистской программе, также оказался демагогией, рассчитанной для одурачивания масс.

Огромные накопления прибылей в свою очередь чрезвычайно содействовали усилению концентрации и централизации капитала в Германии.

Фашистские главари широко использовали государственную власть, для того чтобы со сказочной быстротой превратиться в крупнейших финансовых магнатов. Геринг захватил целый ряд крупнейших предприятий, создал огромное монополистическое объединение, охватывающее десятки металлургических, машиностроительных и военных заводов, угольных шахт, железных рудников и т. д. В начале 1941 г. на этих предприятиях было занято до 600 тыс. рабочих. Он захватил промышленность оккупированных стран (см. главу VIII). Геринг держал в бразильских банках капиталы в размере 1 250 тыс. долл. 750 тыс. долл. им вложено только в одну Пенсильванскую железную дорогу. Гитлер прикарманил все издательства Германии, доходы и прибыли которых составляют главным образом от принудительного распространения зловонной фашистской литературы.

По данным американского журнала «Фрайдей», Геббельс держал в банках Буэнос-Айреса капитал в 1 850 тыс. долл. и в других банках Южной Америки 635 тыс. долл. Его агент Квант участвовал в 30 крупнейших организациях. Лей в течение шести месяцев войны переводил в банки Южной Америки по 50—60 тыс. долл. ежемесячно. Небезызвестный Гесс держал в банках Бразилии 475 тыс. долл. и около 1 млн. долл. в Швейцарском банке в Базеле. Начальник фашистской охраны Гиммлер держал 2 млн. долл. в банках Южной Америки и, кроме того, массу ценных бумаг. Риббентропом закуплено ценных бумаг не менее чем на 3 млн. долл.

Фашистские воротилы, ограбив народ, сами превратились

в крупнейших финансовых магнатов. Во всей своей деятельности они руководствуются интересами своего личного обогащения.

Мы видели, что количество людей, фактически державших в своих руках экономическую власть в Германии, составляло до первой мировой войны 300 человек, в послевоенные годы число их сократилось до 100 человек, с приходом же к власти гитлеровцев их количество уменьшилось до 30—40 человек. Гитлеровская партия представляет собой цепного пса этой кучки германских банкиров, плутократов и помещиков. Это подтверждено всей деятельностью фашистов, всем опытом войны.

«Только обманщики могут утверждать, что немецкие фашисты, установившие рабский труд на заводах и фабриках и восстановившие крепостнические порядки в сёлах Германии и покорённых стран, — являются защитниками рабочих и крестьян»¹.

Таким образом, можно отметить следующие характерные черты порядков, установленных в гитлеровской Германии:

1. В интересах укрепления и расширения всевластия финансового капитала, в интересах крепостников-помещиков — лишение трудящихся всех демократических прав, восстановление средневековых форм отношений, насильственная экспроприация средних слоёв (ремесленников и мелких торговцев), введение рабовладельческих методов эксплуатации — превращение иностранных трудящихся, насильно загнанных в Германию, в рабов.

2. Применение насильственных мер для концентрации богатств и экономической власти в руках небольшой группы плутократов, крупнейших помещиков и верхушки гитлеровской партии.

Проведение государственных мероприятий по усилению монополизации хозяйства, значительное развитие государственно-монополистического капитализма в интересах ведения захватнических войн, всё большего ограбления масс и небывалого усиления всевластия финансовой олигархии.

Важнейшим орудием плутократии в установлении такого рода порядков является гитлеровское государство — открытая террористическая диктатура наиболее реакционных кругов финансового капитала, уничтожившая какие бы то ни было демократические свободы.

¹ Сталин, О Великой отечественной войне Советского Союза, изд. 3-е, стр. 48.

ГИТЛЕРОВСКИЕ ПЛАНЫ ЗАВОЕВАНИЯ МИРОВОГО ГОСПОДСТВА И ГИТЛЕРОВСКАЯ АРМИЯ

Представляя самые крайние, самые реакционные империалистические круги, гитлеровцы поставили своей задачей осуществление господства германских фашистов над миром.

Гитлер в своей людоедской библии «Моя борьба» писал: «Германия либо будет мировой державой, либо этой страны не будет вовсе».

«Вышестоящий человек,— говорил Гитлер,— завоёвывает и подчиняет себе мир в таком объёме, что он становится единственным господином земли». «Только германский народ будет народом воинов; остальные нации будут илотами, работающими на касту тевтонских воинов...».

В бредовой гитлеровской затее завоевания господства над миром «натиск на Восток» («Дранг нах Остен») занял весьма важное место. В вышеупомянутой книжонке «Моя борьба» Гитлер провозгласил, что он свой победный путь начинает с завоевания Востока, т. е. там, где остановились германские рыцари шестьсот лет тому назад. Захват Чехословакии был первым этапом в осуществлении авантюристических планов движения на Восток, завоевания Украины, Кавказа, продвижения к Афинам, Суэцу, Ирану, Ираку.

Таким образом, целью внешней политики гитлеровского государства стало завоевание Германией всего мира.

Форсированное осуществление этих внешнеполитических целей вызывалось в значительной мере и соображениями внутренней политики. Введение рабско-крепостнических порядков внутри Германии, режим подавления и ограбления народа должны были найти поддержку в такой внешней политике, которая могла бы отвлечь внимание масс от внутренних дел и увлечь их перспективой небывалого обогащения от грабежа других народов и стран. Обещание поднять каждого немца на недостижимую для других наций высоту благосостояния за счёт завоёванного «жизненного пространства» было средством привлечения масс к активному участию в осуществлении гитлеровских разбойничьих планов.

Гитлеровцы заранее разработали программу ограбления захватываемых территорий. Основные богатства оккупированных немцами стран (фабрики, земли и т. д.) должны были достаться крупнейшим финансовым магнатам Германии, а мелкое имущество населения предоставляется слугам «высшей расы» как плата за преданность Гитлеру и компании.

Наконец, существеннейшая часть внешнеполитической про-

граммы заключалась в превращении в рабов покорённых народов, истребление славянских народов.

Введение рабства должно было возвысить класс «немецких господ», а, с другой стороны, продажа рабств различным немецким хозяйчикам должна была убедить рядовых немцев в превосходстве немецкой расы и сделать этих хозяйчиков преданными соучастниками затеянного гитлеровцами мирового разбоя и грабежа.

Гитлеровцы прекрасно понимали, что свободолюбивые народы не захотят терять свою независимость и подпасть под пяту немецких грабителей, поэтому они наметили программу уничтожения, физического истребления народов. План истребления народов был одной из частей широкого плана борьбы за мировое господство. Гитлер говорил Раушнингу: «Нужно уничтожить 20 миллионов человек. Начиная с настоящего времени это будет одна из основных задач германской политики, задач, рассчитанных на длительный срок... В прошлое время за победителями признавали полное право истреблять племена и целые народы». И в другом случае Гитлер повторяет: «Если мы хотим создать нашу великую германскую империю, мы должны прежде всего вытеснить и истребить славянские народы — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белоруссов. Нет никаких причин не сделать этого».

Прямое истребление целых народов, и в первую очередь славянских, уничтожение исторического культурного наследия и всяких следов государственности независимых народов — одно из основных средств осуществления германского господства над миром.

Гитлеризм всегда отличался своей бешеной ненавистью к СССР, стране демократических свобод, стране социализма. Поэтому существеннейшим пунктом гитлеровской бредовой идеи мирового господства являлось завоевание огромных пространств СССР, захват и ограбление богатейших районов страны, истребление советских людей.

В своей внешней политике гитлеровский империализм, таким образом, поставил себе следующие цели: Германия должна вести борьбу за господство над всем миром, причём действительная власть над миром должна принадлежать «высшей расе» господ — германским плутократам, банкирам, баронам-крепостникам. Для осуществления этой цели необходимо всеми мерами и способами ограбить население захватываемых районов.

Гитлеровские заправила задалась целью захватить землю и передать её немецким баронам и помещикам; захватить промышленность и сырьевые богатства и передать их немецким

банкирам и плутократам; ввести рабский труд в подлинном значении этого слова, превратить население захваченных областей в рабов для помещиков, в фабричных рабов германских плутократов.

Всех неподчиняющихся, по планам гитлеровских разбойников, необходимо беспощадно уничтожать, а в целях запугивания и предупреждения сопротивления устанавливаемым порядкам замучить самым зверским образом, истребить целые народы, поселив на их месте немецких колонистов.

Гитлеровские варвары задались целью лишить население захваченных территорий всего культурного наследия, взорвать и сжечь всё, что является продуктом культурного развития этих народов, уничтожить их государственность, а население содержать на положении бессловесного скота, которым торгуют германские рабовладельцы.

Каждая захваченная территория рассматривается гитлеровцами как экономическая и военная база для дальнейших захватов чужих стран.

Эти замыслы гитлеровского империализма подтверждаются всем опытом войны, подтверждаются всей разбойничьей практикой гитлеровцев, подтверждаются многочисленными документами, изданными самими гитлеровцами, документами, появившимися в руки советских властей.

Эти цели гитлеровского империализма выражают его исключительную агрессивность, его непревзойдённый ниже разбойничий и хищнический характер. Все устремления германского империализма гитлеровцы довели до крайности, до предела.

Для осуществления своих грабительских планов гитлеровское государство должно было создать армию, способную на самый чудовищный разбой и грабёж, армию, способную не только беспрекословно выполнять приказы об истреблении чужих народов, но и убеждённую в необходимости делать это якобы ради интересов Германии. Иначе говоря, гитлеровцы должны были создать армию, которая являлась бы слепым орудием в руках немецких плутократов, банкиров, помещиков-крепостников. Для того чтобы немецкий народ мог выделить из своей среды такую армию, надо было идеологически развратить его и создать целую систему воспитания людей-зверей. Этой цели прежде всего и служила «расовая теория», «теория» о биологическом превосходстве немцев над всеми другими народами мира, о «чистоте» немецкой крови. Теория эта так же далека от науки, как небо от земли, говорил товарищ Сталин. Только фальсификацией истории, только полным отрицанием действительных фактов можно

принизить роль других народов. Русский народ, давший миру величайших светочей культуры — государственных деятелей, писателей, учёных, музыкантов, художников, — по фашистским писаниям считается неполноценным народом!

«Теория» расового превосходства — это старая сказка империалистов, желавших подчинить и поработить другие народы. Гитлеровцы лишь подхватили и раздули её до гигантских размеров, сделали её основой зоологической человеконенавистнической политики внутри страны и вовне. Среднему немцу, воспитанному в духе «Дейчланд, Дейчланд юбер аллес», эта теория льстила и сулила приятные перспективы от покорения неполноценных рас «недочеловеков».

Целям воспитания народа в духе захватов и грабежей служила и другая «наука» — геополитика. Она была придумана немцефилом шведом Челленом в 1917—1920 гг. Немецкий генерал Гаусгофер «развил» её и преподнёс Гитлеру как последнее слово «науки». В чём её действительная сущность, видно из основных положений, сводящихся к следующему: устремления сильных государств к захвату соседних земель «естественно обусловлены». Сильные государства «тяготеют» к морям, а если у них есть морское побережье, то к захвату противоположного берега моря. Сильные государства «тяготеют» «естественно» к захвату речных бассейнов как к фактору сохранения жизни и т. д.

«Комментарии» к такой «науке» не нужны — её суть ясна. Практически на основании геополитики немцы требовали, чтобы «крупные почвовладельцы» США, Англии, СССР уступили им «жизненное пространство». Немцы, мол, нация «без жизненного пространства». В огромном количестве экземпляров издавались в Германии карты, где в «жизненное пространство» Германии была включена значительная часть СССР и других стран. Все агрессивные страны объявлялись геополитиками «державами обновления», ведущими борьбу против «держав застоя». Иначе говоря, геополитика — это открытый и откровенный призыв к разбойничьей борьбе за передел мира. Так просвещался, так годами воспитывался немецкий народ, так готовилась армия, исключительная по агрессивности своей идеологии. Целям создания такой бандитской армии и была подчинена вообще вся система воспитания в гитлеровском государстве. «Мы вырастим молодёжь, перед которой содрогнётся мир, — говорил Гитлер, — молодёжь резкую, требовательную и жестокую. Я так хочу. Я хочу, чтобы она походила... на молодых диких зверей». (Раушинг, Гитлер мне говорил.) «В условиях полного расового вырождения, — писал «Национал-социалистский ежемесячник», — школьный класс дол-

жен быть передан фельдфебелю, и насыщенный гуманностью школьный работник должен отступить на задний план».

Из такого поколения, воспитанного фельдфебелями, или, как выразился фашист Крик, поколения, сформированного не воспитателем, а «путём издавна применяемой в животноводстве дрессировки», и была создана гитлеровская армия.

Гитлеровская армия была создана отнюдь не для того, чтобы сберечь целостность и независимость Германии. Ни Норвегия, ни Дания, ни Бельгия, ни СССР, ни другие свободолюбивые страны не покушались на независимость Германии. Гитлеровская армия создана только для разбоя и грабежа ради обогащения немецких банкиров и плутократов, ради обогащения немецких баронов. Это назначение немецкой армии подтверждается, как показал товарищ Сталин, всем ходом войны.

Гитлеровцы использовали самые отвратительные традиции прусской армии, использовали все традиции псов-рыцарей, чтобы развить и культивировать в своём солдате черты жестокости и кровожадности. Характерный для гитлеровской армии бандитский облик был просто необходим, чтобы осуществить всю систему ограбления и порабощения мира.

Может возникнуть вопрос, каким образом фашистам удалось втянуть народные массы Германии в русло своей политики, каким образом немецкий рабочий, крестьянин, интеллигент, одетые в форму солдата, послушно пошли за гитлеровцами по пути грабежа и разбоя? Объясняется это следующими обстоятельствами.

Гитлеровцы, придя к власти, обезглавили всё демократическое движение в стране. Его лучшие элементы они заключили в концентрационные лагеря или просто казнили. Монополия на живое слово, на печать, на собрания, на организацию масс была захвачена гитлеровцами. Они создали ряд массовых политических, спортивных и иных организаций, захватили все газеты, все издательства и т. д. В стране был установлен жесточайший террор против всех инакомыслящих, против каждого, кто осмелится критиковать гитлеровскую власть.

Далее, гитлеровцы раздули до невероятных размеров бредовую идею расового превосходства немецкой нации, идею, к которой в известной мере массы были подготовлены долготейшей националистической и шовинистической пропагандой, которую вели различные германские политические группы, начиная от националистов и кончая социал-демократией. Пользуясь расовой теорией, они убеждали германский народ

в правомерности завоеваний, ограбления и уничтожения других народов.

Наконец, огромную роль в поддержке массами гитлеровской практики разбоя и грабежа сыграла широко применяемая гитлеровцами система самого разнузданного подкупа, предоставление своим верным слугам из фашистской партии мест в фашистском аппарате, выдвижение известной части слуг в «средние классы», предоставление этим преданным фашистским псам права грабить, насиловать, мучить людей. «Опираясь на всякий сброд, политический гений строит блеск своего господства... Мне нужны люди с крепким кулаком, которых не останавливают принципы, когда надо укокошить кого-нибудь. И если они сопрут при случае часы или драгоценности — плéвать мне на это», — так заявляет Гитлер. Гитлер предоставил самые широкие льготы членам различных фашистских организаций. Развернув подготовку к войне, невиданно раздув военную промышленность и военное строительство, гитлеровцы вовлекли в производство безработных. При этом, как мы указывали, жизненный уровень значительной части работающих стал ниже жизненного уровня живших за счёт пособий по безработице. Во всяком случае увеличившееся количество занятых рабочих в связи с переводом экономики на военные рельсы позволило гитлеровцам спекулировать на «ликвидации безработицы», привлечь на свою сторону известные круги рабочих, ремесленников.

С развёртыванием войны расширялась система и формы разложения и подкупа рабочих, крестьян и городской мелкой буржуазии.

Гитлеровцы указывали массам на войну, как на источник всевозможного грабежа. «Воюйте и грабьте» — вот был их лозунг.

Организуя массовую отправку в Германию посылок с награбленным в оккупированных странах имуществом, гитлеровцы делали массы соучастниками грабежа. Именно грабёж других стран создавал для гитлеровцев широкие возможности для подкупа масс.

Шовинистическая пропаганда, различные несбыточные обещания, разгром еврейских лавчонок и т. д. — всё это было пущено гитлеровцами в ход, чтобы увлечь за собой широкие слои средних классов. Положение рабочего класса Германии во время войны в продовольственном отношении и в отношении интенсификации труда и всех бытовых условий резко ухудшилось. Но гитлеровцы и это обстоятельство используют в своих целях. Они говорят рабочим, что ухудше-

ние положения рабочего класса является результатом недостаточного «жизненного пространства» для Германии, что положение рабочих станет ещё хуже, если Германия не расширит свою территорию, не сможет грабить чужие страны. Захватом и грабежом других стран пытаются гитлеровцы укрепить своё положение внутри страны и поддержать установленные ими крепостнические порядки.

Гитлер, выступая перед рабочими, не раз обещал после победоносной войны сделать немецких рабочих рабочей аристократией всего мира. Противопоставить своих «вечных слуг» побеждённым чужестранцам, которые должны находиться в самом низу социальной лестницы, сделать немцев надсмотрщиками, экзекуторами, палачами в отношении побеждённых наций — все эти меры рассчитаны на то, чтобы привязать немцев к гитлеровскому режиму.

Немецкий крестьянин закрепощён за землёй и уйти с земли может только в тюрьму или по принудительному призыву в армию. Но это не исключает того, что полукрепостные крестьяне имеют и своих рабов из числа военнопленных. Таким образом, подкупая крестьян, гитлеровцы заинтересовывают их в войне.

Лицо гитлеровской армии лишь отражает характерные черты гитлеровского империализма, его программы. Опыт войны свидетельствует о том, что гитлеровцам удалось создать армию по задуманному ими образцу. Немецко-фашистская армия одичала.

«Большинство убийств,— говорится в ноте т. Молотова от 27 апреля 1942 г.,— производится оккупантами по поводам, не предусмотренным ни в каких приказах, а чаще всего с целью устрашения или прямого уничтожения советских людей, с целью удовлетворения непонятной цивилизованному человеку кровожадности, которая воспитывается и поощряется гитлеровцами в германской армии».

Хладнокровно, с тупым упорством истребляют гитлеровские людоеды мирных советских людей.

По опубликованным данным Чрезвычайной Государственной Комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков установлено, что только в обследованных пунктах города Смоленска и окрестностей имеется 135 000 трупов советских граждан, умерщвлённых и погибших во время немецкой оккупации. Только в лагере № 126 немцы истребили свыше 60 тысяч советских граждан и военнопленных. В километре от города Сталино было замучено и расстреляно десятки тысяч мирных советских граждан, сброшенных в ствол Калиновской шахты 4—4Бис. На террито-

рии клуба имени Ленина в городе Сталино похоронено 25 тысяч истреблённых советских граждан. В одном только рву у города Минеральные Воды находится не менее 6 300 зверски расстрелянных людей. Таких фактов масса. Десятки тысяч людей были расстреляны в Киеве, Харькове, Минске и других городах. Сколько погибло их в деревнях и мелких населённых пунктах, где гитлеровцы сжигали сотни людей живыми!

Особо чудовищный характер носят зверства немцев в отношении ни в чём не повинных детей. В ноте т. Молотова от 6 января 1942 г. приводились следующие факты:

«В деревне Белый раст Краснополянского района группа пьяных немецких солдат поставила на крыльце одного дома в качестве мишени 12-летнего Володю Ткачёва и открыла по нему стрельбу из автоматов. Мальчик был весь изрешечён пулями. После этого бандиты открыли беспорядочную стрельбу по окнам домов. Шедшую по улице колхозницу И. Мосолову с тремя своими детьми они остановили и тут же расстреляли вместе с детьми. В селе Воскресенское Дубининского района гитлеровцы использовали в качестве мишени трёхлетнего мальчика и по нему производили при-стрелку пулемётов.

В районном центре Волово, Курской области, в котором немцы находились четыре часа, немецкий офицер ударил головой о стену и убил двухлетнего сына Бойковой за то, что ребёнок плакал. В Злобинском сельсовете Орловской области фашисты убили двухлетнего ребёнка колхозников Кратовых за то, что он мешал им спать своим плачем».

У всех в памяти зверства немцев в Краснодаре, Ставрополе и других местах, зияявленные Чрезвычайной комиссией и подтверждённые на судебном процессе в Краснодаре. Немцы изобрели особые автомашины-«душегубки», где углекислым газом душили стариков и детей, больных и здоровых людей. Кто может забыть описания ужасных, душераздирающих сцен, когда немцы бросали в «душегубку» детей, находившихся в больницах и санаториях.

Сколько крови гитлеровских мерзавцев нужно пролить, чтобы искупить эти страдания наших братьев и сестёр, наших матерей и детей!

Исключительны зверства немцев в отношении советских военнопленных. Та же комиссия обнаружила в бывшем лагере военнопленных во рву 3 тыс. трупов красноармейцев со следами ужасных истязаний.

Неся поражения, оставляя под натиском Красной Армии города и сёла, гитлеровские разбойники вымещают свою

злобу на ни в чём не повинных людях. Имеются многочисленные факты массового умерщвления мирных советских граждан немцами при отступлении их армии.

Все эти зверства не случайны. Они прямое следствие разбойничьих целей германского империализма, они прямое следствие того назначения, которое получила со дня своего основания гитлеровская армия.

Стремясь покорить весь мир, гитлеровский империализм встал на путь устрашения всех свободолюбивых народов, уничтожения их культуры и их истребления. Зверства гитлеровцев — это осуществление определённой программы. За них должны ответить и исполнители и составители кровавых программ.

В докладе товарища Сталина от 6 ноября 1941 г. приводились следующие выдержки из программных указаний и приказов германских людоедов:

«Человек, говорит Гитлер, грешен от рождения, управлять им можно только с помощью силы. В обращении с ним позволительны любые методы. Когда этого требует политика, надо лгать, предавать и даже убивать».

«Убивайте, говорит Геринг, каждого, кто против нас, убивайте, убивайте, не вы несёте ответственность за это, а я, поэтому убивайте!»

«Я освобождаю человека, говорит Гитлер, от унижающей химеры, которая называется совестью. Совесть, как и образование, калечит человека. У меня то преимущество, что меня не удерживают никакие соображения теоретического или морального порядка».

В одном из приказов немецкого командования от 25 сентября 489 пехотному полку, взятом у убитого немецкого унтер-офицера, говорится:

«Я приказываю открыть огонь по каждому русскому, как только он появится на расстоянии 600 метров. Русский должен знать, что он имеет против себя решительного врага, от которого он не может ждать никакого снисхождения».

В одном из обращений немецкого командования к солдатам, найденном у убитого лейтенанта Густава Цигеля, уроженца Франкфурта на Майне, говорится:

«У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик — убивай, этим ты спасёшь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки».

Товарищ Сталин, приводя эти высказывания и приказы немецких бандитов, говорит:

«Вот вам программа и указания лидеров гитлеровской партии и гитлеровского командования, программа и указания людей, потерявших человеческий облик и павших до уровня диких зверей»¹.

Армия, предназначенная для осуществления программы гитлеризма, — это армия врагов культуры, армия средневекового мракобесия, армия, павшая до уровня диких зверей. Поскольку в гитлеровской армии разрешены и поощряются бандитизм, грабежи, насилия, зверства, эта армия считает себя обязанной гитлеровской власти, считает себя связанной соучастием с властью в одних и тех же тёмных делах. Гитлеровцы выпестовали армию кровожадных зверей, и они должны этим зверям давать кровавую пищу. Гитлеровская армия порождена гитлеровским империализмом, и она не может быть ничем иным, как орудием этого империализма.

Г Л А В А VIII

ГИТЛЕРОВСКИЙ «НОВЫЙ ПОРЯДОК»

Цели, «идеалы» гитлеровского империализма находят наиболее яркое проявление в устанавливаемом гитлеровцами «новом порядке» на временно захваченных территориях. Гитлеровцы пытаются навязать этот «новый порядок» всей Европе, всему миру. Они призывают малые государства и нейтральные страны добровольно присоединиться к этому «новому порядку», занять в нём своё место. Опыт войны полностью вскрыл суть этого «нового порядка». Сейчас всему миру ясно, что суть «нового порядка» заключается в том, что, во-первых, на захваченных территориях немецкие оккупанты установили террористический режим, истребили миллионы мирных людей, лишили население самых элементарных демократических свобод, лишили народы права распоряжаться своей судьбой, иметь свою государственность, свою культуру; во-вторых, немецкие оккупанты пытаются превратить захваченные страны и районы в свои колонии, ограбили народы, отняли их достояние, их промышленность, их земли, их продовольствие и сырьё, их транспорт; в-третьих, превратили население в рабов и миллионы людей угнали в Германию в немецко-фашистское рабство.

Гитлеровцы превратили Европу в тюрьму народов, гово-

¹ Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 3-е, стр. 27.

рит товарищ Сталин. Вот это и есть тот пресловутый «новый порядок», который обещают гитлеровцы всем народам мира.

Приведём некоторые данные об ограблении гитлеровцами захваченных стран и установлении там рабовладельческих порядков.

Гитлеровские мерзавцы захватывают землю, лишая крестьянство его важнейших средств производства. В изданной германским верховным командованием «Памятке для ведения хозяйства в завоёванных восточных районах» говорится: «Завоёванные восточные области являются германской хозяйственной территорией. Земля, весь живой и мёртвый инвентарь... являются собственностью германского государства». В приказах германского командования не раз говорилось, что вся земля колхозов и колхозное имущество переходят в собственность германского государства. Немецкие оккупанты захватывают землю и сажают на ней немецких баронов-помещиков.

Присвоение немцами земли — это общее явление и для других оккупированных стран. По данным польского информационного бюллетеня, издаваемого в Нью-Йорке, из 3 900 тыс. га пахотной земли в Познани немцы успели присвоить себе за первый год оккупации 3 116 тыс. га.

Одной из главных задач немецкой завоевательной политики является захват промышленности и сырьевых ресурсов. В СССР, как это следует из обнаруженной нашими войсками «Зелёной папки» Геринга, немцы ставили себе целью захват продовольственных и нефтяных ресурсов, а также захват промышленности для прямого обслуживания германской экономики. Но, как известно, гитлеровские захватчики не смогли в нашей стране получить нефть. Они не смогли захватить и важнейшие предприятия промышленности, своевременно эвакуированные в глубь страны. Они не смогли получить и сколько-нибудь значительные сырьевые ресурсы. В других странах немцам удалось захватить промышленные предприятия, которые сразу же присвоили себе плутократы и банкиры Германии. В Польше, например, богатейшие рудоносные земли были захвачены германскими промышленниками и помещиками. Огромнейшие поместья «Визек Копальне» были захвачены тремя лицами: Шафтгот получил 50%, Баллестрем — 30 и Доннерсмарк — 20%. Родовое состояние каждого из них составляет более 100 млн. марок.

В зависимости от конкретных условий германские империалисты либо прямо конфисковали промышленные предприятия в свою пользу, в пользу крупнейших германских концернов, либо облакали эту операцию в более «дели-

катные» формы — захвата акций промышленности и банков. Методы овладения акциями разнообразны, но всюду так или иначе они были связаны с применением грубого насилия. Обычно немецкие плутократы либо заставляли силой уступить им часть акций, либо требовали продать им акции за бесценок. Иногда применялись и такие методы: по требованию немецких властей акционерный капитал резко снижался, немецкие банкиры приобретали часть акций, а затем акционерный капитал резко увеличивается, и подавляющую часть новых акций захватывали немецкие господа.

Такими путями промышленность, банки, торговля оккупированных и вассальных стран оказались присвоенными хозяевами гитлеровской Германии. Вот некоторые факты.

Наиболее нажившийся на войне и награбивший концерн Геринга захватил в Австрии крупнейшее акционерное общество в области металлургии «Альпине-Монтана», Штирийские заводы литой стали, овладел свыше 80% акций автомобильных заводов «Штайер-Дамлер-Пух», больше 50% акций Зиммерингских машино- и вагоностроительных заводов, 50% акций завода Паукера, обществом Дунайского пароходства и рядом других предприятий.

В Чехословакии после оккупации Судетской области Геринг присвоил себе большую часть угольных предприятий. Геринг захватил также заводы Шкода, оружейные заводы в Брно и металлургические заводы Чешско-Моравского акционерного общества. Фактически Геринг стал хозяином большей части металлургической и военной промышленности Чехословакии. В Словакии Геринг захватил медные рудники, металлургические и металлообрабатывающие предприятия «Подбжешова». Совместно с крупнейшим химическим концерном И. Г. Фарбениндустри Геринг захватил важнейшую часть чехословацкой химической промышленности. В Польше Геринг присвоил Верхнесилезские шахты, став самым крупным владельцем шахт и залежей угля в Верхнесилезском бассейне. Сделка была заключена в форме покупки концерном Геринга этих предприятий у Германского хозяйственного управления на востоке за 200 млн. марок. Концерн Геринга стал хозяином также металлургических заводов в Силезии.

В Норвегии концерн Геринга захватил Дундерландские железные рудники. В Румынии концерн Геринга владеет важнейшими военными и металлургическими заводами. Специально созданное Румыно-Германское акционерное общество включило в свой состав крупнейший металлургический концерн «Малакса», а также военно-металлургические заводы в Решице, принадлежавшие раньше английской фирме «Вик-

керс». Половина акций Румыно-Германского акционерного общества также принадлежит концерну Геринга.

В грабеже наряду с Герингом участвуют и другие империалисты. Концерн Маннесмана захватил значительную часть металлургической промышленности в Чехословакии. Польская угольная, текстильная и другие отрасли промышленности захвачены немецким капиталом. Многими польскими предприятиями тяжёлой промышленности наряду с Герингом овладел Крупп.

Гитлеровское государство создало специальное Главное хозяйственное управление на востоке, которое имело право конфисковать любые польские предприятия, если этого требовала «защита интересов государства». За один год это управление экспроприировало у польских граждан 294 крупных, 9 тыс. средних, 76 тыс. мелких промышленных предприятий и свыше 9 тыс. крупных и 112 тыс. мелких торговых предприятий.

Польские паровозостроительные заводы были переданы крупному германскому паровозостроительному концерну «Хеншель и К^о» в Касселе.

Во Франции, Бельгии и Голландии германские империалисты, чтобы облегчить себе управление награбленным, проводят грабёж преимущественно в форме захвата акций, ставя во главе правления акционерного общества какого-нибудь своего местного агента, что в то же время не исключает и методов открытого захвата богатств оккупированной страны.

Так, залежи железной руды в Лотарингии и заводы де Ванделя в Лотарингии и Люксембурге были включены в концерн Геринга. Другие заводы стали управляться объединённым комитетом, в состав которого входят представители концерна Геринга, объединения сталелитейных заводов и заводов Клекнера. Клекнер до первой мировой войны владел рудниками в захваченной немцами Лотарингии и всё время мечтал о реванше.

Немцы заставили французские автомобильные фирмы притти к «соглашению» с германскими концернами. Французская химическая промышленность «реорганизована» в центральную монополию «Франколор», 51% акций которой находится в руках германского треста И. Г. Фарбениндустри.

Немцы организовали специальную «встречу» с французом Пюшо, который был одним из наиболее видных деятелей европейского стального картеля и французского металлургического синдиката. В результате в газетах Виши развернулась кампания за «экономическое сотрудничество» с немцами, что

на деле означало: немцам — 51% акций всех важнейших акционерных компаний, остальные 49% французы могут пока оставить себе, но они должны работать на военные нужды Германии. Заводы Крезо целиком взяты в немецкое управление.

В Голландии во главе центрального банка поставлен фашистский лидер Рост ван Тониген. Через него голландская промышленность оказывается подчинённой германским банкирам и плутократам и используется для военных нужд Германии.

Большую активность в деле ограбления оккупированных стран и присвоения их богатств проявили немецкие банки. Так, например, Немецкий банк овладел в Австрии (совместно с германским государственным финансовым обществом «Фиаг») крупнейшим австрийским банком Кредит-Анштальт; в Чехословакии путём комбинаций с изменением величины акционерного капитала он овладел Богемским союзным банком и (совместно с Дрезденским банком) Живностенским банком, контролировавшим лёгкую промышленность Чехословакии; в Польше Немецкий банк через Богемский союзный банк захватил акции концерна горной промышленности Банска Гутни; в Югославии Немецкий банк захватил ряд банков, в том числе Банковское общество Хорватии и через него держит в своих руках промышленность на оккупированной территории; в Румынии он овладел 90% акций Румынского коммерческого банка, представляющего собой крупнейший в Румынии банк, прежде принадлежавший французам, бельгийцам и румынам; Национальный банк Греции немцы заставили заключить «соглашение» с Немецким банком, обязывающее греческий банк «сотрудничать во всех делах, касающихся экономического строительства Греции».

Другой крупнейший банк Германии, Дрезденский банк, захватил в Австрии Лендер-банк, в Чехословакии — Чехословацкий банк промышленности и торговли и Богемский учётный банк, в Польше — Коммерческий банк в Кракове, в Венгрии — Венгерский кредитный банк и т. д. Так же действовали и другие германские банки.

В Румынии особым влиянием прежде пользовался Дрезденский банк, а сейчас экономические позиции стали захватываться Немецким банком и другими банками. Нефтяные компании целиком захвачены немцами. То же касается и других отраслей.

Наряду с захватом земли, фабрик и заводов, осуществляемым крупнейшими немецкими фирмами и помещиками, немцы увозят из оккупированных стран всевозможное имущество,

подчистую забирая продовольствие и сырьё. Методы, которые немцы здесь применяют, разнообразны: 1) прямая реквизиция, 2) принуждение продать за бесценок, принудительный экспорт, 3) взятие «в долг» (вежливая форма реквизиции, применённая ими в частности в Дании и в вассальных странах), 4) покупка по повышенным ценам, но таким образом, что экспортируемые в порядке компенсации в ничтожном количестве и не имеющие большого значения товары продаются в десятки раз дороже, 5) прямая денежная контрибуция, 6) выпуск в безмерном количестве оккупационных марок, не имеющих хождения в самой Германии, 7) искусственно высокий курс немецкой марки в отношении местной валюты, 8) наконец, всюду и везде солдатский грабёж, мародёрство.

Приведём некоторые данные, иллюстрирующие перечисленные выше методы грабежа.

Огромные размеры приняла прямая денежная контрибуция с оккупированных стран в форме оплаты этими странами «оккупационных расходов». Франция до конца 1942 г. уплатила немцам 16 млрд. марок, Бельгия — 2,6 млрд., Голландия — 1,7 млрд., Норвегия — 1,8 млрд. марок. Богемия, Моравия и Польша как «составные части» Германии «оккупационных расходов» не оплачивают, а несут специальные налоги, идущие на покрытие военных расходов Германии. Эти страны внесли до конца 1942 г., по некоторым исчислениям, 15 млрд. марок¹. Кроме того, Германия заставляет банки оккупированных стран под различными предложениями давать ей «кредиты» и в форме кредитования расчётов по закупкам (долги по клирингу) и в форме авансов на работы по возведению укреплений; Германия заставляет эти банки покупать её облигации. По данным из того же источника, такого рода «кредиты» составили к концу 1942 г. свыше 14,5 млрд. марок². Только этими методами немцы получили в оккупированных странах до конца 1942 г. свыше 50 млрд. марок. Германия присвоила себе золотые фонды австрийского, чехословацкого и бельгийского банков (золотые фонды остальных стран были своевременно вывезены).

Немцы насильно понизили курс валют оккупированных стран, чтобы повысить курс марки и создать для себя более выгодные условия для скупки товаров в оккупированных странах. Так, например, вначале бельгийский франк был при-

¹ См. «Внешняя торговля» № 7—8 за 1943 г., стр. 35.

² Там же, стр. 36.

равнен 10, а затем 8 пфеннигам, в Греции курс марки был повышен в июне 1940 г. с 43 до 46,5 драхмы¹. И так во всех оккупированных странах. Повсюду в таких странах немцы создавали «девизное командование» для изъятия у населения золота и иностранной валюты. Понятно, что такого рода изъятия не поддаются пока учёту.

Не поддаются пока учёту и все остальные виды грабежа. Здесь можно привести лишь отдельные иллюстрации.

Немцы уверяли датчан, что они их облагодетельствовали, а потому и взяли «взаймы» у Дании одну треть всех коров, одну треть свиней, 15 млн. штук домашней птицы. Долг оплачивается бумажными, обесцененными деньгами. Для перевозки награбленного немцы взяли «в долг» 700 паровозов и 10 тыс. вагонов. Когда будет возвращён этот долг, никому, конечно, неизвестно. Немцы вывезли из Дании наибольшую часть её продовольственных и кормовых ресурсов. Вывоз производился различными методами. Вначале немцы играли на ценах, пытаясь без особых усилий принудить датчан к вывозу. Так, например, в конце 1940 г. они объявили, что будут платить 450 крон за 100 кг масла против 240 крон в 1939 г. В начале 1941 г. немцы обещали ещё больше повысить цены, т. е. платить 500 крон за 100 кг при вывозе 8 тыс. т, а за вывозимое сверх этого количество — 525 крон за 100 кг. Некоторые датчане пошли на эту приманку, но оказалось, что немцы масло вывезли, а следуемые за него деньги «просили считать долгом» за ними. Задолженность Германии колоссально возрастает изо дня в день. Дания в связи с отсутствием кормов уничтожает скот. Датский крестьянин голодает и впадает в нищету.

Дотла ограблена и Голландия. Немцы уничтожили и вывезли из Голландии до 90% домашней птицы. Из 670 тыс. т овощей, имевшихся в стране, вывезено в 1942 г. 400 тыс. т. В Голландии немцы конфисковали золота больше чем на 200 млн. долл., вывезли всё сырьё, большую часть портового оборудования.

В Бельгии до немецкой оккупации имелось 389 тыс. автомашин. На 1 апреля 1942 г. их осталось 38 тыс., т. е. одна десятая. Немцы так ограбили Бельгию, что смертность в стране к началу 1942 г. выросла в 4 раза по сравнению с 1938 г.

Норвегия, как и другие страны, ограблена дочи́ста. Немцы там забирают всю годовую добычу меди, алюминий, никель, серу и другие виды сырья, вывозят в Германию 80—90%

¹ «Советские финансы» № 1 за 1942 г., стр. 43.

улова рыбы, вывозят скот и запрещают выдавать населению Норвегии мясо. У норвежцев старше 18 лет конфискуют обувь для армии и т. д.

Своих вассалов Германия также открыто превращает в свои колонии.

«Берлинер Цейтунг» от 12 мая 1941 г. писала: «Государства юго-востока Европы должны раз и навсегда приспособить свою экономику к требованиям и нуждам объединённой континентальной хозяйственной системы». К этому сведена роль Румынии, Болгарии, Венгрии.

В Болгарии главным объектом фашистского грабежа является сельское хозяйство и сырьевые ресурсы. Кредитный банк в Софии открыто переименован в Германо-Болгарский кредитный банк, «чтобы и в названии отразить характер своей основной деятельности» («Доннау-Цейтунг»). Во славу же этой «основной деятельности» болгарских крестьян заставляют отдавать за бесценок агентам германских банкиров и торговцев хлеб, скот, табак и другие продукты. Четыре-пять лет назад табак продавался по 90, 120, даже 150 левов за килограмм. Теперь крестьянина заставляют его продавать меньше чем за 40 левов. Крестьяне забросали правительство протестами против этого грабежа.

Насколько навиваются в Болгарии на ценах берлинские хозяева, показывают следующие примеры. В 1940 г. Германия вывозила из Болгарии некоторые товары по ценам, стоявшим на 5,6% выше цен 1939 г., зато взамен ввозила всякую дрянь по ценам, превышающим на 56,6% цены 1939 г. Вывоз из Болгарии вина, винограда, мармелада и других товаров производится (на основе специальных соглашений) по ценам, составляющим 25% берлинских розничных цен. Но каковы бы ни были цены, немцы большую часть импорта не оплачивают, и нищая Болгария стала крупным кредитором Германии. Болгария находится на грани голода.

Та же судьба постигла Румынию, Венгрию (где население получает 150 г хлеба в день) и Финляндию.

Но совершенно открытому ограблению особенно подверглись временно захваченные немцами советские территории. Из городов вывозилось оборудование коммунального хозяйства, оставшееся оборудование и инструменты заводов, медицинские инструменты, из сёл угонялся скот и вывозилась вся сельскохозяйственная продукция. Специальные отделения штаба Розенберга организовали разграбление библиотек музеев и исторических памятников. Солдаты и офицеры повсеместно занимались мародёрством — обирали жителей в ряде случаев буквально до нитки. Подсчёт всего того, что

ограблено, только начинается, и вряд ли он может быть полным: грабили живых и мёртвых. С немецким педантизмом, аккуратно собирали одежду и вещи десятков тысяч обречённых на смерть людей. Снимали ботинки у специально подстреленных с целью грабежа маленьких детей и т. д. Советские города и сёла немцы подвергали бессмысленному разрушению. В особенности немцы неистовствовали перед отступлением. В Смоленске разрушены и приведены в негодность все предприятия коммунального хозяйства, превращены в развалины промышленные предприятия, сожжены и взорваны все здания лечебных учреждений, разрушены почти все учебные заведения, сожжён цирк, разрушены кинотеатры, разграблены и взорваны музеи. По далеко не полным данным, немцы нанесли ущерб коммунальному хозяйству Смоленска, его промышленности, железнодорожному узлу, учреждениям здравоохранения и просветительным свыше чем на 1,2 млрд. руб. В Сталинской области немцы разрушили угольную промышленность, нанеся ей, по предварительным данным, ущерб в 2 млрд. руб. Варварски разрушены города Сталино, Краматорск, Макеевка, Горловка, Енакиево и др. В Вязме из 5 500 зданий уцелел лишь 51 деревянный дом. За 2 недели немцы произвели здесь 476 взрывов, которыми уничтожили 10 медицинских учреждений, 17 школ, учительский институт, публичную библиотеку, дом пионера, 4 рабочих клуба, детский дом, 5 детских яслей, 4 детских сада, дом учителя, дом Красной Армии, летний театр, дом колхозника, 8 зданий советских учреждений, здания бани и хлебозавода, вырубил 2 городских парка, кроме того, при отступлении отравили цианистой солью воду в большинстве колодцев, взорвали церкви и мосты. Это всё в таком относительно небольшом городе, как Вязма! И такая картина почти повсюду в тех местах, откуда Красная Армия изгоняет немцев. Немцы уничтожают всё, что не могут вывезти, они расстреливают скот, который не могут угнать с собой, и уничтожают сельскохозяйственную продукцию, которую не в состоянии увезти. Грабёж, варварское уничтожение и разрушение всего, что создано руками советских людей,— таковы результаты хозяйничанья немцев на советской земле.

Товарищ Сталин в своём докладе 6 ноября 1943 г. говорил: «Как средневековые варвары или орды Аттилы, немецкие злодеи вытаптывают поля, сжигают деревни и города, разрушают промышленные предприятия и культурные учреждения. Злодеяния немцев говорят о слабости фашистских захватчиков, ибо так поступают только временщики, которые

сами не верят в свою победу. И чем безнадежнее становится положение гитлеровцев, тем более они неистовствуют в своих зверствах и грабежах. Наш народ не простит этих преступлений немецким извергам. Мы заставим немецких преступников держать ответ за все их злодеяния!»¹.

В захваченных странах гитлеровцы наряду с ограблением материальных ценностей полностью осуществляют свою программу превращения населения в рабов германских господ. Угон в рабство советских людей, принудительная отправка на работы в Германию поляков, французов, бельгийцев — это осуществление фашистской программы, программы создания и закрепления нового рабовладельческого порядка.

Что же касается методов привлечения иностранной рабочей силы в Германию, то они различны. Во временно оккупированной части СССР, где находится огромная немецкая армия, людей насильно, под угрозой расстрела, угоняют в немецкое рабство; на Западе, опираясь на лавалей и квислингов, немцы попытались вначале «добровольными» методами вербовать рабочую силу, пытались затеять с лавальями и квислингами работорговлю, давать рабочим несбыточные обещания и всячески рекламировать германский рай. Но из этого ничего не получилось: рабочие не поехали. И «западные» методы «вербовки» сейчас мало отличаются от «восточных» методов насильственного угона в рабство.

Германское телеграфное агентство ОФИ сообщало, что германские власти приняли суровые меры для обеспечения набора рабочей силы в оккупированных областях. В занятых немцами странах лицам, отказывающимся ехать в Германию, не продают никаких продуктов. В Бельгии и Голландии лица, не имеющие работы, обязаны под угрозой строгого наказания зарегистрироваться. Без разрешения оккупационных властей частным лицам запрещено нанимать рабочих. Работа в Германии является для бельгийских и голландских рабочих обязательной. Такие же меры применяются к чешским, югославским, французским и норвежским рабочим. В принудительном порядке направляют в Германию проданных рабочих и вассальные страны.

С Францией, с правительством Виши Гитлер устроил форменную работорговлю. Правительство Виши обязалось поставлять Германии французских промышленных рабочих, за что Гитлер обязался освободить часть французских военно-

¹ Сталин, 26-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, 1943, стр. 17—18.

пленных. Германия вначале потребовала отправки 350 тыс. рабочих, из них 150 тыс. квалифицированных. Взамен этого из 1 200 тыс. военнопленных Германия обещала освободить 50 тыс. Добровольно поехать в Германию согласились единицы. Тогда Лаваль приказал насильно отправлять рабочих в Германию. Были зарегистрированы рабочие завода Рено, разрушенного английской авиацией, в том числе и те из них, которые уехали в деревню. Гитлеровская газета «Паризер Цейтунг» поместила статью генерального секретаря «правительства» Виши по вопросам промышленного производства, в которой сообщалось, что с целью высвобождения рабочей силы для отправки в Германию во Франции будут закрываться всё новые и новые предприятия. Но так как рабочие не хотят ехать ни по воле Лавалья, ни по воле французских промышленников-работорговцев, немцы применяют насильственные меры к отправке людей в Германию.

Вот что, например, сообщает об этом Совинформбюро: «В департаменте Шер (Франция) немецкие оккупанты пытались насильно отправить на работу в Германию 200 рабочих машиностроительного завода. На заводе вспыхнула забастовка протеста. Тогда администрация по приказу гитлеровцев объявила о закрытии завода и лишила всех рабочих продовольственных карточек. Однако угрозой безработицы и голода оккупантам не удалось отправить рабочих в фашистскую Германию»¹.

4 сентября 1942 г. Лаваль издал декрет о введении трудовой повинности для мужчин от 18 до 50 лет и для женщин от 21 до 35 лет (за исключением женщин, имеющих детей). В порядке этой трудовой повинности население должно поехать в Германию на работу. В ответ на все эти меры принуждения на ряде предприятий Франции вспыхнули забастовки, усилилась деятельность подпольных патриотических организаций.

Пресловутая «тотальная мобилизация» вызвала ещё больший нажим Гитлера на все оккупированные страны. Мужское население этих стран почти полностью стало вывозиться в Германию.

В Норвегии трудовая повинность введена для всех мужчин в возрасте от 18 до 55 лет и для женщин от 21 до 40 лет, в Чехии и Моравии — для мужчин от 16 до 65 лет и для женщин от 17 до 45 лет. То же и в других странах, оккупированных немцами.

Иностранные рабочие, пригнанные в Германию даже в по-

¹ «Правда» от 29 августа 1942 г.

рядке «договоров» по вербовке, находятся в ужаснейшем положении. Свобода их передвижения ограничена, уехать обратно на родину нельзя даже после окончания срока договора. Но сейчас все эти условности, связанные с «договором», вообще отбрасываются. Рабочий *обязан* отбывать немецкую каторгу.

Особую злобность проявляет враг по отношению к советским людям.

Как велико количество советских людей, угнанных в немецко-фашистское рабство, показывают хотя бы следующие отдельные сведения. Из Кривого Рога немцы увезли свыше 20 тыс. человек, из Курска и девяти прилегающих районов — 29 381 человека, а из Харькова (по официальным германским данным на август 1942 г.) — свыше 32 тыс., из Мариуполя — 60 тыс.

По данным, опубликованным Заукелем 14 января 1943 г. в газете «Минскер Цейтунг», из оккупированных на востоке областей за 1942 г. угнано в рабство около 2 млн. человек. Гитлеровский сатрап на Украине Кох сообщил в газете «Дейче Украине Цейтунг» в январе 1943 г., что в Германию угнано 710 тыс. украинцев.

По сообщению Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, из Сталинской области угнано под угрозой расстрела в немецко-фашистское рабство 125 тыс. советских граждан.

В ноте народного комиссара иностранных дел т. Молотова от 11 мая 1943 г., в документах Чрезвычайной Государственной комиссии по расследованию немецких зверств установлены факты угона свободных советских людей в Германию и превращения их в рабов на немецких фабриках, в поместьях немецких баронов, в крестьянских хозяйствах.

На основе официальных германских документов в ноте т. Молотова сообщается, что массовый увод советских граждан в немецкое рабство и приравнение их к военнопленным является осуществлением заранее поставленной германскими фашистскими главарями задачи. Приказ Геринга ещё в конце 1941 г. требовал использования русских рабочих на работах в Германии, причём они должны быть приравнены к военнопленным, а в целях «поддержания порядка» наказания должны сводиться лишь к двум их видам без промежуточных ступеней — лишение питания и смертная казнь по приговору военно-полевого суда. Гитлер поручил специальному аппарату по использованию рабочей силы, возглавляемому Заукелем, доставить в Германию 400—500 тыс. отборных,

здоровых и крепких девушек из «восточных областей», чтобы заметно разгрузить занятую немецкую крестьянку.

Особенно свирепствуют немцы при отступлении, угоняя население целых сёл и городов в Германию, в фашистское рабство.

В ноте т. -Молотова устанавливается, что в целях осуществления программы захвата рабов применяются зверские насилия. При отправке советских граждан создаётся такая обстановка, что уже значительная часть их гибнет в пути от голода, побоев и скотских условий перевоза людей в Германию. Отpravку людей немцы проводят с неслыханной жестокостью, не считаясь ни с состоянием здоровья, ни с возрастом, ни с силами угоняемых в рабство людей. Обесиленных, раненых и больных фашисты просто убивают в дороге.

Положение иностранных рабочих в гитлеровской Германии исключительно тяжёлое. Это самые бесправные люди. Рабочий день у иностранных рабочих ещё длиннее, чем у немецких, а заработная плата вдвое меньше, а иногда она и вовсе не выплачивается. Вот что об этом сообщало Совинформбюро: «На машиностроительном заводе в Эссене иностранным рабочим разъяснили, что весь их заработок удерживается для оплаты стоимости пайка в заводской лавке. Как известно, этот паёк состоит из 200 г хлеба и литра жидкой похлёбки в день. С 1 по 10 августа эсэсовцы расстреляли на этом заводе за саботаж 7 поляков, 3 французов и отправили в концентрационный лагерь 30 голландцев, пытавшихся бежать на родину»¹. «Военнопленные» никакой заработной платы не получают, им подбрасывают к обеду (так называется мутная водичка, которой их кормят) несколько десятков граммов хлеба, и всё. Неудивительно, что иностранные рабочие массами умирают от истощения, иногда тут же, у станков.

Но особенно тяжело положение советских людей, насильно вывезенных в Германию. Они в полном смысле превращены в рабов. На правой стороне груди они обязаны носить синий прямоугольник с надписью «ОСТ».

Вот факты из различных источников о положении советских людей, захваченных немцами и отданных в рабство на немецкие фабрики.

В письме из Германии немецкому солдату Гансу Карлу знакомые из Тауха 23 апреля 1942 г. пишут: «Имеются ли уже русские в Родерсдорфе, я не знаю... Здесь на предприятии они работают, только ужасно истощены, часто падают с

¹ «Правда» от 27 августа 1942 г.

ног у машины». Солдату Матиасу пишет сестра из Бурга: «Анна писала, что у Отто на постройке работает много русских. Все совсем молодые люди, все выглядят ужасно плохо».

Вот письмо к родным с фашистской каторги, опубликованное в «Правде» от 30 августа 1942 г.: «Мама, я переживаю тяжёлые для меня дни. Голодаю. Меня интересует, как вы сейчас живёте, что кушаете. Я думаю, что у вас ничего нет... В город нас не пускают, мы имеем отметку «ОСТ». Кроме нас в лагерях находятся хорваты, поляки и французы. В начале июня я работала на мойке пузырьков. Это каторжная работа. А скоро нас заставят работать и на фабрике и в садах хозяина собирать фрукты. Находимся на одном месте в ограждении. Недавно сюда прислали также людей из-под Киева. Мама, я сейчас работаю на химической фабрике. Работа адская. Раз в день во время перерыва я имею кусочек хлеба. Ботинки мои совсем разбилась и хожу босой. 7 июля работала до 4 часов хорошо, потом у меня от истощения закружилась голова, я упала... Нет возможности описать всю мою жизнь, так мало хорошего, а горя реченька». Письмо это писано Валентиной Ядренцевой из лагеря «Берингерзон», вблизи Ингельгейма на Рейне.

О положении советских граждан, угнанных в Германию, можно судить и по показаниям немецких пленных.

Перебежавший на нашу сторону солдат Леопольд Б. рассказывает: «Я видел русских, вывезенных в Германию из занятых немецкой армией советских районов, на военном заводе в Бранденбурге. Живут они на положении пленных. В день дают им 100 граммов хлеба и кружку чая. Они совершенно истощены. Дом, в котором живут русские, обнесён колючей проволокой и охраняется полицейскими. На заводе работают исключительно иностранцы: русские, чехи, итальянцы, поляки. Со всеми иностранцами обращаются плохо, но хуже всех с русскими».

«Судьба русских в Германии очень тяжела,— заявляет другой перебежчик, солдат Гарри Г.— Стыдно в этом сознаться, но многие немцы, включая даже простых солдат, испытывают садистское удовольствие, истязая беззащитных русских. Один человек из организации Тодта — фамилии его я сейчас не помню — хвастался, что когда ему и его подразделению было поручено наблюдать за группой русских в 1400 человек, то он за 14 дней «довёл» их число до 80... Зимой, во время сильных морозов, русских запирали в железнодорожные вагоны, которые в течение многих дней не отапливались. Затем открывали вагоны и выбрасывали оттуда замёрзшие трупы».

Для советских людей создан в Германии ещё один вид массовой пытки — специальные рабочие концлагери. О жизни в этих лагерях рассказывает солдат 85-го полка Томас Мушелник:

«В Тоссарово под Двинском есть рабочий лагерь, где находится мирное русское население. Весь их недельный рацион заключается в одном килограмме хлеба. Работают они по 12 часов в сутки и больше. Все одеты в лохмотья и рваную обувь. Многие больны, но медицинская помощь не оказывается. Большое число этих людей гибнет от голода и болезней»¹.

Таким образом, гитлеровский «новый порядок» означает не что иное, как порабощение свободных народов, угон тысяч и тысяч людей на невольничий рынок в Германию, превращение свободных советских людей в каторжников с деревянными бирками на шее. Гитлеровский «новый порядок» — это произвол немецкого негодяя, насилующего женщин и девушек, убивающего ни в чём не повинных мирных людей. Гитлеровский «новый порядок» — это превращение в пепел и груды развалин цветущих городов и сёл, уничтожение и расхищение культурных ценностей.

Что представляет собой этот «новый порядок» для мирных жителей, временно попавших под иго немецкой оккупации, дают представление следующие факты. Для рабочих, служащих, для людей квалифицированных профессий был установлен принудительный труд, в большинстве случаев без всякой оплаты, при 16-часовом рабочем дне. Квалифицированные рабочие и инженеры используются в качестве чернорабочих на тяжёлых дорожных и строительных работах. Очень часто людей, которых использовали на работах, имеющих военно-стратегическое значение, после завершения этих работ расстреливали, чтобы они не выдали тайны.

У крестьян забирается земля и передаётся сельскохозяйственному отделу германского управления, колхозы ликвидируются, вместо них временно создаются общинные хозяйства, где крестьяне принуждаются к «совместной работе» для снабжения продуктами германской армии и её тыла. Нередко земля просто передаётся германским помещикам, немецким колонистам и всяким проходимцам, на которых крестьяне обязаны работать в качестве крепостных. Военные агрономы, сельскохозяйственные офицеры, коменданты, старосты, бургомистры имеют неограниченные права, чтобы принудительными методами и террором заставить крестьян работать на немцев.

¹ «Презда» от 30 мая 1943 г.

Розги, смертная казнь — вот основные методы воздействия на непокорных.

Немало случаев, когда крестьян используют в качестве рабочего скота, запрягая их в плуги и машины.

Ряд сообщений свидетельствует о том, какие порядки немецкие фашисты пытались установить на советских землях, временно ими захваченных. Совхоз «Искра», Ленинградской области, гитлеровцы объявили немецким образцовым и передали его барону Шауэру, а крестьян окружающих деревень превратили в рабов этого барона. Крестьяне должны были работать по 15—16 часов в сутки. Никакой оплаты за труд они не получают, им выдают лишь 300 граммов овсяной муки. Широко применяется порка. Так, заporоли насмерть 55-летнюю колхозницу Елену Фёдоровну Кузьмину, не желавшую работать на помещика.

У крестьян отнимают всё имущество, начиная от скота и кончая бельём. Постоянные поборы, бесконечные налоги и массовые порки, пытки, смертные казни за неподчинение — такова система «управления» немецких оккупантов. В занятых районах свирепствуют голод и эпидемии. Больных уничтожают.

Тяжело положение крестьян и в других оккупированных немецкой армией странах, например в Польше.

Немецко-фашистские захватчики превратили Польшу в свою колонию. С каждым днём всё большее число хозяйств польских крестьян немцы объявляют германской собственностью и передают их прусским колонистам, а крестьян превращают в батраков. В Польше создано германское общество «Остланд», которое уже забрало в свои руки значительную часть польской земли. Вот один из примеров хозяйничания немецких помещиков. Прибывший из Восточной Пруссии немецкий помещик Эмиль Брудуль прибрал к своим рукам хозяйства Феликса Яновича, Коханского, Журальского, Краевского и многих других польских крестьян. Прусский помещик отнял у крестьян всю землю, скот, жильё и хозяйственные постройки. Раньше у Феликса Яновича было 50 моргов земли, две лошади и дом. Немцы сделали его нищим. Теперь Янович за угол в своём собственном доме должен отрабатывать немцу-помещику 7 дней в месяц. Новоявленный помещик, бывший руководитель штурмовиков Билли Бланк, согнал из окрестных деревень сотни польских крестьян и заставляет их работать на себя по 16 часов в сутки. В его имении крестьяне живут в развалившихся бараках, получают отвратительную пищу. Им запрещено самовольно отлучаться с территории имения. За малейшую провинность крестьян зверски

избивают или ссылают в концентрационный лагерь. Так выглядят немецкие порядки, установленные гитлеровцами в захваченных ими странах.

Так гитлеровское государство при помощи своей разбойничьей армии устанавливает подлинные рабовладельческие порядки — организует торговлю рабами, вводит рабский режим труда.

Что Германия действительно превращается в рабовладельческое государство, базирующееся всё более и более на рабском труде иностранцев, показывают приведённые раньше нами цифры о количестве иностранных рабочих в Германии. Их число уже достигло 12 млн. Это не считая оккупированных территорий, где миллионы людей превращены в крепостных, в рабов.

Гитлеровские мерзавцы пытаются повернуть назад колесо истории, пытаются восстановить рабско-крепостнические порядки. Только авантюристы и обманщики могут утверждать, что общество может развиваться, применяя современную технику, при рабско-крепостнических порядках. Не случайны жалобы немецких газет на низкую производительность труда, саботаж, плохую работу и т. д. Чего же ещё можно ожидать от людей, которых превратили в рабов?

Гнусные порядки, заведённые немцами, не могут не вызвать растущего сопротивления во всей оккупированной Европе. Население скрывается от принудительных мобилизаций, сжигает вербовочные бюро, уничтожает списки, уходит в партизанские отряды, убивает немцев и всячески им вредит.

Люди, превращённые в рабов, отвечают страшной ненавистью своим угнетателям. Гитлеровские бандиты могут ещё творить свои страшные злодеяния, но их участь предрешена. Под ударами Красной Армии разваливается гитлеровская военная машина. Гитлеровские палачи ответят за все свои преступления.

Товарищ Сталин говорил:

«Немецкие захватчики поработили народы европейского континента от Франции до Советской Прибалтики, от Норвегии, Дании, Бельгии, Голландии и Советской Белоруссии до Балкан и Советской Украины, лишили их элементарных демократических свобод, лишили их права распоряжаться своей судьбой, отняли у них хлеб, мясо, сырьё, превратили их в своих рабов, распяли на крест поляков, чехов, сербов и решили, что, добившись господства в Европе, они могут теперь строить на этой основе мировое господство Германии. Это называется у них — «новый порядок в Европе». Но что это за «основа», что это за «новый порядок»? Только гитлеровские

самовлюблённые дурачки не видят, что «новый порядок» в Европе и пресловутая «основа» этого порядка представляет вулкан, готовый взорваться в любой момент и похоронить немецкий империалистический карточный домик»¹.

* * *

Всё предыдущее изложение показало, что в ходе исторического развития германский империализм сложился как наиболее разбойничий и хищнический империализм. Германские плутократы и банкиры в интересах осуществления своих империалистических целей вырастили гитлеровскую партию, партию наиболее разбойничьих и хищнических империалистов среди всех империалистов мира. Захват государственной власти этой партией привёл к тому, что хищнические и разбойничьи устремления германского империализма были доведены до крайности, до предела.

Финансовая олигархия Германии использовала гитлеровскую власть, чтобы в интересах ограбления народа, подготовки и ведения захватнических войн усилить процессы монополизации хозяйства, широко развить государственно-монополистический капитализм. *Всевластие финансовой олигархии, её открытая и прямая диктатура достигли в Германии высшей степени развития.* Система, которую стремится создать финансовая олигархия Германии,— порабощение ею всех народов мира — означает высшую степень *паразитизма*. Финансовая олигархия Германии втягивает в свою политику немецкий народ, рисуя ему «прелести» паразитического существования за счёт ограбления других стран и народов. Неизбежным результатом авантюристической попытки захватить господство над миром явилось небывалое *разрушение производительных сил* и прежде всего уничтожение десятков миллионов людей в кровавой бойне, затеянной Германией, и вследствие истребления немцами населения оккупированных стран.

Гитлеровский империализм по своему разбойничьему характеру, по всем своим устремлениям, по разрушительной силе вызванных им катастроф далеко превзошёл германский империализм времён Вильгельма II.

Кайзер Вильгельм возглавлял полувоенно-деспотическое полицейское государство, осуществлявшее империалистическую политику. Гитлеровцы пошли дальше. Они создали террористический режим, какого никогда и нигде не было в цивилизованном обществе, режим человеконенавистнический,

¹ Сталин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 3-е, стр. 28—29.

режим, при котором истребление целых народов является официально прокламированной целью государства.

Германские плутократы всегда использовали широко и открыто государственную власть для укрепления своего экономического могущества. В условиях господства гитлеризма они пошли дальше: пользуясь своей экономической властью и применяя методы террора, они до небывалых размеров довели грабёж народа и ввели рабско-крепостнические порядки в городе и деревне.

Прусские юнкеры всегда стремились повернуть весь строй немецкой жизни к средневековым отношениям. Но лишь в гитлеровском государстве одержали верх идеология мракобесия и крепостнические порядки. Германский империализм времён Вильгельма пытался оттеснить другие державы, чтобы занять их место, завоевать колонии. Гитлеровцы своё господство над миром поставили как *непосредственную* задачу своей политики. Прежде германский империализм стремился к захвату территорий, богатств и порабощению лишь некоторых народов, которые он объявлял неспособными к цивилизации. Гитлеровцы идут дальше. Они объявили, что *все* народы должны быть рабами у немцев, они поставили своей задачей порабощение цивилизованных народов, восстановление рабовладельческого общества.

Эта внешняя политика должна подкрепить власть немецких плутократов и над немецким народом, этим «вечным слугой» у крупнейших плутократов и баронов.

Гитлеровцы поставили своей целью уничтожение государственности, культуры, истребление народов, имеющих длительную историю независимого существования, сделавших огромный вклад в дело мировой цивилизации.

«Расовая теория», «новый порядок», зверства, разбой, бандитизм — это официально объявленная политика гитлеровской власти, «законная» и «нормальная» линия поведения германских войск.

По зверству, кровожадности, человеконенавистничеству гитлеровские империалисты не имеют себе равных.

Гитлеровский империализм — это доведённый до предела, наиболее хищнический и разбойничий империализм во всём мире. Гитлеровцы всячески пытались и пытаются замаскировать свою подлинную природу. Они утверждают, что они в Германии создали «плановое», «социалистическое» хозяйство. Какое оно «плановое» и какое оно «социалистическое», если средства производства там не обобществлены, а принадлежат отдельным финансовым магнатам или группам финансовых магнатов. «Плановость» и «социализм» нужны фашистам

лишь для обмана масс. За фашистской «плановостью» скрывается использование государственной власти для борьбы конкурирующих групп финансовых магнатов, скрывается задолго до войны проведённая военная мобилизация хозяйства, разрушение всех мирных его отраслей, перераспределение рабочей силы, сырья и других средств производства в пользу отдельных групп плутократов, перераспределение народного дохода для финансирования войны, военная каторга для народа, наконец, грабёж оккупированных стран и народов различными германскими трестами и концернами. Всё это так же далеко от плановости и социализма, как небо от земли. Опыт войны, как показал товарищ Сталин, полностью разоблачил действительную природу гитлеровцев.

Какие они националисты, оберегающие целостность и независимость Германии, если они напали на Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, СССР и другие свободолюбивые страны, не покушавшиеся на целостность Германии? Какие они социалисты, если они восстанавливают рабско-крепостнический строй? Какие они культуртрегеры, если они сжигают величайшие культурные ценности, покрывают Европу виселицами и заливают её морем человеческой крови?

В своей внешней политике гитлеровцы пытались прикрыться борьбой с большевиками. Но сейчас все видят, что под маской борьбы с коммунистами они лишили элементарных прав сотни миллионов людей, они замучили и казнили методами средневековья десятки тысяч демократически настроенной интеллигенции. Под видом борьбы с коммунистами они захватили половину Европы и ограбили её до нитки.

Немцы жестоко просчитались, рассчитывая на то, что они создадут всеобщую коалицию против СССР. Всегдашней особенностью политики германского империализма являлось несоответствие тех материальных средств, которыми он располагает, и поставленных им целей. Отсюда ему всегда было свойственно стремление бить своих противников поодиночке. Отсюда крайнее усиление авантюристического характера всей политики германского империализма. Свободолюбивые народы поняли опасность, которая им грозит со стороны разбойничьего германского империализма, и объединились в общий лагерь, чтобы разгромить гитлеровскую разбойничью армию.

Ни захват половины Европы, ни ограбление оккупированных стран не могут помочь гитлеровским разбойникам достичь той превосходящей экономической и военной мощи, которую имеют соединённые силы трёх свободолюбивых держав.

Немцы рассчитывали на непрочность советского тыла, но и эти расчёты полностью провалились. Этот просчёт уже поставил Германию на край катастрофы.

Ясно, что война против немецко-фашистских захватчиков, которую ведут свободолюбивые народы, есть справедливая, освободительная война.

На Советский Союз выпала благородная историческая миссия — совместно со своими союзниками освободить человечество от гитлеровского империализма. Эта великая освободительная задача вдохновляет весь наш народ, нашу армию на беззаветную борьбу против врагов нашей родины.

За 26 лет существования советской властью коренным образом изменилось положение народов, населяющих Советскую страну. В СССР создана могучая экономическая основа для обороны страны, для успешной борьбы за государственную независимость. В Советской стране построена вполне современная, самая передовая по технике социалистическая индустрия, самое крупное в мире социалистическое сельское хозяйство, оснащённое передовой техникой.

Под руководством товарища Сталина Советская страна стала передовой в техническом отношении страной. Советское государство решило величайшую социалистическую и вместе с тем величайшую национальную задачу, создав материально-техническую базу независимости и обороноспособности нашей страны. Повседневное внимание нашей партии и лично товарища Сталина к созданию новых промышленных баз в восточных районах страны позволило провести эвакуацию промышленных предприятий из прифронтовых районов, в короткие сроки развернуть работу эвакуированных предприятий на новых местах, осуществить новое строительство и во всё возрастающих масштабах снабжать фронт оружием, боеприпасами и всем необходимым. Огромные успехи нашей родины, гордость за всю её историю вдохновляют русский народ и все братские народы на борьбу с немецкими захватчиками. Советский народ един в своём стремлении довести борьбу с гитлеровским фашизмом до полной победы. Морально-политическое единство советского народа является источником беззаветной храбрости и героизма советских людей.

Как показал товарищ Сталин в своём докладе «26-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции», благодаря героическому, самоотверженному труду рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции Красная Армия и Советская страна обеспечены всем необходимым для ведения победоносной войны. Выдержала все

испытания и окрепла дружба народов СССР. Большевицкая партия — руководящая и направляющая сила советского народа — выступила как вдохновитель и организатор всенародной борьбы за разгром врага и ещё теснее за время войны сроднилась с народом, связалась с широкими трудящимися массами. «Созданная 26 лет назад Советская власть в короткий исторический срок превратила нашу страну в не-сокрушимую крепость. Красная Армия из всех армий мира имеет наиболее прочный и надёжный тыл», а «Советское государство никогда не было столь прочным и незыблемым, как теперь, на третьем году Отечественной войны» (Сталин).

Совсем в другом положении оказалась гитлеровская Германия. Серьёзные поражения, которые нанесла Красная Армия немецко-фашистской армии, привели к большим потерям Германии в людской силе и технике и поставили её в исключительно тяжёлое положение. У неё истощаются людские резервы, сырьё, разрушается производственный аппарат. Провалились расчёты немцев и на то, чтобы выправить положение путём «тотальной мобилизации». Поражения, которые нанесла Красная Армия немцам в 1943 г. и продолжает наносить в 1944 г., показывают, что им уже не помогут никакие «тотальные мобилизации». Европейский тыл гитлеровцев непрочен, непрочен и германский тыл, разваливается гитлеровская коалиция, «фашистская Германия переживает глубокий кризис. Она стоит перед своей катастрофой» (Сталин).

Каковы же конкретные цели войны, которую ведёт советский народ против германских захватчиков?

Мы видим, что германские плутократы для осуществления своих империалистических целей призвали к власти партию гитлеровцев, которая построила террористическое гитлеровское государство. Это государство создало армию со звериным обликом. При помощи этой армии в захваченной ею части Европы установлен «новый порядок» — строй открытого грабежа, насилия, разбоя.

Очевидно, что для осуществления благородной задачи спасения свободолюбивых народов надо уничтожить гитлеровское государство, гитлеровскую армию, гитлеровский «новый порядок».

Товарищ Сталин говорил:

«Наша первая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровское государство и его вдохновителей... Наша вторая задача в том именно и состоит, чтобы уничтожить гитлеровскую армию и её руководителей...

Наша третья задача состоит в том, чтобы разрушить ненавистный «новый порядок в Европе» и покарать его строителей»¹.

Свободолюбивые народы мира, объединившись в борьбе против гитлеровской Германии, имеют достаточно сил и средств, чтобы уничтожить гитлеровское государство, гитлеровскую армию и гитлеровский «новый порядок». Гитлеровская Германия будет разгромлена. Победа над гитлеровской Германией поставит новые задачи в области политики. Товарищ Сталин об этом говорил так:

«Победа союзных стран над гитлеровской Германией поставит на очередь дня важные вопросы организации и воссоздания государственной, экономической и культурной жизни европейских народов. Политика нашего правительства в этих вопросах остаётся неизменной. Вместе с нашими союзниками мы должны будем:»

1) освободить народы Европы от фашистских захватчиков и оказать им содействие в воссоздании своих национальных государств, расчленённых фашистскими поработителями, — народы Франции, Бельгии, Югославии, Чехословакии, Польши, Греции и других государств, находящихся под немецким игом, вновь должны стать свободными и самостоятельными;

2) предоставить освобождённым народам Европы полное право и свободу самим решать вопрос об их государственном устройстве;

3) принять меры к тому, чтобы все фашистские преступники, виновники нынешней войны и страданий народов, в какой бы стране они ни скрывались, понесли суровое наказание и возмездие за все совершённые ими злодеяния;

4) установить такой порядок в Европе, который бы полностью исключал возможность новой агрессии со стороны Германии;

5) создать длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество народов Европы, основанное на взаимном доверии и взаимной помощи в целях восстановления разрушенного немцами хозяйства и культуры»².

Сталинские положения о целях войны против гитлеровской Германии, о новых задачах в политике после победы над гитлеровской Германией это — великая программа действий свободлюбивых народов, это последовательно демократи-

¹ Сталин, О Великой отечественной войне Советского Союза, изд. 3-е, стр. 71, 72.

² Сталин, 26-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, 1943, стр. 25—26.

ческая программа, ибо она ставит себе целью сделать народы свободными от фашистского ига, предоставить народам самим свободно решать вопрос о формах их государственной жизни, т. е. сделать народы хозяевами своей собственной судьбы, наказать виновников фашистских злодейств, обеспечить невозможность новой агрессии со стороны Германии и создать условия для доверия и сотрудничества, взаимной помощи народов Европы. Такая программа действий подлинно соответствует интересам всех свободолюбивых народов и она ещё больше мобилизует их на борьбу с гитлеровскими разбойничьими ордами.

Осуществление этой программы действий после победы создаст предпосылки прочного мира.

Созданный немецким фашизмом кровавый «новый порядок» идёт к краху. «Время, когда гитлеровская клика буйно шумела по поводу завоевания немцами мирового господства, осталось далеко позади, — говорил товарищ Сталин. — Теперь, как известно, немцам не до мирового господства, — не до жиру, быть бы живу»¹.

Сейчас война идёт к окончательной развязке. Победа уже близка. Но чтобы её добиться, нужно напрячь все наши силы, не успокаиваться на достигнутом, использовать все наши возможности. «Победа не даётся без борьбы и напряжения. Она берётся с боя»².

¹ Сталин, 26-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, 1943, стр. 25.

² Там же, стр. 23.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Сталин, О Великой отечественной войне Советского Союза, изд. 3-е, 1943.
- Сталин, 26-ая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, 1943.
- Маркс, Генеральный совет международного товарищества рабочих о войне, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XIII, ч. II.
- Маркс, Гражданская война во Франции, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XIII, ч. II.
- Маркс, Письмо Комитету германской социал-демократической рабочей партии от 1 сентября 1870 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXVI.
- Маркс, Письмо Кугельману от 13 декабря 1870 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXVI.
- Энгельс, Бой во Франции, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XIII, ч. II.
- Энгельс, К истории прусского крестьянства, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I.
- Энгельс, Письмо к Марксу от 15 августа 1870 г., Сочинения Маркса и Энгельса, т. XXIV.
- Энгельс, Протекционизм и свобода торговли, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I.
- Энгельс, Роль насилия в истории, Сочинения Маркса и Энгельса, т. XVI, ч. I.
- Маркс и Энгельс о реакционном пруссачестве, ИМЭЛ. Авторы Кандель и Прейс, под ред. М. Б. Митина, изд. 1942 г.
- Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 годов, Соч., т. XI.
- Ленин, Война и революция, Соч., т. XXX.
- Ленин, Государство и революция, Соч., т. XXI.
- Ленин, Грозящая катастрофа и как с ней бороться, Соч., т. XXI.
- Ленин, Доклад о партийной программе 19 марта 1919 г. на VIII съезде РКП(б), Соч., т. XXIV.
- Ленин, Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. XIX.
- Ленин, О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, Соч., т. XXII.
- Ленин, О политической линии, Соч., т. XVI.
- Ленин, О старых, но вечно новых истинах, Соч., т. XV.
- Ленин, Письмо к американским рабочим, Соч., т. XXIII.
- Ленин, Поворот в мировой политике, Соч., т. XIX.
- Ленин, Речь на Первом Всероссийском съезде военного флота, Соч., т. XXII.
- Ленин, Тетради по империализму.
- Ленин, Цаберн, Соч., т. XVII.
- Ленин, Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа? Соч., т. VIII.
- Сталин, Украинский узел. Сб. «Статьи и речи об Украине», изд. 1936 г.
- Сталин, Об основах ленинизма.

- Сталин, Заключительное слово по докладу на XV Всесоюзной конференции ВКП(б).
- Сталин, Политический отчёт Центрального Комитета XV съезду ВКП(б).
- Сталин, Политический отчёт Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б).
- Сталин, О задачах хозяйственников.
- Сталин, Итоги первой пятилетки.
- Сталин, Отчётный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б).
- Сталин, О проекте Конституции Союза ССР.
- Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников.
- Сталин, Письмо т. Иванова и ответ т. Сталина.
- Сталин, Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б).
- История ВКП(б), Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б).
- А. С. Щербаков, Под знаменем Ленина—Сталина мы победим! Госполитиздат, 1943.
- А. С. Щербаков, Под знаменем Ленина—Сталина советский народ идёт к победе, Госполитиздат, 1944.
- М. И. Калинин, Война Отечественная и война тотальная.
- М. И. Калинин, Сталинский приказ, «Правда» от 14 мая 1943 г.

ДОКУМЕНТЫ

Ноты народного комиссара иностранных дел Союза ССР тов. В. М. Молотова о немецко-фашистских злодеяниях и зверствах

О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных. 25 ноября 1941 г. О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях. 6 января 1942 г. О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления. О массовом насильственном уводе в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан и об ответственности за это преступление германских властей и частных лиц, эксплуатирующих подневольный труд советских граждан в Германии.

- Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в гг. Вязьме, Гжатске и Сычёвке Смоленской области и в г. Ржеве Калининской области.
- О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии.
- О злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в городе Орле и Орловской области. Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии.
- О разрушениях, причинённых немецко-фашистскими захватчиками промышленности, городскому хозяйству, культурно-просветительным учреждениям Сталинской области. Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии.
- Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории гор. Краснодара и Краснодарского края в период их временной оккупации.
- Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава I. Появление германского хищника на мировой арене . . .	3
Глава II. Развитие германской плутократии и её грабительских аппетитов	14
Глава III. Германский юнкерско-буржуазный империализм и его стремление к господству над миром	35
Глава IV. Германский империализм как наиболее разбойничий и хищнический	46
Глава V. Почему германские плутократы и юнкеры привели к власти гитлеровских людоедов	52
Глава VI. Гитлеровское государство и установленные им рабско- крепостнические порядки	68
Глава VII. Гитлеровские планы завоевания мирового господства и гитлеровская армия	90
Глава VIII. Гитлеровский «новый порядок»	99
Краткая библиография	123

Редактор В. Булыгина

Подписано к печати 29 февраля, 1944 г. А 4633. Объем 8 п. л. Тир ж 25 тыс. экз.
Заказ № 1580. Цена 2 руб.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкинг». ОГПЗ при СНК
РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.

2 руб.

16

50

u